

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№6 (55) / 2011

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, Т.П. Карпилович, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Измайлов А.З.</i> Модели поверхностной речевой структуры	7
<i>Крючкова А.Е.</i> Классификация имен собственных лица: зона реальной жизни и зона текста.....	13
<i>Скалозубова О.С.</i> Семантика процессуальности арабских знаков I породы: связь содержательных и формальных характеристик.....	22
<i>Таха Фалак</i> Языковые средства создания образа героя портретного очерка в белорусской и сирийской прессе	28
<i>Чалова О.Н.</i> Типы ответных реплик в англо- и русскоязычной устной научной дискуссии	36
<i>Шитикова И.В.</i> Основные аспекты проблематики синтаксического параллелизма.....	44

Романское и германское языкознание

<i>Гутовская М.С.</i> Семантическая организация фразеосемантического поля “Спор” в английском языке	51
<i>Дворкина Е.Ю.</i> О функциональных особенностях испанского экономического текста в формате газетной статьи	59
<i>Карневская Е.Б.</i> Восприятие фразовой просодии и просодическое транскрибирование....	65
<i>Макарченко Е.А.</i> О роли контекста в формировании рядов кореферентных имен в художественном тексте	72
<i>Могилевцев С.А.</i> Грамматические особенности британских устных медиатекстов	78
<i>Неборская Л.Н.</i> Статус и роль коммуникантов в реализации социальной функции речевого ритуала	86
<i>Панова И.И.</i> Просодия речевых актов вежливой оценки в английском официально-деловом и непринужденном диалоге.....	95

Исследования славянских языков

<i>Кузин А.Н.</i> Развитие переносных значений у глаголов с приставкой <i>о-</i> на основе вторичной мотивированности.....	102
---	-----

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Кривонос Е.А.</i> Описание форм родительного падежа в функциональном и статистическом аспектах.....	111
---	-----

Литературоведение

<i>Дичковская Н.С.</i> Визуальная образность в романе Зейди Смит «О красоте»	118
<i>Забогонская И.Л.</i> Функции динамического странствия в поэзии английских романтиков	126
<i>Никифоров А.А.</i> Осмысление афроамериканским солдатом своей роли на войне: (на примере стихотворения Гвендолин Брукс «Негритянский герой»).....	132
<i>Сыраежка Т.Г.</i> Раннія п'есы Петэра Хандкэ як адлюстраванне эксперыментальнага абнаўлення еўрапейскай драмы 60 – 70-х гадоў XX ст.	141
<i>Тарасава Т.М.</i> Філасофскія экзістэнцыяльныя канцэпцыі і іх мастацкая інтэрпрэтацыя	149
<i>Наши авторы</i>	159

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Izmailov A.Z.</i> Models of Surface Speech Structure.....	7
<i>Kruchkova H.E.</i> Classification of Personal Proper Names: Real World Area and Possible World Area.....	13
<i>Skalozubova O.S.</i> Processual Semantics of Arabic Signs of the I Form: Relationships Between the Content and the Formal Features	22
<i>Taha F.</i> Linguistic Means of Creating a Character Portrait in Feature Articles from Belarusian and Syrian Press.....	28
<i>Chalova O.N.</i> Types of Responses in Conference Discussions (Based on the English and Russian Languages)	36
<i>Shytsikava I.V.</i> Basic Aspects of a Problematic of Syntactic Parallelism	44

Romance and Germanic Linguistics

<i>Gutovskaya M.S.</i> The Semantic Structure of the Phraseological-Semantic Field “Arguing” in the English Language	51
<i>Dvorkina E.Y.</i> The Functional Features of the Spanish Economic Press Texts.....	59
<i>Karnevskaya E.B.</i> Perception of Utterance Prosody and Prosodic Transcription.....	65
<i>Makarchenko K.A.</i> On the Role of Context in the Forming of Rows of Coreferent Names in a Fiction Text	72
<i>Mogilevcev S.A.</i> Grammatical Properties of British Television and Radio Texts	78
<i>Neborskaya L.N.</i> Communicants Status and Role as Implementation of Speech Ritual Social Function.....	86
<i>Panova I.I.</i> Prosody of Polite Response in Formal and Informal English Dialogue.....	95

Slavonic Languages

<i>Kuzin A.N.</i> The Development of Secondary Meanings in Russian Verbs with the Prefix <i>o-</i> as a Result of Motivated Semantic Derivation.....	102
---	-----

Applied Linguistics

<i>Kryvanos K.A.</i> The Description of Genitive Preposition-Case Forms with Regard to Functional Relations and Statistic Aspects	111
--	-----

Studies in Literature

<i>Dzichkouskaia N.S.</i> Visual Images in the Novel <i>On Beauty</i> by Zadie Smith	118
<i>Zabahonskaya I.L.</i> “Dynamic Wandering” Functions in The Poetry of English Romantics.....	126
<i>Nikiforov A.A.</i> African-American Soldier’s Apprehension of His Role in the War (on the Example of the Poem “Negro Hero” by Gwendolyn Brooks).....	132
<i>Syrayezhka T.G.</i> Peter Handke’s Early Plays as a Reflection of the Experimental Modernization of European Drama in the 1960–1970s.....	141
<i>Tarasava T.M.</i> Philosophical Existential Concepts and their Artistic Embodiment	149
<i>Our authors</i>	159

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

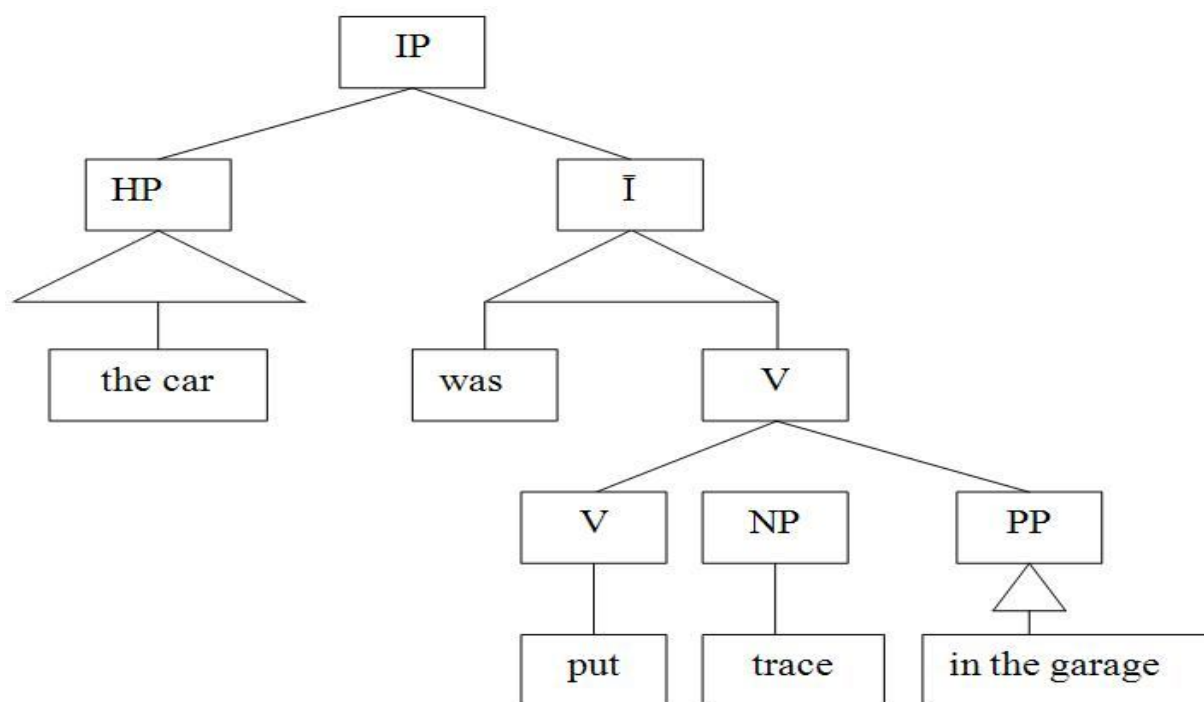
А.З. Измайлов

МОДЕЛИ ПОВЕРХНОСТНОЙ РЕЧЕВОЙ СТРУКТУРЫ

В статье проводится сравнительный анализ различных поверхностных речевых моделей путем сравнения и сопоставления их с аналогичными глубинными моделями для выяснения соответствия полученной на выходе структуры с реальным замыслом говорящего. За основу сравнительного анализа берется общий порядок слов поверхностной структуры с учетом правил лексической, грамматической и семантической сочетаемости элементов. В качестве примеров используются полные и неполные предложения, активные и пассивные конструкции как в русском, так и в английском языках. Делается вывод о том, что наличие в поверхностной структуре субъекта, действия и объекта не обязательно свидетельствует о полном предложении, в котором просматриваются возможные глубинные смысловые связи составляющих элементов. Определяются главные факторы, влияющие на окончательный вариант трансформируемой поверхностной структуры.

В отличие от моделей глубинной структуры, поверхностные модели отражают реальный порядок слов предложения, произносимого говорящим. Этот порядок слов может сильно отличаться от порядка слов глубинной структуры и отражает не только субъектно-объектные взаимоотношения, но, прежде всего, грамматические и лексические сочетаемостные свойства основных элементов (предикативов и предикативных групп). Например, глаголу *put* необходимы подлежащее, дополнение и предложная группа. В этом отношении предложения *He put the car* и *He put in the garage* звучат незаконченно. В то же время предложения *The car was put in the garage* *What did he put in the garage?* и *Where did he put his car?* являются абсолютно правильными. В действительности все недостающие синтаксические группы в указанных предложениях присутствуют. В первом предложении роль грамматического субъекта выполняется фактическим дополнением (пассивная конструкция), во втором и в третьем предложениях функции дополнения и обстоятельства выполняются соответствующими вопросительными словами. В глубинных структурах все эти группы занимают место согласно принятому в языке порядку слов, а при преобразовании в поверхностные предложения в результате трансформационных преобразований оказываются в тех позициях, в которых они реально воспринимаются акцептантами.

Приведем поверхностную структуру пассивного предложения (рисунок), на которой обозначено место грамматического подлежащего в глубинной структуре, так называемый след [1, с. 108]. Этот след показывает реальную функцию (в данном случае функцию дополнения) перемещенной синтаксической группы (*the car*).

Поверхностная структура пассивного предложения

То есть поверхностная структура в данном случае не только отражает реальный порядок слов окончательного высказывания, но и помогает отследить его промежуточный (трансформационный) период и глубинную смысловую структуру. Чем богаче флективная система языка, тем больше возможностей для передачи смысловых оттенков в окончательном предложении. При этом, учитывая тот факт, что поверхностная структура разворачивается слева направо, отдельные синтаксические блоки (syntactical chunks) могут корректироваться непосредственно в момент речевой реализации. Например, по-русски можно сказать *Машина была поставлена в гараж* (*Машину поставили в гараж*) и *Машина была поставлена в гараже* (*Машину поставили в гараже*). В первом случае подразумевается направление действия, а во втором – локализация производимого действия.

Поверхностные структуры, в которых отсутствует один из основополагающих компонентов (субъект, действие, объект), являются неполными в смысле отражения глубинной структуры и полными, если названные компоненты присутствуют. Например, предложение *I'm confused* (*Я стесняюсь*) будет неполным в сравнении с предложением *I'm confused by people* (*Я стесняюсь людей*). Поверхностная структура *The chair was broken* также будет неполной по сравнению с активной формой *George broke the chair*, которая является более предпочтительной по сравнению с полной конструкцией пассива *The chair was broken by George*. *I don't like people who are unclear* (*Я не люблю людей, которые непонятны*).

В обеих этих поверхностных структурах имеется опущение, связанное со словом *непонятных* (*непонятных кому, в чем*). Так, один из более полных вариантов может быть:

I don't like people who are unclear to me about what they want (Я не люблю людей, которые непонятны мне в своих желаниях).

Однако даже наличие в поверхностной структуре субъекта, действия и объекта не обязательно свидетельствует о полном предложении, в котором просматриваются возможные глубинные смысловые связи составляющих элементов. Так, например, в предложении *I have a problem (У меня имеются проблемы (сложности)* остаются невыясненными глубинные отношения объекта (*сложности с кем или чем*). Это становится очевидным при рассмотрении другого, более полного, варианта указанной поверхностной структуры *I have a problem with people (У меня имеются сложности с людьми)*. Вместе с тем и эта последняя структура не является законченной в глубинном отношении из-за существования вполне реальной возможности распространения посредством прикрепления различного вида придаточных предложений, например, *I have a problem with people whom I think to be cleverer than me* и т.д. Таким образом, первоначальная поверхностная структура может быть продлена практически до бесконечности. Но, поскольку длина реального предложения имеет определенные пространственные ограничения, в нем отражаются лишь те структурные элементы, которые наиболее существенны в смысловом отношении.

Здесь необходимо упомянуть о тех случаях, когда полные, на первый взгляд, предложения (при наличии в них субъекта, действия и объекта) могут исказить глубинную смысловую структуру при опущении уточняющих придаточных. Так, например, предложение *I don't like people (Я не люблю людей)*, как основной фрагмент полной структуры *I don't like people who are unclear to me (Я не люблю людей, которые непонятны мне)*, искажает смысл последней (количественное и качественное искажение). В свою очередь, структура *I don't like people who are unclear to me* искажает замысел более полной (развернутой) структуры *I don't like people who are unclear to me about what they want (Я не люблю людей, которые непонятны мне в своих желаниях)* – качественное искажение.

В отличие от указанных поверхностных моделей, в которых опущению подвергаются правосторонние придаточные (скрывающие более полную информацию об исходной глубинной структуре), выявление глубинной структуры в некоторых случаях может представляться более сложным. Это примеры адвербиальных конструкций с различными оттенками значений, например: *Obviously, my parents dislike me (Очевидно, мои родители недолюбливают меня)* или *My parents obviously dislike me (Мои родители, очевидно, недолюбливают меня)*. Для выявления глубинной структуры данного предложения понадобится перефразировать последнее, вводя конструкцию с формальным подлежащим: *It is obvious that my parents dislike me (Это является очевидным, что мои родители недолюбливают меня)*. В полученной таким образом структуре определить глубинную составляющую не представляется сложным. Очевидно, что слову *that*, представляющему собой ключевой пункт (след) для дальнейшего развертывания глубинной схемы, предшествует номинативная группа,

определяемая вопросом *It is obvious (for whom?) that my parents dislike me* (Очевидно (для кого?), что мои родители не любят меня). Полная семантическая структура данного предложения может выглядеть следующим образом: *It is obvious for me that my parents dislike me*. Схематично данную структуру можно представить так: S₁ – (←O (NP) – S₂, где S₁ и S₂ – части сложного предложения, а O (NP) – дополнение, выраженное номинативной группой. Здесь необходимо также отметить, что наречие *obviously* в первоначальном предложении является релевантным в семантическом плане не столько для сказуемого, сколько для дополнения (что инициирует развертывание глубинной структуры с участием дополнения *me* в аналогичной функции) в отличие, например, от следующего предложения: *I quickly left the argument* (Я быстро прекратил спор), которое может быть преобразовано в структуру с местоимением *it*: *It is quick that I left the argument* (Быстро то, что я прекратил спор). В данном предложении качественное наречие *quickly* характеризует именно действие, для которого оно и является релевантным. Быстрота действия является здесь как бы универсальным свойством и для субъекта и для предполагаемого объекта, поэтому внутренняя развертка глубинной структуры (*quick for whom?*) в данном случае не имеет оснований. Развитие глубинной структуры может происходить здесь в виде правого ветвления в качестве уточняющего дополнения, например: *It is quick that I left the argument with my friend* или определительного придаточного: *It is quick that I left the argument that would lead to nothing* и т.д. То же самое будет справедливым и в отношении другого предложения: *She slowly started to cry* (Она медленно начала плакать), преобразованного в структуру: *It is slow that she started to cry* (Медленно то, что, начала она плакать).

Наконец, самый сложный процесс восстановления языковой репрезентации глубинной структуры связан с поверхностными структурами, в которых использованы модальные слова и их эквиваленты, например: *I have to take other people's feelings into account* (Я должен считаться с чувствами других людей) или *One must take other people's feelings into account* (Следует считаться с чувствами других людей), или *It is necessary to take other people's feelings into account* (Необходимо считаться с чувствами других людей). В этих и подобных им предложениях делается заявление, что что-то должно произойти и опускается придаточное результата или следствия. Семантический анализ таких структур прямо ведет к постановке следующих вопросов: *What will happen if?..* или *What would happen if you (one) fail(s) to?..* Схематически это может выглядеть следующим образом: S₁ (*if not*) → S₂, где S₂ – возможный результат или следствие невыполнения действия, содержащегося в первом предложении, в силу различных причин или обстоятельств. В отличие от рассмотренных ранее поверхностных структур, в которых опущена только объектная группа или придаточное с определительной функцией, относящееся к дополнению, в данном случае речь идет об опущении более значительного масштаба, содержащем отдельную,

обособленную структуру, связанную с поверхностным высказыванием отношения причинно-следственного характера. Имплицитная глубинная структура причинного характера может содержаться в таких высказываниях, как: *It is not possible to love more than one person at a time* (Невозможно любить одновременно более одного человека) или *No one can love more than one person at a time* (Никто не может любить одновременно более одного человека). Вопрос для выяснения существующей глубинной структуры может звучать следующим образом: *What makes your loving more than one person at a time impossible?* (Что делает невозможной для вас одновременную любовь к более чем одному человеку?) или *Why can't you love more than one person at a time impossible?* (Почему вы не можете любить одновременно более чем одного человека?). Глубинные структуры причинного характера с ветвлением в правую сторону имеют место с предложениями, использующими модальный глагол *can* или его аналог *be able to* в отрицательном значении, например: *I can't understand my wife* (Я не могу понять своей жены) или *No one is able to understand me* (Никто не способен понять меня) и т.д.

Языковой процесс превращения глубинного слова («словообраза», по выражению Б.Ю. Нормана) в процессуальное слово называется номинализацией и представляет собой один из способов реализации общего моделирующего процесса искажения в системах естественного языка. Цель узнавания номинализации состоит в том, чтобы помочь говорящему (это в равной степени относится и к слушающему) воссоединить свою языковую модель с продолжающимся динамичным процессом языковой ситуации. Другими словами, обратное превращение номинализации в процессуальные слова помогает говорящему понять, что то, что он считал завершенным событием, находящимся вне контроля, представляет собой на самом деле продолжающийся процесс, который можно изменить. Языковой процесс номинализации представляет собой сложный трансформационный процесс, посредством которого процессуальное слово или глагол глубинной структуры предстает в поверхностной структуре в виде событийного слова или имени [2, с. 65].

Итак, в поверхностных структурах заключено процессуальное слово или конструкция, скрывающая глагол (действие) глубинной структуры. Для того чтобы определить указанное слово или глагол глубинной структуры, необходимо применительно к каждому из элементов (слов) поверхностной структуры поставить следующие вопросы: 1) не описывает ли это слово какое-нибудь событие, которое на самом деле является процессом, происходящим в мире и 2) нет ли такого глагола, который бы своим значением или написанием напомнил это слово и одновременно был бы близок к нему по своему значению. Кроме того, необходимо убедиться, что данное процессуальное или «событийное» слово естественно вписывается в пробел синтаксической конструкции *an ongoing* ~ (непрерывный/внезапный,

длящийся). Настоящие же имена невозможно вставить в пропуск словосочетания «непрерывный ~» так, чтобы получилось правильное словосочетание. Например, настоящие имена *стул воздушный змей, лампа, окно* и т.д. не вписываются в это словосочетание ни грамматически, ни семантически правильным образом – *непрерывный стул, непрерывный воздушный змей* и т.д. [3, с. 185].

Прежде всего, необходимо определить, какие именно элементы поверхностной структуры действительно являются номинализациями. Например, в поверхностной структуре *I regret my decision to return home* (Я сожалею о своем решении вернуться домой) событийное слово или имя *decision* (решение) является номинализацией. Это значит, что в репрезентации глубинной структуры присутствовало процессуальное слово или глагол, в данном случае глагол *решать*: *I regret that I'm deciding to return home* (Я сожалею, что решил вернуться домой). В грамматическом аспекте реконструкция глубинной структуры в данном случае представляет собой замену конструкции Complex Object на сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным [4, p. 298].

Как указывалось, проверить процессуальное слово можно с помощью синтаксической конструкции *an ongoing ~* (непрерывный/внезапный, длящийся). Так, подставив в указанную конструкцию слово *decision*, получим подходящее сочетание: *внезапное решение*. То же самое будет справедливым в отношении сочетания *an ongoing behavior* (внезапное или длящееся поведение), например, в предложении *I don't like his behavior in public places* (Мне не нравится его поведение в общественных местах). Указанная синтаксическая конструкция может быть развернута в промежуточную структуру: *I don't like how he behaves in public places* (Мне не нравится, как он ведет себя в общественных местах) и далее в полную глубинную структуру: *I think (that) he behaves badly in public places* (Я думаю, что он плохо ведет себя в общественных местах). Основная (базовая) часть поверхностной структуры (*I don't like*), как видно из примера, также преобразуется в глубинной структуре. Семантически это выглядит следующим образом: предикативная конструкция *I (you, he, etc.) don't (doesn't) like something* означает, что *I think that something is bad (evil, dangerous, unjust, ugly etc.)* (Я (ты, он...) считаю (-ешь, -ет) что-то плохим, злым, опасным, несправедливым, некрасивым и т.д.).

Некоторые поверхностные структуры по причине наличия в них многозначных элементов, одновременно выполняющих различные функции в предложении, могут иметь следствием возможное разночтение (*misinterpreting*) глубинных (семантических) структур, например: *Radiation doesn't kill this suddenly*. Понимание может быть различным в зависимости от того, является ли слово *this* указательным местоимением в функции объекта, или усилительной частицей наречия *suddenly*. В первом случае поверхностная структура является более полной и требует только дополнитель-

ной номинативной конструкции для конкретизации объекта. Во втором случае, поверхностная структура является менее завершенной по причине отсутствия объекта.

Итак, мы можем говорить о более или менее полной (завершенной или адекватной) и неполной (незавершенной или неадекватной) поверхностной структуре. Однако, насколько можно судить из продемонстрированных примеров, ни длина, ни сложность поверхностных конструкций не являются сами по себе определяющими факторами, по которым можно судить о полноте или неполноте (завершенности/незавершенности) соответствующих глубинных структур. Главным же остается тот факт, что поверхностная структура является единственным источником толкования скрытой глубинной идеи и трансформации ее в речевую (устную или письменную) форму.

В любом случае все возможные варианты развернутого высказывания зависят от многих факторов, главными среди которых являются: 1) высокий уровень владения языком, что предполагает, в свою очередь, наличие языкового чутья, 2) хорошее знание собеседника и 3) знание фоновой речевой ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пинкер, С.* Язык как инстинкт / С. Пинкер; пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
2. *Норман, Б.Ю.* Грамматика говорящего / Б.Ю. Норман. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – 351 с.
3. *Носенко, Э.Л.* Эмоциональное состояние и речь / Э.Л. Носенко. – Киев, 1997. – 258 с.
4. *Guth, H.* Our Changing Language / H. Guth. – London, 2001. – 298 p.

The given article presents a comparative analysis of various superficial speech models by their comparison and correlation with the similar deep models for finding-out of conformity of the structure received at an exit with a real plan of the speaker. The primary factors influencing a definitive variant of transformed superficial structure are defined.

Поступила в редакцию 18.11.11

А.Е. Крючкова

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ЛИЦА: ЗОНА РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И ЗОНА ТЕКСТА

Статья посвящена построению новой классификации имен собственных (ИС) лица, дифференцирующей основой которой является выделение *двух зон: зоны реальной жизни и зоны текста*. Зона реальной жизни включает в себя три класса: *обиходные ИС, актуальные ИС, исторические ИС*. Зона текста также представлена тремя

классами: *литературные ИС, мифологические ИС, библейские ИС*. Обе зоны связаны между собой, что позволяет определить и описать процесс трансмиссии ИС из одного класса в другой по двум направлениям: *вертикальная трансмиссия* в зоне реальной жизни (обиходное ИС \Rightarrow актуальное ИС \Rightarrow историческое ИС; историческое ИС \Rightarrow обиходное ИС) и *горизонтальная трансмиссия* из зоны реальной жизни в зону текста (историческое ИС \Rightarrow литературное ИС, историческое ИС \Rightarrow библейское ИС; обиходное ИС \Rightarrow литературное ИС, обиходное ИС \Rightarrow мифологическое ИС, обиходное ИС \Rightarrow библейское ИС).

В силу разнообразия ономастических явлений и вопросов, связанных с именами собственными (ИС), различны и параметры, по которым проводится их классификация. В лингвистических работах исследователи принимают такие критерии, как принадлежность имени к определенным территориям (классификации топонимов, связанные с размерами географических объектов, процессом их именования и употребления), временным отрезкам (хронологические классификации), социальному устройству общества (стилистические и этические классификации) и др. Во многих работах предлагается референтная классификация (*classification référentielle*), в которой берется за основу природа референта ИС: выделяются классы антропонимов (имя человека), топонимов (названия городов, стран, морей, водных источников, гор, зданий и памятников), эргонимов (названия торговых марок), праксонимов (исторические события, названия болезней и теорем) и фенонимов (названия природных явлений) и др. [1, р. 34].

Расширенная версия этой классификации включает подклассы разных по своей природе классов: *антропонимы* (личные имена, фамилии, прозвища, псевдонимы); *топонимы* (географические названия, топонимы-прозвища); *зоонимы* (клички животных); *урбанонимы* (названия улиц, названия домов, названия пабов) [2, с. 6–100].

А.В. Суперанская предлагает наиболее полную классификацию ИС в связи с именуемым объектом [3, с. 174–212]:

1) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые (*антропонимы, зоонимы, мифонимы*);

2) именованные неодушевленные предметы (*топонимы, космонимы и астронимы, фитонимы* ‘названия растений’, *хремонимы* ‘названия отдельных неодушевленных предметов (оружия, посуды, драгоценностей и т.д.)’, *названия средств передвижения, сортовые и фирменные названия*);

3) собственные имена комплексных объектов (*названия предприятий, учреждений, обществ, объединений; названия органов периодической печати; хрононимы* ‘обозначение определенных отрезков и точек времени’; *названия праздников, юбилеев, торжеств; названия мероприятий, кампаний, войн; названия произведений литературы и искусства; документонимы* ‘названия документов, актов, законов’; *названия стихийных бедствий; фалеронимы* ‘названия орденов, медалей, знаков отличия’);

4) лексические категории, не включаемые в ономастическое пространство (*этнонимы* ‘групповые обозначения лиц по их социальному положению, производственной деятельности и т.д.’, *обозначения лиц по местожительству и групповые прозвания людей, товарные знаки*).

Как видим, лингвист выделяет параметр, объединяющий (и в то же время разграничивающий) ИС *живых существ* и *существ, воспринимаемых как живые* (антропонимы, мифонимы). Практически речь идет об ИС – *зоны реальной жизни* и ИС – *зоны текста*. Именно эти термины и проведенная ими онтологическая граница между реальными людьми и литературными, мифическими или библейскими персонажами становятся основополагающими в данной статье при разработке классификации *ИС лица*, под которыми понимаются имена реальных людей, литературных, мифических и библейских персонажей.

В уже существующих типологиях антропонимы представлены либо как отдельный самостоятельный класс (классификация О.А. Леоновича), либо, как и мифонимы, в качестве подкласса, входящего в более крупную категорию (классификация А.В. Суперанской). Теонимы выделяются отдельно, а литературные ИС входят в класс антропонимов.

Статус мифонимов и теонимов, как и статус литературных персонажей, не идентичен статусу ИС человека: отличны пути формирования значения¹ ИС, входящих в разные классы. То есть логичность описания ИС лица в рамках существующих классификаций нарушается по причине разных путей номинации [4, р. 46]: когнитивное значение ИС реального человека формируется в процессе его личных жизненных усилий, тогда как когнитивное значение имени литературного персонажа регулируется автором, правилами написания произведения и реализацией авторского мировоззрения. Если речь идет о богах, мифических героях, то источником получения информации, необходимой для экспликации значения этих групп имен, в основном, являются дошедшие до нас письменные тексты, легенды, мифы и т.д. Поэтому есть настоятельная необходимость разграничивать два типа референтов: *a real world referent* ‘референт реально существующего мира’ и *a possible world referent* ‘референт вымышленного мира’ [5, р. 86].

К этому следует добавить, что большое количество работ, посвященных ИС литературных персонажей за последние десять лет, позволяет выделить в рамках ономастики и антропонимики особое направление – литературную ономастику [6, с. 77]. Иными словами, обозначить ономастику ИС зоны текста. Мифонимия также представляет собой своеобразный сектор ономастического текстового пространства [7, с. 34]. «В него входят именованные людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т.п., в действительности никогда не существовавших» [3, с. 180].

Классификация антропонимов К. Джонасон принимается в качестве фундаментальной основы зоны реальной жизни в новой динамичной типологии ИС лица, предлагаемой в данной статье. Лингвист выделяет *три группы ИС: исторические ИС, обиходные ИС и актуальные ИС*.

Исторические ИС (*Npr historiques*) – ИС, информация о которых имеется в энциклопедиях и хранится в коллективной памяти.

¹ Автор статьи придерживается позиции о том, что ИС лица обладают когнитивным значением, имеющим ряд отличий от лексического значения имен нарицательных.

Референт исторического ИС – знаменитая личность, знания о ней составляют неотъемлемую часть культурного наследия лингвистического сообщества той или иной страны [8, p. 138].

Обиходные ИС (*Npr familiers*) ассоциируются с конкретным референтом лишь в ситуации общения. Объектом интереса собеседников оказываются их общие ассоциативные знания об этом лице, необходимые для его идентификации. Если исторические ИС соотносятся лишь с единственным референтом, то количество референтов обиходных ИС, естественно, не может быть ограничено [Там же]. Вне экстралингвистической ситуации обиходные ИС не обладают значением ‘знакомый человек’. Они выполняют только номинативно-опознавательную функцию [9, с. 55].

Исторические ИС и обиходные ИС представляют собой два противопоставленных друг другу класса, между которыми тем не менее находятся своего рода «ИС-посредники», относимые К. Джонсон к 3-му классу ИС – актуальные ИС (*Npr de l'actualité*). Речь идет об ИС, которые еще не стали историческими, но их носители занимают ведущую роль в социальной жизни современного общества, в результате чего их ИС уже, возможно, имеются в энциклопедических словарях. ИС обычно сопровождаются фамилией, титулом или должностью, например: *Франсуа Фийон, премьер-министр Франции*. При этом говорящий может ставить акцент на той или иной «роли» самой личности, что и становится центром обсуждения в речевой ситуации [8, p. 148].

В свою очередь, зона текста также включает три класса: литературные ИС (*Npr littéraires*), мифологические ИС (*Npr mythologiques*) и библейские ИС (*Npr bibliques*).

Таким образом, классификация ИС лица, дифференцирующей основой которой являются зона реальной жизни и зона текста, схематично выглядит следующим образом (рисунок).

Вертикальную (темпоральную) основу зоны реальной жизни формируют обиходные ИС, со временем переходящие на следующую ступень – актуальных ИС, которые, выходя за пределы обиходного употребления, становятся историческими ИС (имена активно действующих в определенный период личностей переходят в класс исторических и получают статус единиц энциклопедического словаря). Иными словами, развитие (эволюция) ИС зоны реальной жизни находит свое отражение в когнитивно-семантической структуре *человек мужского/женского пола* ⇒ *знакомый человек* (обиходные ИС) ⇒ *известный человек* (актуальные ИС) ⇒ *знаменитый человек* (исторические ИС).

В зоне текста нет прямой зависимости между классами: они располагаются линейно и встречаются в разных типах текстов, от которых зависит их когнитивное значение. Тем не менее необходимо отметить более тесную связь мифологических и библейских ИС. Существует мнение, что библейские повествования складываются на стыке подлинного мифа и исторического предания [10, с. 638]. Именно поэтому ИС библейских персонажей чаще всего описываются в рамках мифологических ИС и включаются в мифологические словари. Принадлежность библейских ИС к мифологии прослеживается и на примере статьи из энциклопедии: *Авель – в библейской мифологии сын Адама и Евы* [11, с. 12]. В предлагаемой типологии ИС лица класс библейских ИС (несмотря на узкую сферу их употребления в языке и немногочисленность по сравнению с ИС других классов) выделен отдельно, что обосновывается различием оснований формирования их когнитивного значения: когнитивное значение библейских ИС формируется через знание Библии, тогда как значение мифологических ИС связано с мифом.

Процесс трансмиссии – переход ИС из одного класса в другой (рисунок), – возможен по двум направлениям:

1) *вертикальная трансмиссия в зоне реальной жизни* (обиходное ИС ⇒ актуальное ИС ⇒ историческое ИС; историческое ИС ⇒ обиходное ИС);

2) *горизонтальная трансмиссия из зоны реальной жизни в зону текста* (историческое ИС ⇒ литературное ИС, историческое ИС ⇒ библейское ИС; обиходное ИС ⇒ литературное ИС, обиходное ИС ⇒ мифологическое ИС, обиходное ИС ⇒ библейское ИС).

1. *Вертикальная трансмиссия в зоне реальной жизни* (обиходное ИС ⇒ актуальное ИС ⇒ историческое ИС; историческое ИС ⇒ обиходное ИС).

Практически все исторические ИС формируются через трансмиссию. Так, в обряде крещения родители Курта Гёделя дали своему сыну фамилию и имя, относящиеся к классу обиходных ИС: Курт – это человек, который откликается только на имя *Курт*. Со временем, в силу проявления его носителем особых заслуг, имеющих общенациональное значение, имя попадает в класс актуальных ИС. О гениальном математике сообщают в современной прессе, его имя на слуху у студентов университетов. Сведения

о нем появляются в энциклопедическом словаре, из которого каждый может получить общую информацию об этом человеке и соотнести его с уже известным референтом: актуальное ИС становится историческим ИС.

Доказательством этого положения со всей очевидностью является формирование когнитивного значения исторического ИС *Наполеон*. Использование непосредственно биографических данных императора Франции *Наполеона Бонапарта (Аяччо 1769 – о. Святой Елены 1821 [12, p. 1559])* делает процесс трансмиссии его имени вполне прозрачным:

«Лейтенант Наполеон Буонапарте, уроженец города Аяччо, что на острове Корсика, второй сын мелкопоместного дворянина Карло-Марио Буонапарте и его супруги Летиции, в девичестве Рамолино, родился 15 августа 1769 года, три месяца спустя после завоевания Корсики французами» [МА, с. 14]. Так начинается жизненный путь великого полководца. На страницах его биографии автор не упоминает, по какой причине родители Наполеона дали ему такое имя, которое при рождении относится к классу обиходных ИС с когнитивно-семантической структурой *человек мужского пола* ⇒ *знакомый человек* в узком кругу (в его семье).

После назначения Наполеона Бонапарта командующим военными силами тыла в одной из кампаний его имя становится известным и, перейдя в класс актуальных ИС, увеличивает объем своего признакового компонента до значения ‘известный’: «13 вандемьера в наполеоновской эпопее сыграло громадную роль. ... Этот день сделал его имя впервые известным не только в военных кругах ... но и во всех слоях общества, даже там, где о той поре о нем не слыхивали. На него стали смотреть как на человека очень большой распорядительности, быстрой сметливости, твердой решимости» [ТЕ, с. 27–28].

Наполеон добывает военную славу в ходе успешных кампаний. Он получает новые титулы и назначения, вплоть до его провозглашения императором. Сегодня историки называют его стратегом и тактиком, который создал новые способы ведения войны [ТЕ, с. 420]. Его имя можно найти на страницах энциклопедического словаря, о нем написано множество биографий, исторических романов: «Иная эпоха, иные проблемы, другие герои привлекают ныне внимание. <...> И все-таки из летописей истории не вычеркнуть имени Наполеона Бонапарта. <...> Общественный интерес к человеку, полководцу, государственному деятелю давно минувшего времени все еще велик» [МА, с. 580]. В настоящее время ИС *Наполеон* относится к классу исторических ИС: его когнитивное значение включает компонент ‘знаменитый человек’.

Обратный процесс перехода/трансмиссии этого исторического ИС в класс обиходных ИС, отмечен в художественной литературе – романе «Госпожа Бовари» Г. Флобера. Его персонаж аптекарь Оме дает имена своим детям в честь почитаемых им знаменитых людей:

M. Homais, quant à lui, avait en prédilection tous ceux qui rappelaient un grand homme, un fait illustre... Ainsi, Napoléon représentait la gloire et Franklin la liberté ... [FG, p. 123].

Сам 2-н Оме предпочитал имена, напоминавшие о каком-нибудь великом человеке, славном подвиге... Так, Наполеон представлял в его семействе славу, Франклин – свободу... [ФГ, с. 74].

2. Трансмиссия из зоны реальной жизни в зону текста (историческое ИС ⇒ литературное ИС, историческое ИС ⇒ библейское ИС; обиходное ИС ⇒ литературное ИС, обиходное ИС ⇒ мифологическое ИС, обиходное ИС ⇒ библейское ИС).

Вместе с тем зона реальной жизни и зона текста – это две пересекающиеся зоны, между которыми возможна горизонтальная трансмиссия обиходных и исторических ИС с литературными, мифологическими и библейскими ИС.

Ярким примером перехода исторических ИС в литературные является ИС *Наполеон* в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», в котором его можно считать литературным антропонимом [13, с. 26]. Однако как только читатель переносит его из романа в реальную жизнь, ИС становится носителем знаний об исторической личности. Для читателя различие окажется столь незначительным, что любое обсуждение будет сводиться к обсуждению Наполеона как исторической личности.

Для подтверждения связи обиходных ИС с литературными ИС необходимо четкое понимание процесса именованья персонажей автором в тексте. Традиционно выделяют два пути.

1. Переименование в тексте имеет место в результате происходящих событий с указанием лица, дающего новое имя [9, с. 58]:

Frédie, lecteur passionné, était devenu enragé.

– *La folle! La cochonne! répétait-il en se déshabillant, si haut que ses injures traversaient la cloison.*

Et, tout à coup, contractant ces termes énergiques, il rebaptisa notre mère :

– **Folcoche!** Saleté de Folcoche! [ВН, р. 45].

Фредю, страстный любитель чтения, был вне себя.

– *Психичка! Кикимора!* – твердил он, раздеваясь на ночь, выкрикивая эти бранные слова так громко, что они, наверное, слышны были за стеной.

И вдруг, сократив эту энергичную ругань, он по-своему окрестил нашу мать:

– **Психимора!** Поганая Психимора [БЭ, с. 34].

Сын, раздраженный поведением матери, в порыве гнева «окрестил» ее прозвищем, соединив два первых слога произнесенных им оскорблений (*folle* и *cochonne*).

Или:

*Le bonhomme Grandgousier ... s'écria «Que grand tu as (le gosier)!» Entendant cela les assistants dirent que véritablement **Gargantua** devait être son nom puisque, à l'exemple des anciens Hébreux, cela avait été la première parole de son père à sa naissance. Grandgousier y consentit, et Gargamelle en fut ravie [RF, р. 14–15].*

Тогда Грангузье воскликнул: «*Ке гран тю а!..*» – что означало: «Ну и здоровенная же она у тебя!..» Он имел в виду глотку. Присутствовавшие не преминули заметить, что по образцу и примеру древних евреев младенца,

конечно, нужно назвать *Гаргантюа*, раз именно таково было первое слово, произнесенное отцом при его рождении. Отец изъявил свое согласие, матери это имя тоже очень понравилось [РФ, с. 58].

В обоих случаях персонаж получает новое имя от другого персонажа (сын дает прозвище матери; отец называет сына именем, которое, несмотря на свою уникальность, можно отнести к классу обиходных ИС для данного текста). Автор же как бы снимает с себя ответственность за это именование. Таким образом литературное ИС выбирается из ряда обиходных (имя воспринимается в тексте как обиходное или остается на уровне прозвища).

2. Собственно-авторская номинация – это общеизвестные ИС, которые либо вводятся автором посредством «обряда знакомства», либо функцию ввода выполняет начало текста, которое предполагает появление еще не знакомых читателю персонажей [9, с. 59–60]:

Mais René Rezeau? Qui ne connaît pas René Rezeau, ce petit homme moustachu qui brandit à bout de bras le chapeau de l'arrière-garde bournisienne, ce génie largement répandu dans les distributions de prix des écoles chrétiennes? Tenez-vous bien et respectez-moi, car c'est mon grand-oncle [ВН, р. 22–23].

Но Рене Резо? Кто же не знает Рене Резо, низенького усатого человечка, размахивавшего шляпой в арьергарде Бурнизьена, Резо, чей талант так щедро проявлялся при раздаче наград в церковных школах департамента? Помните это и относитесь ко мне с уважением, ибо Рене Резо приходится мне двоюродным дедом [БЭ, с. 12].

В этом случае имеет место прямой переход обиходного ИС в литературное ИС, из зоны жизни в зону текста. При этом автору не обязательно объяснять причину выбора имени персонажа: его создание связано только лишь с необходимостью дать имя [14, с. 24].

Вполне естественно, что развитие литературы привело к потребности давать имена вымышленным персонажам по образцу с реальными людьми [14, с. 10]. То есть прежде чем стать литературным ИС, мифологическим или библейским, имя может «жить» своей обычной жизнью в языке в качестве обиходного ИС.

В то же время, если мифология есть «система фантастических представлений о мире» [10, с. 634] и по этой причине она не связана с историей, а мифологические ИС не могут быть, соответственно, историческими ИС, то существование библейских персонажей не было опровергнуто: это то, во что верили и продолжают верить в силу своего культурного и социального развития люди. То есть библейские ИС по своей сути могут являться также и историческими ИС, информацию о которых говорящий получает из энциклопедического словаря: *Каин – библейский персонаж. Старший сын Адама и Евы, который из зависти убил своего брата Авеля* [12, р. 1214].

Возможен переход в обратном направлении: из зоны текста в зону реальной жизни. Благодаря русским народным сказкам литературное ИС *Иванушка*, неоднократно употребленное в определенной ситуации общения, нередко соотносится конкретно не с человеком, который откликается на это имя, а с любимым, кто с легкостью способен выйти из самой сложной ситуации, как это делает персонаж сказок.

Примером такого перехода из французской литературы может служить ИС персонажа А. Дюма из романа «Три мушкетера» (*Les trois mousquetaires*) – д'Артаньян (*d'Artagnan*). Так, автор статьи «Слуцкий д'Артаньян», опубликованной в газете «Аргументы и факты в Беларуси», называет этим именем слущкого князя Богуслава Радзивилла. Такой переход основан на сходстве причинных цепочек, ведущих к имени князя и литературного персонажа: как и д'Артаньян, Богуслав был «красив и статен», «привык выбирать себе союзников, подчиняясь исключительно своему сердцу» и «несвободным было уже в то время сердце отважного князя» [МИ].

Таким образом, предлагаемая классификация ИС лица включает в себя шесть классов (*обиходные ИС, актуальные ИС, исторические ИС, литературные ИС, мифологические ИС, библейские ИС*), принадлежащих в зависимости от основ формирования когнитивного значения к двум зонам (*реальной жизни и текста*). Классы и зоны взаимодействуют между собой и допускают вертикальную (из класса в класс) и горизонтальную (из зоны жизни в зону текста и наоборот) трансмиссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Leroy, S. Le nom propre en français / S. Leroy. – Paris : Gap : Ophrys, 2004. – 137 p.*
2. *Леонович, О.А. В мире английских имен : учеб. пособие по лексикологии / О.А. Леонович. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ, 2002. – 158 с.*
3. *Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.*
4. *Bertills, Y. Beyond indentification : proper names in children's literature / Y. Bertills. – Abo : Akademy Univ. Press, 2003. – 280 p.*
5. *Van Langendonck, W. Theory and typology of proper names / W. Van Langendonck. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2007. – 378 p.*
6. *Анисимова, Е. К вопросу о функциях имен собственных в художественном тексте / Е. Анисимова // Вопр. функциональной грамматики : доп. материалы Шестых Карских чтений, 25–26 янв. 1996 г. / отв. ред. М.И. Конюшкевич. – Гродно, 1996. – С. 77–80.*
7. *Крючкова, А.Е. Мифологические имена собственные как источник формирования новых слов в современном французском языке / А.Е. Крючкова // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 21–22 апр. 2009 г.: в 5 ч. / Минский гос. лингв. ун-т; отв. ред. Н.П.Баранова. – Минск, 2009. – Ч. 4. – С. 34–36.*
8. *Jonasson, K. Le nom propre. Constructions et interprétations / K. Jonasson. – Gembloux: Duculot, 1994. – 256 p.*
9. *Гореликова, М.И. Лингвистический анализ художественного текста / М.И. Гореликова, Д.М. Магомедова. – М. : Русский язык, 1989. – 151 с.*
10. *Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 672 с.*

11. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 1600 с.
12. Le petit Larousse 2003. – Paris : Larousse, 2002. – 1818 p.
13. Васильева, Н.В. Собственное имя в тексте: интегративный подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н.В. Васильева; Ин-т языкознания РАН. – М. : Советский писатель, 2005. – 46 с.
14. Суперанская, А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.]. – 2-е изд. – М. : URSS : ЛКИ, 2007. – 256 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- МА – *Манфред, А.З.* Наполеон Бонапарт / А.З. Манфред. – М. : Мысль, 1999. – 624 с.
- ТЕ – *Тарле, Е.В.* Наполеон / Е.В. Тарле // Избранное сочинение: в 4 т. – Ростов н/Д : Феникс, 1994 г. – Т. 2. – С. 5–448.
- FG – *Flaubert, G.* Madame Bovary. Commentaires / G. Flaubert. – Paris : Libr. Gén. Française, 1983. – 541 p.
- ФГ – *Флобер, Г.* Госпожа Бовари / Г. Флобер. – М. : Худож. лит., 1981. – 270 с.
- ВН – *Bazin, H.* Vipère au poing / H. Bazin // Vipère au poing. La mort du petit cheval. Cri de la chouette. – Moscou : Ed. du Progrès, 1979. – P. 15–156.
- БЭ – *Базен, Э.* Змея в кулаке / Э. Базен // Семья Резо : Змея в кулаке; Смерть лошадки; Крик совы : романы Э. Базен /. – М. : Амальтея, 1993. – С.5–138.
- RF – *Rabelais, F.* Gargantua et Pantagruel / F. Rabelais. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1947. – 140 с.
- РФ – *Рабле, Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Ф. Рабле. – М. : Худож. лит., 1966. – 803 с.
- МИ – *Масленицына, И.* Слуцкий д'Артаньян / И. Масленицына, Н. Богодзяж // Аргументы и факты в Беларуси. – 2011. – №4 – С. 43.

The article presents a new classification of personal proper names done by the author. Six classes are related to two different areas: real world area (*familiar, actual and historical proper names*) and possible world area (*literary, mythological and biblical proper names*). The described typology is a dynamic typology that makes possible proper names transmission from one class to another: *vertical transmission* in the real world area and *horizontal transmission* from the real world area to the possible world area.

Поступила в редакцию 25.10.2011

О.С. Скалозубова

СЕМАНТИКА ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ АРАБСКИХ ЗНАКОВ I ПОРОДЫ: СВЯЗЬ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ И ФОРМАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

В статье рассматривается связь семантических и морфологических показателей знаков арабского языка на примере знаков I породы. Разработан нетрадиционный подход к выявлению процессуальных арабских языковых единиц, а также представлен детальный анализ семантики арабских знаков I породы и сделаны выводы о роли формальных

характеристик в образовании и классификации процессуальных знаков арабского языка. Кроме того, раскрывается роль корневой и некорневой морфем при образовании знаков арабского языка.

Проблема взаимосвязи между семантикой и морфологической структурой арабского слова до сих пор является малоизученной несмотря на значительное количество работ по данной проблематике. Наиболее остро эта проблема стоит именно в отношении процессуальных знаков как самых продуктивных знаков арабского языка. Попытаемся последовательно изложить основные принципы арабской морфологии в приложении к процессуальным знакам I породы и проанализировать семантические характеристики данных знаков.

Областью исследования являются процессуальные знаки I породы арабского языка. Предмет исследования составляет взаимосвязь семантических (процессуальность) и морфологических особенностей арабских знаков I породы.

Под процессуальным знаком мы подразумеваем знак, выражающий признак индивида [1] в его активном, очевидном для наблюдателя проявлении – становлении или угасании. Термины *слово* и *знак* употребляются нами как синонимы.

В любом арабском слове посредством простейшего морфологического анализа, а именно путем его изменения в рамках соответствующей грамматической парадигмы, а также путем подбора однокоренных слов, можно вычлени корень, в большинстве случаев состоящий из трех согласных. Морфологическую часть знака, которая остается после выделения корня, часто называют трансфиксом (*трансфикс* – это аффикс, состоящий из гласных и разрывающий консонантный корень), хотя это образование может быть настолько сложным и семантически, и морфологически, что скорее представляет собой конгломерат аффиксов.

Арабские корни, как правило, устойчивы, т.е. они остаются неизменными в составе любого знака или словоформы. Это и делает процедуру выделения корня стандартной. Так, например, подобрав однокоренные слова *kataba* ‘он писал’, *kutiba* ‘он написан’, *kātib* ‘пишущий, писатель’, *maktūb* ‘то, что пишется, написанное; письмо; судьба’ можно вычлени консонантный корень *ktb*, семантика которого, таким образом, связана с письмом в широком смысле этого слова.

Та же часть слова или словоформы, которая остается после выделения корня, является определяющей при выявлении всех грамматических, а также дополнительных семантических характеристик слова.

В связи с наличием у любого арабского корня довольно обобщенной, но все же легко определяемой носителем языка семантики, возникает обманчивое впечатление о существовании корня как самостоятельно функционирующей единицы языка. Действительно, именно корень является каркасом, основой, но без некорневых аффиксов он представляет собой лишь некую абстрактную сущность. На эту особенность структуры арабского слова указывает В. Райт, отмечая, что «корневые согласные образуют костяк

слова, который гласные облачают плотью и наделяют жизнью» [2, р. 31]. Неверно было бы считать, что корень – самостоятельно функционирующая в языке единица и что от него образуются слова. Наоборот, в языке самостоятельно функционируют конкретные слова, из которых выделяется корень, «сам по себе непроизносимый за отсутствием в нем гласных. И все же в сознании говорящего группа согласных, составляющих корень, воспринимается как совокупность звуков, с которыми связано вещественное, т.е. неграмматическое значение, слова... Можно лишь говорить, что такое-то слово или такая-то основа относится к такому-то корню. Если же в научной литературе по семитским языкам встречается выражение ‘слово производится от такого-то корня’, то под этим понимается лишь грамматическое построение этого слова» [3, с. 11]. Этими положениями будем руководствоваться и мы, повествуя об образовании знаков с процессуальным значением в арабском языке.

В арабской грамматической традиции принято говорить, что слово имеет вазн, т.е. «вес». Так, например, слово *kātib* имеет вазн *fāʿil*, слово *maktūb* – вазн *mafʿūl*. В вазне главенствующая роль принадлежит именно некорневому аффиксу/аффиксам. Роль трех коренных согласных играет устойчивое для любого вазна сочетание согласных *fʿl*, которое само по себе, будучи полноценным корнем арабского языка, связано с семантикой глаголов *делать, совершать, исполнять*. Именно на этом сочетании согласных построена значительная часть метаязыка арабской грамматики.

В русскоязычной арабистике вазны называются формулами или словообразовательными моделями. Например, *fāʿil* ‘делатель, деятель’ – это формула для образования причастий действительного залога, *mafʿūl* ‘сделанное, делаемое’ – формула для образования причастий страдательного залога и т.д.

Что касается знаков с процессуальным значением, то в арабском языке к таким относятся глагол и его грамматические дериваты: масдар («имя действия», условно говоря, отглагольное имя, т.е. процессуальный знак, морфологически оформленный как существительное), причастие действительного залога и причастие страдательного залога. И масдар, и причастия могут выступать в роли непроцессуальных знаков в результате расширения и конкретизации их значения.

Для процессуальных знаков существует специальная категория, в рамках которой регулярно выражаются их основные значения: возвратность, интенсивность, пассивность, средний залог, каузативность, итеративность, взаимность. В русскоязычной арабистике эту категорию принято называть *порода*, причем часто говорят именно о породе глагола, хотя она классифицирует все процессуальные знаки.

Впервые термин *порода* употребил Г.П. Павский [4], но по отношению к русским глаголам. Под породами ученый подразумевал разновидности глаголов при взаимосвязи их семантики и ее формальных показателей, а именно постфиксальных морфем. Так, лингвист говорит о «распределении глаголов на разные породы, смотря по их отношению к времени и пространству» и выделяет «в отношении к времени действия или явления» следующие породы, т.е. типы, глаголов: мгновенные (*мелькнуть*);

продолжительные неопределенные (*мелькать*); продолжительные дальние (*читывать, выдывать*); продолжительные прерывистые (*почитывать, поглядывать*); начинательные (*сохнуть, мокнуть*); окончательные, или решительные (*кончить, уйти, прочитав*). «В отношении к пространству» Павский выделяет глаголы: однообразные (*скокить*); разнообразные неопределенные (*скакать*); разнообразные дальние (*скакивать*) [4, с. 3].

Формально же исследователь выделяет «породу, отличенную буквой *a*», или просто «породу *a*», «породу *u*», «породу *nu*», «породу *ть*» и «породу *в*» [4, с. 14]

Таким образом, Г.П. Павский, используя термин *порода* для обозначения особых разновидностей глаголов, указывал на связь их семантики и строения. Вот почему этот термин так прочно вошел в русскоязычную арабистику, ведь породы арабского глагола также выделяются по морфологическим (формальным) показателям, характеризуясь при этом особой семантикой.

В англоязычной семитологии породы называются формами (*forms*) и, так же, как и в русскоязычной традиции, нумеруются римскими цифрами от I до XV. В современном арабском языке последние пять пород (XI–XV) являются малопродуктивными или непродуктивными и употребляются крайне редко.

В арабской грамматической традиции отсутствует специальный термин для обозначения категории породы, лишь иногда употребляются неспециальные термины типа *вид, разновидность, класс*. Породы не нумеруются, а формулы пород называют *вазнами* так же, как и формулы любых других грамматических и семантических категорий.

Знаки I породы морфологически и семантически являются самыми простыми, не нагруженными дополнительными характеристиками, в отличие от процессуальных знаков других пород, которые являются производными (опять же, морфологически и семантически) от знаков I (II III, IV, VII, VIII породы), II (V порода), III (VI порода) и IV (X порода) пород.

Глаголы I породы условно делят на три семантические группы: 1) глаголы, обозначающие действия; 2) глаголы, обозначающие временные состояния; 3) глаголы, обозначающие постоянные состояния, свойства, качества. Формулы для образования глаголов в форме перфекта (прошедшего времени) для каждой из этих трех групп различаются только срединным гласным звуком. Глаголы, обозначающие действия, на месте срединного гласного имеют [a], глаголы, обозначающие временные состояния, – [i], глаголы, обозначающие свойства или качества, – [u], и их формулы, соответственно, выглядят следующим образом: 1) *faʕala*; 2) *faʕila*; 3) *faʕula*. Например: 1) *kataba* ‘писать’, *rajaʕa* ‘возвращаться’, *jalasa* ‘садиться, сидеть’, *kasara* ‘ломать’, *daraba* ‘бить’, *ʕamara* ‘приказывать’, *ʕarafa* ‘знать, узнавать’; 2) *marida* ‘болеть, быть больным’, *fariha* ‘радоваться, быть радостным’, *samiʕa* ‘слушать, слышать’, *ʕalima* ‘знать, быть сведущим’, *fahima* ‘понимать, понять’, *šabiʕa* ‘быть сытым’; 3) *kabura* ‘быть большим’, *šagura* ‘быть маленьким’, *jamula* ‘быть красивым’, *qabuha* ‘быть безобразным’, *hasuna* ‘быть хорошим’, *hašuna* ‘быть грубым, жестоким’.

Глаголы первой и второй групп могут быть как переходными, так и непереходными (причем если глаголы первой группы чаще являются переходными, то глаголы второй группы – непереходными), а глаголы третьей группы всегда непереходны

Все исследователи-арабисты уделяют внимание обобщенной семантике глаголов I породы, а точнее, связи семантики с огласовкой срединного коренного в форме перфекта, отмечая, что глаголы со срединным гласным [a] обозначают «преимущественно действие» [5, с. 228], «внешнее действие» [6, с. 70], «действие» [3, с. 123; 7, с. 131]; глаголы с огласовкой [i] обозначают «временное, изменчивое состояние» [5, с. 228], «преходящее, временное или случайное состояние или качество... а также восприятие» [6, с. 71], «временное состояние» [3, с. 123; 7, с. 131], «временное состояние или просто случайное качество человека или предмета» [2, с. 30]; и, наконец, глаголы со срединной огласовкой [u] обозначают «постоянное, присущее состояние» [5, с. 228], «постоянное отвлеченное или природное качество, длительное состояние» [6, с. 71], «свойство или постоянное качество» [3, с. 123], «постоянное состояние» [7, с. 131], «постоянное состояние или присущее по природе качество» [2, с. 30].

Примечательно, что от одного и того же корня могут образовываться глаголы I породы с соответствующими значениями одновременно по двум или трем формулам. Ср., например, следующие глагольные ряды и пары: *kabara* ‘превосходить в возрасте кого-л.’ – *kabira* ‘вырасти, состариться’ – *kabura* ‘быть большим’, *hazana* ‘печалить’ – *hazina* ‘печалиться’, *našafa* ‘сушить’ – *našifa* ‘быть сухим’, *wajaza* ‘причинять боль’ – *wajiza* ‘ощущать боль’ [6, с. 70] В подобных примерах наиболее ярко проявляется связь семантики и морфологического строения глаголов I породы.

Очевидно, что такое деление глаголов I породы на семантические классы крайне условно и относительно. Так, формально ко второй группе относятся глаголы *ʿamila* ‘работать, трудиться’, *šaʿida* ‘подниматься, восходить’, *šariba* ‘пить’, хотя семантически они являются глаголами действия, а также глаголы, связанные с наличием у индивида того или иного цвета, например, *ħadira* ‘быть зеленым, зеленеющим’, *zariqa* ‘быть зеленым, голубым’, *sawida* ‘быть черным’, хотя семантически это, скорее, глаголы, обозначающие постоянное состояние или качество. С другой стороны, глагол *ʿarafa* в значении ‘знать’, относящийся к группе глаголов действия, по сути своей есть глагол состояния, что подтверждается его функционированием в языке в качестве синонима глагола *ʿalima* ‘знать, быть сведущим’. Подобных примеров среди процессуальных знаков I породы арабского языка можно привести множество.

Однако семантика глаголов третьей группы четко противопоставлена семантике первых двух. Это подтверждается тем фактом, что от глаголов третьей группы не образуются причастия. В их корневом гнезде место причастий занимают оценочные ёгены [1], например: *kabura* ‘быть большим’ – *kabīr* ‘большой’, *šagura* ‘быть маленьким’ – *šagīr* ‘маленький’, *jamula*

‘быть красивым’ – *jamīl* ‘красивый’, *qabuha* ‘быть безобразным’ – *qabīh* ‘безобразный’, *hasuna* ‘быть хорошим’ – *hasan* ‘хороший’, *ħašuna* ‘быть грубым, жестоким’ – *ħašin* ‘грубый, жесткий’.

Такая особенность продуктивных характеристик глаголов качества дает основание сомневаться в истинности их процессуального значения: по форме это, безусловно, глаголы (в соответствии с принятой в арабской грамматике классификацией частей речи по морфологическим признакам, разработанной еще в VIII в. [8]), но в семантике этих знаков элемент процессуальности едва ли присутствует. Это подтверждается следующим фактом: семантически глаголы качества и их морфологические дериваты (непроцессуальные знаки) взаимозаменяемы. Например, высказывание *eažuma ša'n falastīn* ‘Является важным вопрос Палестины’ синонимично высказыванию: *ša'n falastīn eažīm* ‘Вопрос Палестины важен’. Такая взаимная замена была бы невозможна, если бы один знак был процессуальным, а другой – непроцессуальным. Так как непроцессуальность оценочных ёгенов не вызывает сомнения, можно сделать вывод и о непроцессуальности глаголов состояния. А то, что непроцессуальный знак морфологически оформился в глагол, объясняется господствующим в арабской морфологии законом аналогии: так как морфологическими дериватами и семантическими заместителями глаголов действия и состояния являются причастия (ср., например, синонимичные высказывания *ar-rajul yadhūlu* ‘человек входит’ и *ar-rajul dāhil* ‘человек – входящий’), то по аналогии от оценочных ёгенов были образованы и, опять же, по аналогии морфологически оформлены как глаголы знаки, для которых данные оценочные ёгены стали бы семантическими заместителями. Следовательно, ошибочно считать оценочные ёгены морфологическими дериватами глаголов качества – стрелка деривационного процесса в данном случае направлена в противоположную сторону.

Закон аналогии также затронул глаголы действия и состояния, в результате чего наряду с причастиями в деривационном гнезде глаголов действия и состояния появились знаки, аналогичные по форме и семантике оценочным ёгенам. Ср.: *dāhil* ‘входящий’ ← *daħala* ‘входить’ → *daħīl* ‘посторонний, пользующийся покровительством; пришелец; слово иностранного происхождения’. Очевидно, что подобные знаки не могут быть полноценными семантическими заместителями глаголов действия и состояния, так как в результате семантических изменений утрачивают свою принадлежность к процессуальным знакам.

Таким образом, на основании результатов данного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Бесспорным критерием при выделении I породы арабского глагола является лишь форма, внешнее строение знака, в то время как классификация знаков по семантическим характеристикам требует кардинально иного подхода.

2. Истинно процессуальными являются глаголы действия и состояния и их морфологические дериваты – масдары и причастия.

3. Глаголы качества – это непроцессуальные знаки, так как они являются морфологическими дериватами оценочных ёгенов, следовательно, глагол – это не всегда процессуальный знак.

4. Теория процессуальности арабских знаков нуждается в дальнейшем, более детальном, изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордей, А.Н. Части языка вместо частей речи / А.Н. Гордей // Язык. Глагол. Предложение. – Смоленск : СПГУ, 2000. – С. 258 – 271.
2. Wright, W. A Grammar of the Arabic Language : 2 vol. / W. Wright. – 3rd ed. – Beirut: Librairie du Liban, 1996. – 2 vol. – 806 p.
3. Гранде, Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б.М. Гранде. – М. : Вост. лит., 2001. – 592 с.
4. Павский, Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка: в 3 т. / Г.П. Павский. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1850. – Т. 3 : Рассуждение 3 : О глаголе. – 274 с.
5. Юшманов, Н.В. Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии / Н.В. Юшманов. – М. : Вост. лит. РАН, 1998. – 271 с.
6. Белкин, В.М. Арабская лексикология / В.М. Белкин. – М. : МГУ, 1975. – 199 с.
7. Ковалев, А.А. Учебник арабского языка / А.А. Ковалев, Г.Ш. Шарбатов. – 3-е изд. – М. : Вост. лит., 2002. – 751 с.
8. 5 مجلدات / سيبويه. – الطبعة الثالثة. – بيروت: دار الكتب العلمية، 1986. – المجلد سيبويه. الكتاب : الرابع. – 424 ص (Сибавейхи. Аль-Китаб: в 5 т. / Сибавейхи. – 3-е изд. – Бейрут : Дар Аль-Кутуб Аль-Илмийя, 1986. – Т. 4. – 424 с.).

The article deals with the relationships between the semantics and the morphological features of Arabic processual signs. It has examined processual semantics of Arabic signs of the I form and reviewed the role of the formal features on the course of processual signs building and classification in Arabic.

Поступила в редакцию 29.09.11

Фалак Таха

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ ПОРТРЕТНОГО ОЧЕРКА В БЕЛОРУССКОЙ И СИРИЙСКОЙ ПРЕССЕ

В статье раскрываются лингвистические особенности создания портрета героя очерка на русском языке в белорусских газетах и арабском языке в сирийских изданиях. Сочетая документальность и художественность как характерную для жанра очерка универсальную тенденцию, белорусские авторы концентрируют свои усилия на описании «рядового» человека и его заслуг, что на языковом уровне проявляется в использовании эмоционально-экспрессивной лексики, фразеологизмов и синтаксических конструкций,

свойственных разговорной речи. В свою очередь, публикации в сирийских изданиях посвящены известным широкой аудитории персонам, поэтому в них делается больший акцент на художественности и используются такие стилистические приемы, как метафора, антитеза и словесная избыточность.

Портретный очерк как жанр направлен прежде всего на создание яркого и запоминающегося образа его главного героя, при этом акцент в тексте делается на описании характера человека, а также его достижений и достойных подражания поступков. Раскрытие мотивации поведения героя необходимо автору для того, чтобы погрузиться во внутренний мир человека. Следует признать, что у современной читательской аудитории существует бесспорная потребность в публикациях подобного рода: знакомство с жизнью героя очерка позволяет читателям сверять свои цели с целями других людей, легче ориентироваться в мире и, возможно, корректировать свои действия или даже менять собственный образ жизни [1]. В данном случае в медийном тексте срабатывает так называемая идентификация – психологический механизм воздействия, суть которого состоит в том, что читатели уподобляют себя герою очерка (субъекту, группе и т.д.) [2, с. 7]. Для эффективного применения данного механизма автору очерка следует учесть два момента. Во-первых, необходимо отыскать в реальной жизни такую личность, которая воплощала бы в себе типические черты своей социальной среды. Во-вторых, герой очерка должен одновременно отличаться своеобразием характера, оригинальностью мысли, уникальностью биографии и творческого пути.

В ходе достижения поставленной задачи – познакомить читателей с внутренним миром героя очерка – на помощь автору текста приходит такой прием, как драматизм. По-видимому, простое сообщение о том, что некий человек исповедует определенные ценности, идеалы и т.д., едва ли заинтересует аудиторию. Современным читателям гораздо важнее знать, как герой очерка отстаивает свои ценности, какие трудности преодолевает на своем пути, как борется с неблагоприятными обстоятельствами. Драматизм как раз и способен в полной мере раскрыть характер человека, поскольку помогает автору создать не столько фотографическое изображение, сколько яркий художественный образ героя публицистического произведения.

Однако справедливо и обратное. Несмотря на то, что в традиционной журналистике бытует мнение об уместности художественного метода в тех случаях, когда центром журналистского интереса становится личность [1], применительно к исследуемым текстам сказанное не совсем верно. Лингвистический анализ портретных очерков из русскоязычных белорусских изданий и сирийских изданий на арабском языке показал, что для них также свойственна документальность описания. Можно утверждать, что именно благодаря сочетанию документальности и художественности анализируемые портретные очерки могут быть отнесены к художественно-публицистическим жанрам.

Рассмотрим проявление специфики языкового оформления текстов жанра *портретный очерк* на примере публикаций из русскоязычных изданий «Беларусь сегодня (СБ)», «Знамя юности» (ЗЮ), «Минский курьер», «Народная газета» (НГ), «Республика» (Р), «Союз Беларусь–Россия» и сирийских газет (ث.ب), *جريدة تشرين*, *دليل السائح (د.س.)*, *جيش الشعب (ج.ش.)*, *البعث (ب.)*, *الثورة (ج.ت.)*, *صوة الراققة (ص.ر.)*. Анализ русскоязычных очерков показал, что их авторы редко обращаются к созданию портрета выдающихся, хорошо известных и узнаваемых публичных персон. Наоборот, в современной белорусской прессе сложилась тенденция обращаться к жизнеописанию никому не известных людей – простых работников предприятий, учителей, студентов, сотрудников милиции, таможенников и т.д. (81 % исследуемых очерков). В данном случае достижения человека представляются автору настолько значительными, что о них стоит рассказать массовой читательской аудитории, для которой герой очерка, возможно, послужит живым примером высоких моральных принципов, силы воли, трудолюбия. В белорусской прессе главным при выборе героя очерка является не его популярность, а общественная значимость деятельности этого человека.

На языковом уровне указанная тенденция актуализируется в названиях профессий или занимаемых должностей (*врач, фермер, агроном, тракторист, учитель русского языка и литературы, каменщик, строитель, энергетик*), а также учреждений (*юрфак местного университета, районная прокуратура, агрокомбинат, лесхоз*). Из приведенных примеров видно, что речь идет о «рядовых» гражданах, занимающих невысокие посты, работающих или обучающихся в самых обычных учреждениях. С целью доказать, что деятельность малоизвестного человека достойна того, чтобы ей была посвящена целая полоса (или хотя бы ее часть) в республиканской газете, автор раскрывает достижения героя очерка, его успех в определенной области: *вошел в десятку лучших, достиг высоких показателей, отмечен множеством высоких наград, добивается высоких результатов в спорте, победитель районного конкурса, Герой Беларуси, ветеран органов прокуратуры, заслуженный юрист*. Для белорусских авторов характерно стремление продемонстрировать широкой читательской аудитории, что героем нашего времени может стать каждый – благодаря своему упорному труду, творческим и профессиональным достижениям, высоким моральным качествам.

В арабском языке выявлена диаметрально противоположная тенденция: героями портретного очерка становятся известные личности, хорошо узнаваемые публичные персоны (83 % проанализированных текстов). На языковом уровне данная особенность актуализируется посредством таких названий профессий, как *актриса, поэт, писатель, политик, режиссер*: *وقد نالت جوائز على العديد من أعمالها المسرحية، كما شكلت فرقتها المسرحية الخاصة* *режиссер: ومثلت معها مخرجة وممثلة* (موال) – *Она получила награды за множество своих театральных работ, а также основала свою театральную труппу под названием «Песня», в которой являлась и режиссером, и актрисой* [ب. 06.12.09]. На известность персон указывают и имена собственные,

ولا بد من التطرق للشأن السياسي: مع تلك الممثلة (لقد كان للمناضلة الفرنسية سيمون سينورييه أثرها المدهش علي ، لقد وصلت في نهاية عام 1960 إلى فرنسا واجتمعت في عشاء مع سيمون وايف مونتان و غوستا غافراس – *Невозможно не поднять тему политики, говоря об этой актрисе <...>: я находилась под влиянием взглядов Симоны Синьоре, когда в конце 1960 года приехала во Францию и встретила за ужином с Симоной, Ивом Монтаном и Коста-Гаврасом...* [ث. 26.09.11]. Сирийские периодические издания, не отрицая существования выдающихся людей и среди обычных граждан, все же предпочитают искать героев очерка в среде популярных персон.

В целом, проведенное исследование доказывает, что документальность (приведение имен собственных, названий профессий, учреждений, организаций и т.д.) является сходной чертой портретных очерков на двух языках, а различия проявляются только в выборе конкретной лексики. Однако ключевым моментом портретного очерка все же является раскрытие личности героя, его внутреннего мира, а не простых фактов биографии. Это объясняет, почему при описании героя портретного очерка белорусские авторы прибегают прежде всего к использованию лексики с семантикой 'качества человека' (существительных и прилагательных): *гордость, гостеприимство, мужество, неутомимость, ответственность, порядочность, упорство, честность; застенчивый, интеллигентный, ленивый, невозмутимый, осмотрительный, скромный, хозяйственный*. Аналогичные примеры лексических средств находим в арабском языке: *كانت واثقة من نفسها مستقلة في حياتها – была уверенной в себе и независимой в своей жизни; امتلك شخصية ارسقراطية قوامها العزة والاعتداد بالنفس – он был аристократической личностью, обладающий гордостью и чувством собственного достоинства; الرصانة والتعقل – степенность и благоразумие*. Отметим также, что употребительность подобной лексики на двух языках примерно одинакова и составляет соответственно 25 и 28 % всех проанализированных лексических средств создания образа героя очерка в белорусской и сирийской прессе. Сходным также является использование лексики, указывающей на физические данные. Поскольку описание внешности относится к основным приемам портретизации [3, с. 11], авторы очерков в белорусских и сирийских изданиях уделяют внимание возрасту и внешности героя: *الجميل – красивый; ازدادت حسنا وجمالا – стала красивой*. Несмотря на то, что слова данной группы составляют всего 5–6% от общего числа проанализированных лексических средств, необходимо констатировать, что без них портрет героя очерка был бы неполным.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что документальность и изложение фактов свойственны текстам как на русском, так и на арабском языках, однако любой медийный текст, заключающий в себе актуальную информацию и ее субъективную интерпретацию, строится на сочетании экспрессии и стандарта, поэтому в портретном очерке особую роль играют экспрессивные средства языка, «отвечающие» за художественность текстов

этого жанра. Экспрессивность позволяет значительно усилить воздействие текста на читателя, на его интеллектуальную, волевую и особенно эмоциональную сферу. В частности, такую функцию способна реализовать эмоционально-экспрессивная лексика, стилистические приемы (метафоры, эпитеты, сравнения, аллюзии и др.), а также экспрессивные синтаксические конструкции (например, риторические вопросы, эллипсис, парцелляция, параллелизм). Рассмотрим специфику использования экспрессивных средств трех указанных групп на русском и арабском языках.

Что касается эмоционально-экспрессивной лексики, выражающей отношение автора к герою повествования, то между очерками в белорусской и сирийской прессе была выявлена значительная разница. Если в русском языке лексические средства, передающие авторскую оценку и эмоции, составляют 13 % всех проанализированных средств создания образа героя очерка, то для портретных очерков на арабском языке такая лексика вообще не характерна. В исследуемых русскоязычных текстах были выявлены следующие примеры эмоциональной авторской оценки: *уникальный, значимый, особенный, необычный, нетипичный; поразить, (сделать) ярко и красиво* и др. В ряде случаев авторское отношение к герою или его поступкам может также эксплицироваться вводными словами и конструкциями: *остается только удивляться; вы будете удивлены.*

В создании яркого и запоминающегося образа героя портретного очерка автору помогают различные стилистические приемы (применительно к материалу исследования – *метафоры, эпитеты, сравнения, аллюзия, фразеологизмы, антитеза, плеоназм*), которые в белорусской прессе составляют 57 % всех проанализированных лексических средств, тогда как в арабском языке их употребительность несколько выше – 66 %. Однако между очерками на двух языках были выявлены не только количественные, но и значительные качественные различия в употреблении средств выразительности лексического уровня. Так, было установлено, что для русскоязычных очерков наиболее частотным стилистическим приемом является использование фразеологизмов (32 % выявленных лексических средств): *ехать за тридевять земель, поживать на лаврах, гром среди ясного неба, ухватиться за соломинку, удержаться на плаву.* Очевидно, такая частая встречаемость фразеологизмов связана, с одной стороны, с высокой степенью клишированности газетного текста в целом. С другой стороны, фразеологизмы являются чем-то хорошо знакомым и привычным читателю. Они непосредственным образом связаны с фоновыми знаниями носителей языка и культурно-историческими традициями народа [4, с. 115], поэтому их использование позволяет приблизить русскоязычный очерк к тестам разговорного стиля, понятным широкой читательской аудитории. Данное предположение также подтверждается присутствием пословиц и поговорок в очерках из белорусской прессы: *лучше семь раз отмерить, чем один раз отрезать; что ни делается, все к лучшему.*

Еще одним языковым средством, характерным только для русскоязычных текстов, является прием аллюзии, предполагающий косвенную отсылку на культурный, исторический или литературный факт, который, как предполагает автор текста, известен читателям. Так, например, в заглавии русскоязычного очерка «Любовь и павлины» [НГ, 29.06.11] делается отсылка к названию популярного фильма, а прием лексической замены позволяет привнести в заглавие достаточно сухого и серьезного текста немного юмора и поддержать читательский интерес.

Для портретных очерков на арабском языке наиболее частотным стилистическим приемом является метафора (40 % всех проанализированных лексических средств создания образа героя), которая позволяет автору выразить эмоциональное отношение к предмету речи, а также является действенным средством привлечения внимания реципиента [5, с. 148]: غيب الموت – *унесла смерть*, صراع مع المر – *борьба с болезнью*, زرع حلم في قلب إنسان – *посеял мечту в сердцах жителей*; سفراء للمحبة وسفراء للعتاء – *послы любви и открытости*. Несмотря на то, что случаи метафоры встречаются и в русскоязычных текстах (*полюхают цветы всевозможных красок, развязать руки, душа поет, лететь на крыльях*), портретные очерки из сирийской прессы отличаются гораздо более высокой степенью метафоризации.

Такие приемы, как антитеза и плеоназм, характерны только для публикаций на арабском языке и крайне редко встречаются в русскоязычных текстах. Если антитеза строится на резком противопоставлении предметов, явлений, свойств, позволяющем автору подчеркнуть, усилить высказываемую идею (علينا نشر المحبة – *с ее начала до конца*; من بدايتها حتى نهايتها – *распространять любовь вместо ненависти*), то плеоназм основан на использовании в предложении близких по значению слов, создающих смысловую избыточность (أطفال وفتيات وفتيان، وشابات وشبان) – *дети, девочки и мальчики*, كل ذلك مرفوض وغير مقبول – *все это неприемлемо*). Отметим, что случаи подобной словесной избыточности специфичны для арабского языка, и зачастую синонимичные слова или выражения, стоящие в предложении рядом, переводятся на русский язык одним словом, как это демонстрируется в приведенных примерах.

Что касается эпитетов и образных сравнений, то они в равной степени характерны для текстов на русском и арабском языках, и для них не было выявлено значимых различий в употреблении: *кипучая натура, блестящая победа, светлое решение*, الأيام الحلوة – *сладкие мечты* (эпитеты); *цифры звучат, как музыка; красота как кислород*, هذه العبارة [فخر بلدي] كوسام على صدر الأب – *фраза «гордость страны» – словно орден на груди отца Захляуи*, يبدا الفنان تيم حسن كفارس – *артист Тим Хасан – как рыцарь* (образные сравнения).

На уровне экспрессивного синтаксиса также были выявлены различия между очерками из белорусской и сирийской прессы, проявляющиеся как количественно, так и качественно. Если для очерков на арабском языке наиболее употребительным средством экспрессивного синтаксиса являются

риторические вопросы (هناك من يسأل وبإلحاح: لماذا رفض الشاعر الكبير سميح القاسم عدة أمسيات) – في مصر كان يدعى إليها، على أن تكون مشتركة مع شعراء آخرين؟ هل هو غرور سميح القاسم؟
Некоторые интересуются, почему великий поэт Самих Аль-Касим отказался посетить несколько литературных вечеров... Это это Самиха Аль-Касима? [جريدة تشرين 18.07.11]), то русскоязычные очерки изобилуют разнообразными синтаксическими конструкциями, привносящими в текст эффект разговорности и позволяющими выделить релевантную информацию. В частности, анализ портретных очерков из белорусской прессы позволил установить высокую употребительность параллельных, эллиптических и парцелированных конструкций.

Параллелизм, акцентирующий внимание читателя на важных деталях и фактах, может принимать различные формы. Так, было установлено, что для русскоязычных очерков повторение структуры предложения полностью – явление редкое: *Вот почему так важны оценка и видение реалий села элитой хозяйственников. Вот почему так нужны идеи, в которых есть рациональное зерно...* [СБ, 20.05.11]. Как правило, повторяется структура частей внутри одного высказывания: *Моя собеседница призналась, что в жизни, в принципе, добилась, чего хотела – получила высшее образование, воспитывает сыновей, помогает восстанавливать справедливость* [ЗЮ, 29.04–05.05.11].

Важным средством выдвижения информации в русскоязычном очерке является эллипсис, который способствует оказанию воздействия на читателя за счет смещения акцента: внимание адресата при чтении эллиптического и соответствующего ему полного высказывания распределяется по-разному. Проведенный анализ показал, что для белорусской прессы одинаково свойственно использование эллиптических предложений как именного, так и глагольного типа: *Примечательный факт* [Р, 20.08.11]; *Любопытно, но не более* [НГ, 13.01.11]; *Отправившись на прогулку, Петр обычно преодолевает не менее 50 километров. Иногда накручивает и больше* [НГ, 23.03.11].

Характерной для портретных очерков на русском языке является парцелляция, позволяющая придать печатному тексту эффект разговорности, спонтанности: *Ведь профессиональные лыжи – вещь дорогостоящая. И не вечная* [НГ, 21.05.11]; *Как и за счет чего можно так много успевать за одинаковые для всех 24 часа в сутки – остается только догадываться. И по-хорошему завидовать* [Р, 09.07.11]. Из примеров видно, что чаще всего в белорусской прессе парцелируются однородные члены предложения, что позволяет не только сделать подачу материала более эмоциональной, но и повысить убедительную силу рассуждений автора в процессе раскрытия внутреннего мира героя очерка и описания его достижений.

Таким образом, принцип языкового оформления портретного очерка состоит в том, что даже тексты информативного, документального характера, написанные в данном жанре, не лишены некоторой доли художественности,

из чего можно сделать вывод об уместности использования в них различных экспрессивных средств. Однако проведенное исследование позволило продемонстрировать следующую специфику языкового оформления портретных очерков в белорусской и сирийской прессе. Если на уровне документальности, передачи фактов установлено сходство, выражающееся в использовании имен собственных, названий, лексики с семантикой «качества человека», то на уровне художественности была выявлена принципиальная разница между портретными очерками на двух языках. Так, стилистические приемы плеоназма и антитезы характерны только для текстов на арабском языке, отличающихся также более высокой степенью метафоризации по сравнению с русскоязычными текстами. В свою очередь, очерки на русском языке из белорусской прессы характеризуются более частым использованием фразеологизмов, эмоционально-экспрессивной лексики и экспрессивных синтаксических конструкций, свойственных разговорной речи. Очевидно, такой выбор обусловлен тематическим параметром: в белорусских газетах пишут о героях из разряда обычных людей и делают акцент на доступности текста для широкой читательской аудитории, тогда как в сирийских изданиях предпочитают писать о публичных персонах и активнее использовать художественный метод описания, подчеркивая красоту внешней формы текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тертычный, А.А.* Жанры периодической печати: учеб. пособие / А.А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 312 с.
2. *Березкина, О.П.* Портретный очерк в журнале: социолингвистический аспект («Юность» 1955–1989 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / О.П. Березкина; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1990. – 17 с.
3. *Юзифович, В.А.* Речевой портрет как структурный элемент очерка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / В.А. Юзифович ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2011. – 24 с.
4. *Голикова, Ж.А.* Фразеологизм как объект познания и средство коммуникации / Ж.А. Голикова // Язык – когниция – коммуникация: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 3–6 нояб. 2010 г. / Минск. гос. лингв. ун-т; редкол. : З.А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 115–116.
5. *Паремская, Д.А.* О некоторых средствах стилистической фокусировки в газетно-публицистическом тексте / Д.А. Паремская // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 27–28 апр. 2010 г. : в 5 ч. / Минск. гос. лингв. ун-т; редкол. : Н.П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Ч. 4. – С. 147–149.

The paper dwells on the peculiarities of portraying a character in Russian-language feature articles from Belarusian press and Arabic-language articles from Syrian press. The common tendency is to balance actual information and imagery, whereas the differences manifest themselves in the choice of particular stylistic devices – phraseological units, expressive means in Belarusian papers and metaphors, antithesis and pleonasm in Syrian papers.

Поступила в редакцию 17.11. 11

О.Н. Чалова

ТИПЫ ОТВЕТНЫХ РЕПЛИК В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ УСТНОЙ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

Статья посвящена изучению специфики функционирования ответных реплик в англо- и русскоязычной устной научной дискуссии. В зависимости от способности или неспособности соответствовать коммуникативным потребностям адресата, все ответные реплики, представленные в научной дискуссии, можно объединить в рамках трех типов: а) позитивные – полностью удовлетворяющие коммуникативные потребности адресата, б) негативные – нарушающие коммуникативные интересы адресата, а также в) позитивно-негативные – соответствующие ожиданиям и потребностям адресата, однако содержащие элемент полемики. Соблюдение коммуникантами таких требований, как точность, четкость изложения, умение избегать резких оценок и т.п., приводит к тому, что негативные ответные действия встречаются в изучаемом виде общения значительно реже, чем позитивные.

В последнее время объектом коммуникативно-прагматического анализа все чаще становится научный дискурс, что обусловлено как внутрilingвистическими факторами, а именно общей направленностью современных исследований на изучение профессионально ориентированных типов общения (В.И. Карасик, М.Н. Кожина, Е.И. Шейгал, Т.В. Юдина, G. Cook, T.A. van Dijk, K.L. Haker и др.), так и экстралингвистическими, т.е. настоящей необходимостью оптимизации процессов научной коммуникации в условиях все более расширяющихся границ речевого взаимодействия ученых.

В рамках коммуникативно-прагматического подхода к исследованию научного общения определяются закономерности использования лингвистических средств для целенаправленного воздействия на адресата и установления с ним контакта, что связано прежде всего с анализом научных текстов с точки зрения языковой реализации в них прагматических категорий диалогичности, авторизованности/авторизации, адресованности/адресации, интертекстуальности, экспрессивности, оценочности, а также акцентности (Е.А. Баженова, М.Н. Кожина, Е.В. Михайлова, В.Е. Чернявская и многие другие).

Несмотря на очевидный интерес к научному общению, в лингво-прагматике отмечается «некотор[ая] парадоксальность той ситуации, когда при изучении диалогичности или адресованности научной речи внимание

ученых сосредоточивается не столько на непосредственном диалогическом взаимодействии субъектов научной коммуникации, сколько на скрытых, неочевидных формах диалога, представленных в таких жанрах, как статья, монография и под.» [1, с. 214], в то время как научная коммуникация, протекающая в режиме «живого» диалогического общения, находится на периферии исследовательских интересов.

Данное обстоятельство обуславливает актуальность изучения лингво-прагматических характеристик такой разновидности научной коммуникации, как *устная научная дискуссия* (УНД), под которой в рамках данной статьи понимается процесс обмена мнениями ученых на научном форуме любого формата.

Отдельные аспекты УНД рассматриваются в работах Н.А. Александровой, Л.Ю. Иванова, Л.Н. Масловой, Н.С. Щукаревой, где исследуются вопросы культуры ведения научной дискуссии [2]; проблема языковой реализации оценки в данном виде общения [3; 4]; гендерные аспекты выражения согласия и несогласия [5] и некоторые другие. Несмотря на определенные достижения указанных авторов, в отношении УНД до сих пор остается открытым целый ряд вопросов, касающихся, в частности, специфики функционирования различных типов реплик в данном виде общения.

В фокусе нашего исследования находятся особенности функционирования в УНД отдельного типа репликовых шагов, а именно ответных. В настоящей работе понятие *ответная реплика* и *реактивная реплика* рассматриваются как близкие, однако не тождественные. Если под *реактивной* понимается любая реплика, находящаяся в позиции после стимулирующего высказывания, независимо от того соответствует она иллокуции стимулирующей реплики или нет, то *собственно о т в е т ы* (ответы в узком смысле слова) трактуются как реактивные шаги, согласующиеся с иллокутивной целью стимула. Именно они являются объектом нашего анализа.

Как показывает исследование, спектр ответных реплик в научном полемическом диалоге довольно широк, однако, в зависимости от способности или неспособности удовлетворять коммуникативные потребности адресата, все функционирующие в УНД ответы можно объединить в рамках трех типов: а) *позитивные* – полностью удовлетворяющие коммуникативные потребности адресата, б) *негативные* – в той или иной степени нарушающие коммуникативные интересы собеседника, и в) *позитивно-негативные* – соответствующие ожиданиям и представлениям адресата, однако содержащие элемент полемики.

1. П о з и т и в н ы е о т в е т ы .

По нашим наблюдениям, каждому функциональному типу стимулирующих реплик, представленному в научной дискуссии, а именно утверждению, вопросу или директиву, соответствуют свои специфические позитивные ответы.

1.1. Позитивные ответы на стимулы-утверждения.

Позитивными для стимулирующего утверждения являются реакции, подтверждающие истинность этого утверждения, выражающие положительное отношение (согласие, одобрение, похвалу и под.) оппонента к высказыванию партнера, например: (1) *I think that the image or metaphor or whatever we want to call it, the balance, is entirely uninformative.* – (2) ***I actually totally agree with you that the example of the risking of one's life in the face of an epidemic threat may be more misleading than informative in that case.*** В приведенном примере реплика 2 представляет собой позитивно-оценочное ответное действие, автор которого выражает согласие с мнением оппонента. Очевидно, что подобная реакция является предпочтительной для автора реплики 1, о чем свидетельствует отсутствие с его стороны дополнительных речевых действий уточняющего и/или полемического характера. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что участники научной дискуссии в определенный момент пришли к взаимопониманию в отношении решения некоторой проблемы.

1.2. Позитивные ответы на вопросы.

Характер позитивного ответа на вопрос зависит от типа вопросительного высказывания, наиболее частотными из которых являются а) вопросы, отражающие полную неосведомленность спрашивающего (собственно вопросы), и б) вопросы, требующие ответа «да» или «нет» (факт наличия или отсутствия действия, признака, состояния одинаково неизвестен спрашивающему).

Собственно вопросы требуют от адресата предоставления конкретных сведений, максимально содержательного, информативного ответа: (1) *One last question – how many information servers do you think will survive?* – (2) ***I would say three to four – or possibly two to three. That would be my guess.*** В приведенном фрагменте диалога ответ участника УНД в полной степени удовлетворяет коммуникативные потребности спрашивающего, снабжает его необходимыми сведениями, что приводит к закрытию диалогического единства.

Что касается вопросов, требующих ответа «да» или «нет», то они могут выражать разные коммуникативные потребности и предполагать один из следующих типов ответа:

- подтверждение/отрицание пропозиционального содержания вопроса: *Это критерий для определения границ педагогической действительности? – Совершенно верно;*

- подтверждение/отрицание пропозиционального содержания вопроса, сопровождаемое комментарием, дополнительной информацией, обосновывающей это подтверждение/отрицание: (1) *Does the IPCC business as usual scenario assume that air pollution is stable?* – (2) ***No. They have ozone and methane increasing substantially;***

- конкретный ответ: *Реакция Вассермана была негативирована у всех больных? – Эта реакция была негативирована у 71 больного из этой группы.*

К позитивным закрывающим реакциям мы относим любое из перечисленных действий, если оно отвечает коммуникативному смыслу конкретного вопроса и не вызывает дополнительных вербальных действий со стороны партнера.

1.3. Позитивные ответы на директивные стимулы.

Позитивные ответы на директивные высказывания представлены следующими типами реплик:

- сообщающими о том, что действие будет выполнено (выполняется, уже выполнено): (1) *Как пользователь этих изданий, я не могу не прибавить к этому, что я готова предъявить массу претензий к издателям.* – (2) *Предъявите.* – (3) *Предъявлю;*

- выражающими согласие с волеизъявлением партнера: (1) *Давайте тогда сдвинемся с этого субъективированного языка. Мне это помогло что-то понять, вам нет. Следовательно, это надо убирать из текстов.* – (2) *Давайте сдвинемся. Чем и хорош инструментальный подход. Кому-то это обязательно помогло.*

В последнем примере ответная реплика 2 представляет собой частичный повтор стимулирующего высказывания (*Давайте сдвинемся*), который не имеет иллокутивной функции побуждения, а используется исключительно с целью выражения согласия с предложением собеседника.

Таким образом, к позитивным мы относим следующие типы ответов:

- позитивные ответы на стимулирующие утверждения:

реплики, имеющие иллокуцию согласия;

- позитивные ответы на вопросы:

реплики, содержащие конкретную информацию о том, что спрашивается;

реплики, выполняющие функцию подтверждения/отрицания позиции уточняющего общего вопроса, в том числе и сопровождаемые комментарием этого подтверждения/опровержения;

- позитивные ответы на директивы:

реплики, сообщающие о том, что действие будет выполнено (выполняется, уже выполнено);

реплики, выражающие согласие с волеизъявлением.

2. Негативные ответы

Принципиальное отличие негативных ответов от позитивных состоит в том, что первые так или иначе нарушают коммуникативные интересы адресата, что может привести к совершению дополнительных речевых действий с его стороны. В данную группу реплик включаются исключительно ответы на вопросы (это ответы, в которых частично или полностью отсутствуют запрашиваемые сведения). Что касается отрицательно-оценочных реакций на утверждения и директивы, то их целесообразно трактовать в качестве стимулирующих высказываний (реактивно-стимулирующих), а не ответных, так как они ориентированы на побуждение собеседника высказаться по соответствующему поводу, обосновать свою позицию, а не на закрытие диалогического единства.

По нашим наблюдениям, все функционирующие в УНД негативные ответы, можно разделить на семь типов.

2.1. *Неполный ответ* (10 % в русском языке и 14 % – в английском), т.е. ответ, который содержит информацию, недостаточную для закрытия диалогического единства. В ряде случаев неполные ответы указывают на возможную неполноту предоставляемых сведений, а также мотивировку этой неполноты (наиболее типичны здесь ссылки на сложность задаваемого вопроса, отсутствие времени и др.): (1) *А чем определяется число проблем, которые вы формулируете в одной тупиковой или разрывной ситуации?* – (2) ***Это достаточно сложный вопрос, и я сейчас отвечаю на него лишь частично. Прежде всего, это определяется структурной сложностью ...***

Подобные рефлексивные метакоммуникативные действия, признающие «уязвимые» места собственной работы, совершаются с целью блокировки возможных дополнительных вопросов или критики со стороны оппонента.

Зачастую рассматриваемый тип речевых действий не содержит прямого указания на неполноту предоставляемых сведений. В этом случае оценить ответ как полный/неполный можно только с опорой на адресата, точнее на наличие/отсутствие с его стороны дополнительных (уточняющих и полемических) реплик. Например:

(1) *I'd like to ask Derek whether it would be possible to have a dedicated genomic ensemble that would point out orthologs of known human disease genes.*

(2) ***Yes. I think that would be fairly straightforward to implement.***

(3) *Could you have someone go through all of OMIM [the Online Mendelian Inheritance in Man database of human genetic diseases], for example, and find a set of genes and compile that as a track?*

Как видно из примера, автор реплики 2 дает подтверждающий ответ на поставленный вопрос, однако объем информации, заключенной в ответной реплике, не соответствует коммуникативным потребностям адресата, который считает необходимым задать собеседнику уточняющий вопрос с целью получить дополнительные сведения по обсуждаемой проблеме.

2.2. *Использование смежной темы* (12 % в русском языке и 10 % – в английском) можно наблюдать в том случае, если предоставляемый ответ в той или иной степени уводит спрашивающего в сторону от обсуждаемого вопроса, т.е. проблема, находившаяся в фокусе вопроса, подменяется другой, хотя и близкой: *С этих позиций – каков предмет педагогики? – Я не рискну с этих позиций определить предмет собственно педагогики, а вот акмеологии образования – пожалуйста. Это целостное развитие человека в условиях синергетической образовательной системы.* Важной особенностью отклоняющихся от темы ответов, и это подтверждает приведенный пример, является их относительно редкое автономное использование: обычно они комбинируются с эксплицитным отказом отвечать или другими типами ответов.

2.3. *Ответ, игнорирующий часть вопросительной реплики* (6 % в русском языке и 4 % – в английском). Пример такого ответа можно наблюдать в ситуации, когда коммуникант обращается к собеседнику с целой

серией вопросов, из которой тот выбирает для реплицирования только некоторые из них: *Thank you for the challenging question, because I think you've – frankly, I think you've wrapped up a number of very, very important issues, and I am going to have a very hard time disentangling them in order to be able to say anything at all wise. Let me be very simplistic in responding to just one point, which is what is the big deal about the public promise.* Подобные ответы крайне редко встречаются в УНД, так как являются свидетельством некооперативного речевого поведения.

2.4. Указание на невозможность предоставить ответ (3 % в русском языке и 2 % – в английском) используется в тех случаях, когда коммуникант не может или не хочет предоставить запрашиваемые сведения. Наиболее распространенной причиной неспособности ответить является констатация отвечающим своего незнания: (1) *Скажите, пожалуйста, как вы представляете педагогическое содержание личности?* – (2) ***У меня пока нет никаких ассоциаций по этому поводу.***

В основе невозможности предоставить ответ могут лежать и другие причины, например отсутствие права разглашать определенную информацию:

(1) *...And where do you see those as coming from, I guess is the chief question.*

(2) ***I'm not at liberty to comment on 385.***

(3) *Okay, your own opinion, then, on those issues.*

(4) ***I mean, I've been asked not to comment or – I've been asked not to comment on the document, and so I really can't do that. I'm sorry.***

(5) *Okay, let's forget about the document. Let's go back.*

В данном случае отказ отвечать, содержащийся в реплике 2 (*I'm not at liberty to comment on 385*), приводит ко второй попытке спрашивающего призвать собеседника к ответу (*Okay, your own opinion, then, on those issues*), которая также не увенчивается успехом (*I mean, I've been asked not to comment or – I've been asked not to comment on the document, and so I really can't do that. I'm sorry*).

К случаям эксплицитного отказа отвечать следует относить и реплики, содержащие утверждение о том, что ответ будет дан позже (или был дан раньше): (1) *...Тогда мой вопрос к докладчику выглядит так: если вы сказали, что сфера деятельности – это социотехническая система, то в чем тут достижение?* – (2) ***Это сказано фразой раньше. Там все написано.*** (1) *I'm just curious about the fifth-grade kids, what did they know or what advantage did they have over the earlier group, the younger group, to make them understand it?* – (2) ***When we get to the end I will point that out to you because it would be unfair until we debrief. I'll come back and point that out.***

2.5. Комментарий вопроса при отсутствии ответа на него (2 % в русском языке и 2 % – в английском). В научной коммуникации данный тип ответа может реализоваться как указание на корректный/некорректный, своевременный/неуместный, актуальный/неактуальный и др. характер вопроса, например: (1) *... Все-таки, что мы можем предъявить как профессиональный результат воспитательной деятельности? Оперативный, я*

имею в виду. Человек сделал дело, у него завершился какой-то цикл его деятельности, что есть его результат? – **Это сложный вопрос.** В приведенном примере ответ сводится только к оценке вопроса, однако комментарий вопросительного высказывания может комбинироваться с тактикой переадресации вопроса другому участнику дискуссии: (1) ... *I'm going to try and ask this question, how do you begin or foster that cultural shift in the university that values teaching in the way that you are promoting? And what kind of experiences do you have with places that have done that successfully?* – (2) ***That's a tough one. I hope Bonnie will answer that question later.***

Интересным представляется случай совмещения признания релевантности и критики вопроса при отсутствии ответа на него, как это можно наблюдать в следующем фрагменте диалога: (1) *По Окуджаве, «каждый слышит, как он дышит». Это что – природное? Культурное? Идеологическое?* – (2) ***Это очень важно, это важнее, может быть, всего. Но это вторично.*** В данном примере негативную часть комментария можно рассматривать в качестве причины отказа отвечать.

В научной коммуникации оценка вопроса не является препятствием для полноценного информативного ответа. Содержательные ответы, предваряемые метакомментарием вопроса (в том числе и негативным), следует относить к группе позитивных реакций, если они в полной мере удовлетворяют информационные потребности адресата.

2.6 *Уход от прямого ответа через использование ссылки (1 % vs. 1 %).* Одним из наиболее типичных ответов, принадлежащих к данной группе, являются реплики, отсылающие собеседника к определенным печатным работам или устным выступлениям (собственным или других авторов) и принимающие форму цитации, ссылки или аллюзии: (1) *Тогда предлагаю этот же вопрос, но с другой стороны: ребенок свою природу реализует, развивает в культурном, социальном, идеологическом пространстве. Как же учитывать эти основания педагогики?* – (2) ***Вспомним две работы Дистервега: «О высшем принципе воспитания», т.е. о принципе природосообразности, и «О принципе культуросообразности». Эти две работы исчерпывающе отвечают на ваш вопрос. Я просто не хочу пересказывать Дистервега.*** Как видно из приведенного контекста, подобные ответы являются крайне неинформативным.

2.7. *Псевдоответ (1 % в русском языке и 1 % – в английском)* представляют собой клишированные ответные реакции типа (1) *Еще один вопрос. Как отличить действительное приобщение к культурным ценностям от мнимого, кажущегося приобщения?* – (2) ***Жизнь покажет.*** Использование данного типа ответа в научном общении, «ограничивается, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, приведенные клише имеют разговорный характер и неприемлемы в институциональном общении. Во-вторых, эта тактика зачастую моделирует ситуацию неравностатусного общения <...> – большинство же языковых игр, реализуемых в научном дискурсе, строится (по крайней мере, формально) на паритетных началах» [6].

3. П о з и т и в н о - н е г а т и в н ы е о т в е т ы .

Кроме позитивных и негативных ответов, в УНД можно выделить особый тип реакций – позитивно-негативных, которые возникают в ответ на критическое замечание. По нашим наблюдениям, прагматическая задача полемического утверждения сводится не только к выражению несогласия с мнением оппонента, но и к побуждению последнего обосновать свою точку зрения. Следовательно, к ответным действиям на критическое замечание целесообразно относить реакции, которые предоставляют имплицитно запрашиваемые сведения, а также указывают на то, что некоторое сообщение было интерпретировано собеседником неверно (с последующей мотивировкой своего мнения). Наличие отрицания/возражения как элемента полемики сближает подобные реплики с собственно негативными ответами, однако, в отличие от них, позитивно-негативные ответы почти всегда закрывают диалогическое единство, так как удовлетворяют коммуникативные интересы собеседника. Например:

(1) *Просто такое замечание. Дело в том, что преподавательская этика, особенно в США, очень жесткая. <...>... Поэтому Ваш пример не совсем тот.*

(2) *Но я же говорил не об этом. Естественно, он не будет бегать по кампусу с пистолетом, доказывая, что он является сторонником бывшего актера, снявшегося в «Планете обезьян». Я говорю о другом, о том, что сейчас в мире существуют куда более сильные институты, чем институт университета.*

Указание на неправильную интерпретацию слов докладчика, сопровождаемое приведением доводов в пользу собственной точки зрения, является достаточным для закрытия приведенного диалогического единства, о чем свидетельствует отсутствие уточняющих или полемических реплик, являющихся сигналом полной или частичной неудовлетворенности адресата ответом.

Соблюдение коммуникантами таких требований, как точность, ясность, логичность, четкость изложения, умение избегать резких оценок и т.п., приводит к тому, что негативные ответные действия (неполный ответ, эксплицитный отказ отвечать, использование смежной темы, комментариев вопроса при отсутствии ответа на него, уход от прямого ответа через использование ссылки и псевдоответ) встречаются в изучаемом виде общения значительно реже, чем позитивные. Так, согласно результатам анализа, позитивные и позитивно-негативные ответы доминируют в количественном отношении над негативными и составляют в совокупности почти 66 % в русском языке и 73 % – в английском. На долю негативных ответов приходится только 34 % в русском и 27 % – в английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Задворная, Е.Г.* Виды научной дискуссии и их прагматические характеристики / Е.Г. Задворная // *Стиль*. – Белград, 2006. – С. 213–224.
2. *Александрова, Н.А.* Об оценке в научной дискуссии / Н.А. Александрова // *Общие и частные проблемы функциональных стилей*. – М. : Наука, 1986. – С. 153–158.
3. *Иванов, Л.Ю.* Семантико-прагматические характеристики текста научной дискуссии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Ю. Иванов. – М., 1992. – 292 л.
4. *Троянская, Е.С.* Культура научной дискуссии в социально-психологическом и лингвистическом аспектах / Е.С. Троянская // *Типология текста в функционально-стилистическом аспекте: межвуз. сб. науч. тр.* – Пермь : Перм. ун-т, 1990. – С. 15–26.
5. *Маслова, Л.Н.* Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации : гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19/ Л.Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.
6. *Задворная, Е.Г.* Коммуникативные тактики уклонения в научном дискурсе / Е.Г. Задворная // *Respectus Philologicus*. 2006. – Iss.10(15). – P. 61–72.

The article deals with the problem of functioning response-turns in conference discussions. Our research shows that different kinds of responses can be united in four groups: positive turns, negative ones, and those having characteristic features of both. As it has been found, positive responses appear to be much more frequent than negative ones, which is determined by the rules of speech behavior established in the analyzed communicative sphere.

Поступила в редакцию 29.09.11

И.В. Шитикова

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМАТИКИ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА

Доминирование функционально-коммуникативного направления лингвистики активизировало новые проблемные аспекты языковых, в том числе стилистических, исследований. В рамках последних заслуживают внимания явления экспрессивного синтаксиса, охватывающие структуры высказываний и текстов. Высокоэффективен в этом плане синтаксический параллелизм как синтаксико-стилистическая фигура. Ее отличают многоликость и полифункциональность вместе с реализацией симметрии как структурообразующего принципа на определенном участке речепостроения.

Функционально-коммуникативное направление лингвистики, концентрирующее на себе внимание современных исследователей, опирается на лингвистику текста, которая объединяет через множество текстов различные

дискурсивные практики речевого оперирования языком. Они в целом формируют лингвистику речи, которую выделил еще Ф. де Соссюр, усмотрев в ней перспективу будущих языковых исследований, и именно в рамках их осуществления интерес представляют явления *экспрессивного синтаксиса*. К нему относятся выразительные построения в синтаксической структуре текста и традиционно признанные явления высокой эффективности, названные *риторическими (стилистическими) фигурами*. В кругу таких фигур особое место занимает *синтаксический параллелизм*, находясь на границе стилистики и синтаксиса.

Вопросами связи стилистики и синтаксиса как сферой экспрессивного синтаксиса обычные грамматики не занимаются или занимаются очень мало. А между тем в речевом употреблении языка постоянно имеет место выделение той или иной части высказывания, не укладывающееся в правила его нормативного синтаксического построения. Можно сказать без преувеличения, что эта проблематика синтаксиса недостаточно разработана в аспектах, предопределяемых современным коммуникативным подходом к языку. Именно поэтому представляется интересным и, бесспорно, актуальным более глубокое изучение явлений данного плана, в частности, синтаксического параллелизма.

Необходимо подчеркнуть, что традиционно синтаксический параллелизм воспринимался как сугубо формальный прием индивидуального стиля, а не в полном диапазоне той функции, которую выполняет эта форма в выстраивании и передаче смысла. Поэтому данное исследование, опираясь на теоретические положения современной лингвистики, должно выявить коммуникативный характер этого явления, которое способно придавать текстоформированию формальную специфику и стилистико-смысловую тональность.

В зависимости от конкретной текстовой реализации параллелизма на первый план могут выходить его структурные и семантические признаки, но итогом их взаимосвязи должен быть формируемый смысловой комплекс как составная часть общего содержания текста. Это и определяет роль синтаксического параллелизма как явления коммуникативного плана языка.

Тем самым описание параллельных конструкций должно осуществляться на базе неразрывного единства в коммуникативном использовании его структурных и семантических свойств. По положениям общелингвистической теории такой подход обосновывается наличием в языке как плана выражения, так и плана содержания и, соответственно, необходимостью соотнесения структурных схем с той семантикой, которую они должны выражать в речевых образованиях и для которой создаются. Эти положения образуют ядро теоретической концепции данного исследования.

Параллельная конструкция, составляющая основу явления синтаксического параллелизма, не может рассматриваться просто как ритмический прием, используемый в качестве характерного в построении какого-то определенного типа текста. Корни явления лежат значительно глубже: оно

связано с закономерностями строения человеческой речи, точнее, со способом подачи информации. Хотя речь строится по известным моделям, в ней всегда присутствует стремление что-то особо выделить, оттенить, переместить в более акцентулируемую позицию, и этому вполне отвечает синтаксический параллелизм, опирающийся на фундаментальные законы построения и восприятия живой речи, соответственно и в ее текстовом воплощении.

Нет ничего удивительного в том, что параллелизм был характерен уже для многих древних литературных традиций. Жизнь древнего общества была подчинена определенному циклическому распорядку, и тексты, порожденные в условиях этого общества, были организованы соответствующим образом, т.е. с отображением определенной цикличности. В исследованиях даже считается, что фигура параллелизма отражает свойство архаического сознания, предопределенное жизнью архаического общества, вследствие чего она и предстает как универсальное средство организации древнего поэтического текста.

Параллелизм трактуется и как естественный мнемотехнический прием, облегчающий запоминание и воспроизведение текстов, особенно в те времена, когда письменность еще не существовала или применялась выборочно. Позже, с появлением фиксации традиционных текстов в письменном виде, параллельные конструкции разного рода успешно обеспечивали необходимость структурировать текст и выделять в нем главное [1, с. 10].

Если в психологии и логике дается более или менее четкое определение параллелизма как отношения между моделью и прототипом, предполагающие наличие у них общности сходных характерных черт, то в языкознании его дефиниция не выработана однозначно. Многочисленные словари, издания по стилистике и грамматике толкуют явление по-разному, хотя в большинстве случаев все же признается, что синтаксический параллелизм является стилистическим или композиционным приемом, основанным на повторе и реализуемым на уровне синтаксиса с обязательным участием стилистики. А точнее, думается, говорить о том, что он в принципе реализуется в ракурсе пересечения двух уровней – синтаксиса и стилистики.

Существующие работы позволяют судить о том состоянии, в котором находится проблема на сегодняшний день. В изучении рассматриваемого явления наметились два подхода: представители одного считают, что для уяснения сути синтаксического параллелизма достаточно раскрытия структурного соответствия смежных отрезков высказывания; представители другого признают, что наряду со структурным соответствием необходимо исследовать семантические связи между параллельно выстроенными отрезками. Правомерно утверждать, что обе точки зрения в целом не противоречат друг другу, а, скорее, являются взаимодополняющими и, в конечном счете, исходят из структурно-семантического единства в статусе явления. И такому восприятию может адекватно соответствовать следующая дефиниция: синтаксический параллелизм есть структурно-семантическое явление, пред-

ставляющее собой однотипные по строению синтаксические отрезки – конструкции с наличием семантических связей между ними. В частности, подобная дефиниция содержится в диссертации А.А. Кузнецовой [2, л. 37].

Параллелизмом объединяются группы членов предложения, предикативные звенья в составе сложных синтаксических структур, части усложненных конструкций, сложные предложения и даже абзацы в составе текстов. Ведущим признаком параллелизма является одинаковая синтаксическая функция его компонентов при их одинаковом синтаксическом строении. То есть можно говорить и так, что признаком синтаксического параллелизма служит повторение синтаксической конструкции одного высказывания в другом или других высказываниях, например: *Er lag mit den geschlossenen Augen in seinem Bett. Sie stand mit dem traurigen Gesicht neben ihm.*

Заслуживают внимания работы о синтаксическом параллелизме Е.В. Артеменко и Д.М. Дреевой, выполненные на основе текстов поэзии. Так, в работе Е.В. Артеменко параллельная связь между структурами, представляющими синтаксическое единство, изучается в жанровой разновидности поэзии – песне – и подчеркивается, что благодаря использованию синтаксического параллелизма реализуется тенденция к автономии отдельных стиховых единиц. Автор устанавливает сущность исследуемого явления: для его параллельно построенных синтаксических частей, с одной стороны, всегда характерна в той или иной мере структурно-смысловая целостность, а с другой стороны, обусловленность функциональным тождеством компонентов и позиционной общностью. Совместно это образует основу нелинейного соотношения стиховых структур [3, с. 16].

В исследовании Д.М. Дреевой явление синтаксического параллелизма рассматривается как синтаксическое средство структурной организации стихотворного высказывания в немецкой эпической поэзии. Синтаксический параллелизм, стремясь к согласию с метром и подчиняясь ему, пытается достигнуть метрико-синтаксической гармонии, поддерживая синтаксическую целостность стихотворных строк. В качестве материала для анализа избраны эпические поэмы Г. Гейне. Автор приходит к заключению, что синтаксический параллелизм широко используется поэтом в качестве грамматического средства обеспечения связи между смежными строками и строфами поэмы или между строфами в пределах отдельной главы эпического произведения [4, с. 8].

В целом, под синтаксическим параллелизмом Д.М. Дреева понимает повторение одной и той же синтаксической модели в последующем высказывании с другим или частично другим лексическим наполнением в пределах одной, двух или нескольких стихотворных строк одной строфы или ряда строф поэтического произведения. Формулируется положение, согласно которому синтаксический параллелизм – это универсальный принцип построения поэтического текста, обеспечивающий синтаксическое своеобразие стихотворной речи и создающий высокую степень спаянности и упорядоченности синтаксиса поэтического произведения, его внутренней структуры. В целом же параллелизм является одним из средств организации структурной связности любого текста [4, с. 21].

В описании многих лингвистов содержится указание на то, что, в сущности, параллелизм реализуется как одна из разновидностей повтора, демонстрируя повторение не конкретных предложений с их конкретным лексическим наполнением, а только синтаксических форм предложений, например: *Er legte ihren Schlüssel auf den Tisch, sie las seine Gedanken vom Gesicht*. В этих двух смежных предложениях морфосинтаксическая структура идентична: подлежащее, выраженное местоимением, за которым следует глагольное сказуемое; далее – дополнение, оформленное в обоих случаях одинаковой частью речи; и в конечном счете – обстоятельство места, оформленное также в обоих случаях предложным сочетанием. Лексически идентичных элементов в приведенном примере нет, хотя в других случаях нередко встречается параллелизм с тождественными, буквально повторяющимися лексическими элементами, как например: *Wenn ich dumm bin, lassen sie mich gelten; wenn ich recht hab', wollen sie mich schelten* (Goethe. “Zahme Xenien”).

Ю.М. Скребнев отмечал, что хотя параллелизм и предполагает повторение только грамматической структуры смежных предложений, было бы неточным оценивать создаваемый им стилистический эффект как явление только замыкающееся в области синтаксиса или только способствующее ритмомелодической унификации высказываний. В любом случае доминирующим и определяющим фактором служит план содержания, а он непосредственно соотносится с лексической семантикой сопологающихся предложений. Именно в сочетании с лексическими значениями актуализируется конструктивная синтаксическая функция параллелизма. Он выполняет функцию особого акцентирования того элемента, который сигнализирует семантическую связность, либо маркирует контраст, либо подчеркивает содержательное единство как смысловую объединенность разных утверждений [5, с. 141].

Явлению повтора в его общем охвате посвящено немало исследований на материале различных языков. При этом на уровне синтаксиса он часто отождествляется с синтаксическим параллелизмом. Однако, по мнению А.А. Кузнецовой, синтаксический повтор – это явление более широкое и находящееся с синтаксическим параллелизмом в родо-видовых отношениях. Именно синтаксический параллелизм лежит в основе таких явлений повтора на синтаксическом уровне, с которыми связаны стилистические фигуры полисиндетон, анафора, эпифора, асиндетон, хиазм, антитеза и др. Тем самым понятия *синтаксический параллелизм* и *повтор* находятся в отношениях подчинения и по сути своей являются видо-родовыми понятиями [2, с. 70–71].

Особое место у современных лингвистов отведено соотношению понятий *синтаксический параллелизм* и *симметрия*. Для объяснения этого интереса необходим краткий экскурс в прошлое. На протяжении веков человек пытался постичь и создать порядок, красоту и совершенство. Еще в античных риториках указывалось, что эстетическое наслаждение связано не только с тем удовольствием, которое доставляет познание,

но и с воздействием красивой формы. В языке таковой признавалось симметрично построенное высказывание, поскольку оно быстрее и эффективнее воздействует на аудиторию, активнее апеллирует к чувствам и эмоциональному состоянию, делает речь более доходчивой и убедительной. В целом, античный период связывал красоту окружающего мира с такими понятиями, как мера и соразмерность, ритм, гармония и, наконец, симметрия [2, с. 58].

Симметрия не раз подвергалась исследованию и с позиции лингвистики. В одних случаях она рассматривалась и рассматривается как частный случай проявления синтаксического параллелизма, характеризуясь тем, что в повторяющейся сходной синтаксической форме говорится об одном и том же. В других случаях симметрия истолковывалась как равнозначная понятию тождества. Но существует и третья точка зрения, по которой понятия *синтаксический параллелизм* и *симметрия*, в свою очередь, находятся в отношениях подчинения. Подобное утверждение не совсем приемлемо для тех лингвистов, которые придерживаются позиции отождествления, т.е. рассматривают стилистическую симметрию как частный случай проявления синтаксического параллелизма. И хотя параллелизм вне симметрии фактически нереален, более правы те исследователи, которые приходят к выводу, что, во-первых, симметрия в языке представлена не только синтаксическим параллелизмом, и, во-вторых, что синтаксический параллелизм и симметрия – понятия не тождественные. И здесь синтаксический параллелизм можно понимать как частный (видовой) случай симметрии, иначе говоря, эти явления находятся в родо-видовых отношениях [2, с. 64].

В результате отбора существующих позиций правомерным становится следующее краткое определение синтаксического параллелизма: это конструктивный способ построения речевого целого, проявляющийся как частный случай общего принципа симметрии, реализуемого через повтор [6, с. 28].

В более развернутом виде рассматриваемому феномену может быть дана следующая дефиниция, которая вытекает из всего вышеизложенного: синтаксический параллелизм есть системно-структурное единство, состоящее как минимум из двух параллельных конструкций, характеризующихся синтаксической тождественностью и логико-смысловой общностью на основе симметрии как принципа организации его компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Десницкий, А.С. Характер и функции параллелизма в библейских текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / А.С. Десницкий ; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2010. – 30 с.
2. Кузнецова, А.А. Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Кузнецова. – Кемерово, 2003. – 257 л.

3. *Артеменко, Е.Б.* Синтаксический строй русской народной лирической песни : (малопредикативные и полипредикативные конструкции) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е.Б. Артеменко ; Воронеж. гос. ун-т им. Ленинского комсомола. – Воронеж, 1977. – 43 с.
4. *Дреева, Д.М.* Стиховой перенос и синтаксический параллелизм как средства создания связности текста в немецкой эпической поэзии : (на материале поэм Г. Гейне) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.04 / Д.М. Дреева ; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1990. – 26 с.
5. *Скрёбнев, Ю.М.* Очерк теории стилистики / Ю.М. Скрёбнев. – Горький, 1975. – 175 с.
6. *Кузнецова, А.А.* Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Кузнецова; Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2003. – 33 с.

The article is devoted to syntactic parallelism as a phenomenon with a special status in expressive syntax. The aim of this research is to reveal that syntactic parallelism is a semantic and structural integrity which is constructed on the basis of symmetry as a principle of the organization of its components.

Поступила в редакцию 12.10.11

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.С. Гутовская

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ “СПОР” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе предпринимается попытка реконструировать английскую фразеологическую картину спора. Для этого на основе выделения во фразеосемантическом поле (ФСП) “Спор” отдельных фразеосемантических групп (ФСГ) устанавливаются основные аспекты спора, вычлняемые английской фразеологией; путем анализа семантики фразеологизмов отдельных ФСГ определяется набор отраженных в английской фразеологии представлений о каждом аспекте спора; при помощи количественного и статистического анализа фразеологических составов ФСГ выявляется степень фразеологической представленности каждого аспекта спора, коррелирующая со степенью его актуальности; в попытке охарактеризовать зафиксированную в английской фразеологии систему представлений о споре «фразеологическая» рефлексия над спором сопоставляется с научной.

Споры являются неотъемлемой частью всех сфер человеческой жизнедеятельности, и людям крайне важно уметь вести споры. Спор находится в центре внимания многих гуманитарных наук. Отдельные аспекты спора – правила ведения спора, тактики ведения, приемы аргументации – изучаются в рамках философии, логики, риторики, прагматингвистики, конфликтологии. Однако добываемые гуманитарными науками знания о споре не оказывают значительного влияния на повседневные споры, так как, во-первых, науки, в сущности, имеют дело со сконструированной с целью познания идеализированной ситуацией спора, весьма опосредованно соотносящейся с реальными ситуациями ежедневных споров, а во-вторых, научные сведения предназначены для ограниченного круга людей. Большинство людей не обучаются искусству спора специально. Их базовые представления о споре формируются в том числе в процессе овладения языком, кумулирующим и транслирующим из поколения в поколение накопленный языковым коллективом опыт. С этой точки зрения интересным представляется изучить знания о споре, закрепленные в языке в целом и в его фразеологии в частности – знания, доступные всем членам языкового сообщества, без различия в образовании, социальном положении и профессиональной принадлежности, и определяющие их поведение в ситуации спора.

В данной работе рассматривается английское фразеосемантическое поле (ФСП) “Спор” с целью экспликации и характеристики сконцентрированной в семантике английских фразеологизмов системы представлений о феномене спора. Единицы ФСП “Спор” были отобраны путем сплошной выборки из [1]; при отборе фразеологического материала также привлекались [2; 3; 4; 5; 6]. Общий объем выборки составил 150 фразеологических единиц.

В составе ФСП “Спор” выделяется семь фразеосемантических групп (ФСГ): 1. “Предмет речевого взаимодействия в споре”, 2. “Мотив взаимодействия”, 3. “Участники взаимодействия”, 4. “Средство речевого взаимодействия”, 5. “Этапы взаимодействия”, 6. “Процесс взаимодействия” и 7. “Форма взаимодействия”.

1. ФСГ “Предмет речевого взаимодействия” в споре образуют фразеологические единицы (ФЕ), номинирующие спорный, вызывающий разногласия вопрос (*a bone of contention* ‘a subject that people disagree about, especially for a long time’ [1, с. 35]), а также особенно коварный пункт расхождений во взглядах, препятствующий достижению согласия в споре и являющийся в нем камнем преткновения (*a sticking point* ‘a problem that stops you from making an agreement or arrangement, because people cannot agree about it’ [1, с. 268]).

2. Конституенты ФСГ “Мотив взаимодействия” акцентируют внимание на побудительных причинах споров, на характере целей, которые ставят перед собой участники спора. Английская фразеология различает спор как столкновение идей (спор-поиск) – спор с целью сопоставления различных точек зрения и установления истины (*the battle of the books* ‘ученая дискуссия’ [6, с. 76]) или выработки правильного способа действий (*bring sth to the table* ‘to suggest sth to be considered or discussed in a formal meeting’ [1, с. 336]) и спор как столкновение личностей (спор-соперничество) – спор с целью регулирования межличностных отношений. В составе второй группы выделяются спор-противостояние (*fight / battle it out* ‘if two teams, organizations, or people *fight it out*, they keep fighting, competing, or arguing about sth until one of them wins’ [1, с. 119]), спор-ссора (*bandy words with sb* ‘to quarrel with sb’ [3, с. 86]) и спор-состяжание (*get into a pissing match (with sb)* (AmE, spoken) ‘a fairly rude expression meaning to have an argument or competition with sb in order to find out who is best’ [1, с. 225]).

3. ФСГ “Участники взаимодействия” составляют ФЕ, называющие спорящие стороны, и третьих лиц, непосредственно не участвующих в споре, но так или иначе в него вовлеченных. Непосредственные участники спора представляются как противоборствующие стороны, находящиеся по разные стороны забора (*be on the other side of the fence* ‘придерживаться противоположного мнения, быть в другом лагере’ [2, с. 162]). ФЕ, относящиеся к присутствующим при споре третьим лицам, имплицитно имеют идею невозможности сохранения ими нейтралитета в споре. Положение присутствующего, занимающего нейтральную позицию в споре, метафорически интерпретируется как сидение на заборе (*sit on the fence* ‘to avoid saying which side of an argument you support’ [3, с. 512]), с которого с неизбежностью нужно будет слезть (*come off the fence* ‘to make one’s intentions clear, to commit oneself to either party in a dispute’ [2, с. 162]) и оказаться по одну или другую его сторону, т.е. встать на сторону одного из противников (*come down on the right side of the fence* ‘to ally oneself with the successful party in a dispute’ [2, с. 162]), и, возможно, даже выступить на выбранной стороне (*take up the cudgels (for sb/sth)* ‘to argue or take action in support of an idea, person, or group’ [1, с. 75]).

Английская фразеология различает несколько типов третьих лиц в споре: лицо, состоящее в дружеских отношениях с обоими спорящими и испытывающее дискомфорт в ситуации спора между ними (*be the meat in the sandwich* (BrE) ‘to be in a difficult situation because you are friendly with both of two people or groups who are arguing’ [1, с. 227]); лицо, играющее на противоположных интересах, поддерживающее дружеские отношения с обоими спорящими сторонами в корыстных целях (*play both sides/ends against the middle* ‘to be friendly with both of two people, countries etc that are arguing, in order to gain an advantage for yourself, especially when each of them thinks that helping you will annoy the other’ [1, с. 105]); лицо, связанное с обоими спорящими деловыми отношениями, на которое обе стороны оказывают давление, требуя поддержки с его стороны (*be piggy/pig in the middle* (BrE) ‘to be in a situation where two people or groups that you are involved with are arguing, and they both want your support’ [1, с. 263]); лицо, ставшее свидетелем спора и вынужденное высказываться крайне осторожно, чтобы не обидеть одного из спорщиков и не нажить себе врага в его лице (*walk a tightrope* ‘used in order to say that sb is in a situation where they must be very careful about what they say or do, especially because they may easily offend either one of two groups who oppose each other and want to avoid creating enemies or a dangerous situation’ [1, с. 350]); лицо, невольно оказавшееся вовлеченным в спор и имеющее перспективу в результате спора пострадать (*get caught in the crossfire* ‘to become involved in an argument between two other people or groups, or to have problems as a result of other people’s arguments’ [1, с. 74]); и лицо, способное уладить спор, заставить спорящих прийти к согласию (*knock/bang sb’s heads together* (AmE) ‘to force two groups, organizations, or people who do not agree with each other to reach an agreement’ [1, с. 163]).

Во всех случаях, кроме последнего, третьи лица представлены как находящиеся между спорящими сторонами: как находящееся между двумя ломтиками хлеба мясо в сэндвиче (*the meat in the sandwich*), как находящийся в середине игрок в детской игре для троих, который должен перехватывать перебрасываемый между двумя другими игроками мяч (*piggy/pig in the middle*), как канатоходец, балансируя, передвигающийся по натянутому канату, метафорически обозначающему границу между позициями противоборствующих сторон – *walk a tightrope* (ср. сходные позицию третьего лица и функцию забора в ФЕ *sit on the fence*), как оказавшийся под перекрестным огнем (*caught in the crossfire*). Следовательно, перечисленные третьи лица, связанные с непосредственными участниками спора либо отношениями, либо во времени и пространстве, осмысливаются англоязычным сознанием не как сторонние наблюдатели, а как находящиеся в гуще событий спора.

4. Среди средств речевого взаимодействия в споре английская фразеология выделяет два вида аргументов: убедительные, выдерживающие критику (*hold water* ‘to be accurate or convincing; bear critical scrutiny’ [4]) и неубедительные, беспочвенные, не подтвержденные фактами (*thrust in by head and shoulders* ‘притянутый за волосы (об аргументах, объяснениях и т.п.)’ [6, с. 519]).

5. Составляющие ФСТ “Этапы взаимодействия в споре” показывают, что английской фразеологией различаются предварительный, основной и заключительный этапы спора. Предварительный этап спора образуют ряд моментов: возникает спорный вопрос (*set / put the cat among the pigeons* ‘to say sth that causes a lot of arguments’ [1, с. 54]), обнаруживается расхождение во мнениях коммуникантов по этому вопросу (*not see eye to eye* ‘to disagree with sb about a particular subject’ [1, с. 108]), обеими сторонами демонстрируется готовность к противостоянию, к отстаиванию своей позиции (*throw down the gauntlet* ‘to invite sb to argue or compete with you’ [1, с. 134], *take up / pick up the gauntlet* ‘to accept an invitation to argue or compete with sb’ [1, с. 134]) и, наконец, непосредственно перед началом собственно спора происходит уточнение пункта разногласий, позиций спорящих сторон и т. п. (*mark out the battle lines* ‘state one’s view very clearly and name one’s supporters and opponents’ [2, с. 239]). Основной этап спора составляют разнородные речевые действия спорящих: атака (возражение, попытка опровергнуть утверждение противника: *take the offensive* ‘to make an attack or strong criticism’ [3, с. 981]), защита (попытка отстоять свою позицию: *stick / stand to one’s guns* ‘to defend one’s position against strong opposition’ [2, с. 243]), контратака (выдвижение встречного возражения: *trump sb’s ace* ‘to counter a strong argument/ action of one’s opponent with an argument/ action that is even stronger’ [2, с. 310]).

Для заключительного этапа спора предусмотрен целый ряд сценариев: одна из сторон заявляет об отказе от своей точки зрения и признает тезис, утверждаемый противником (*beat a retreat* ‘to withdraw, to abandon a position one has taken up’ [2, с. 240]); стороны приходят к общему решению путем сопоставления позиций (*arrive at a settlement on sth* ‘to reach an agreement or decision that ends an argument between two sides’ [3, с. 1306]). Примечательно, что итоги спора, в результате которого было выработано общее решение, могут быть оспорены: *argue the toss* ‘to dispute a decision’ (from tossing a coin and shouting “Heads!” or “Tails!” as an agreed means to settle a dispute; the loser by this process then unsportingly declines to abide by the decision) [4]); спорящие стороны остаются каждая при своем мнении (отсутствие возможности убедить оппонента: *a stalemate position* ‘a position in which neither party to a dispute can take effective steps against the other’ [2, с. 309]); стороны расходятся еще большими противниками (в случае обострения разногласий в результате спора предусмотрена и постфинальная часть спора – попытка установить дружеские отношения: *mend (one’s) fences* ‘to do sth in order to try to improve a relationship with sb that you have had an argument with’ [1, с. 118]). Спор может остаться незаконченным, будучи прерванным по инициативе одной из сторон (*pick up one’s marbles and go home* (AmE) ‘to leave a discussion or meeting because you are angry’ [1, с. 224]) или по обоюдному решению обеих сторон (*bury the hatchet / tomahawk* ‘to agree to stop arguing about sth and become friends again’ [1, с. 157]); незаконченный спор может быть возобновлен (*come back to the table* ‘if a country, political organization etc gets back to the table, they

return to discussions that they were having with another country or organization, in order to try to reach an agreement' [1, с. 336], *dig up/take up the hatchet/tomahawk* 'to return to argument' [1, с. 157]).

6. Фразеологизмы ФСГ "Процесс взаимодействия" подчеркивают, что в ходе спора происходит обмен мнениями (*exchange words with sb* 'to argue with sb' [1, с. 392]) и у каждого участника есть возможность высказаться в поддержку тезиса спора (*add/lend one's voice to sth* 'to express one's support for sth' [3, с. 1599]) или против (*raise one's voice against sth* 'to oppose sth publicly' [3, с. 1599]). В случае если один из оппонентов не дает высказаться другому, срывает спор, превращая диалог в собственный монолог, можно заявить о своем праве выразить свою точку зрения (*demand a voice in sth* 'claim the right to express an opinion, or influence decisions' [3, с. 1599]). Ряд ФЕ ФСГ 'Процесс взаимодействия' фокусируют интенсивность спора: *be/go at it hammer and tongs* (BrE) 'to argue or fight with a lot of energy or force' [1, с. 150].

7. Фразеологизмы ФСГ "Форма взаимодействия в споре", большинство из которых оценочные ФЕ, характеризуют проявляемые в споре качества его участников, взаимоотношения между спорящими сторонами и между представителями одного лагеря, а также тактики ведения спора.

Положительно оцениваются а) высокая нравственность коммуникантов (*take/claim/occupy the moral high ground* 'to feel confident because you think your opinion is morally better than other people's' [1, с. 145]), б) уважение к иному мнению (*have/keep an open mind* 'to be willing to listen to other people's opinions and change your ideas if you agree' [1, с. 230]), в) взаимопомощь сторонников (*go to the mat (for sb)* (AmE) 'to do everything you can to win an argument, often in order to help sb who is not as powerful as you' [1, с. 225]), г) готовность к компромиссу (*meet sb halfway* 'to accept some of sb's opinions, in order to reach an agreement or to have a better relationship with them' [1, с. 149]) и д) использование ряда тактических приемов: захвата инициативы (позволяет возложить бремя доказывания на оппонента: *throw sb on the defensive* 'to seize the initiative from one's opponent and turn from defence to attack' [2, с. 240]), стратегии неожиданности (оставленный про запас сильный аргумент может оказаться решающим в споре: *have / keep sth up your sleeve, have an ace/card/trick up your sleeve* 'to have a secret argument, plan or advantage that you can use to be successful in a situation if other plans fail' [1, с. 314]) и приема последнего слова (взяв последнее слово в конце дискуссии, можно представить ее итоги в выгодном для себя свете, даже если они оказались плачевными: *have the last word* 'to be the person who makes the final point in a discussion or agreement, especially when this makes you feel you have won' [1, с. 390]).

Негативную оценку получают а) некомпетентность в обсуждаемом вопросе (*talk through one's hat* (spoken) 'used in order to say that sb talks as if they know sth when they do not' [1, с. 157]), б) отсутствие твердой позиции в споре (*change one's tune* 'used in order to say that sb is expressing a very

different opinion from the one they were expressing before, especially when you are surprised or annoyed by this' [1, с. 363]), в) разобщенность членов одного лагеря (*break ranks* 'to fail to support the group or organization that you are in, by saying or doing sth different from what you have all agreed to say or do' [1, с. 280]), г) враждебность, недоброжелательность по отношению к оппоненту (*go for the jugular* 'if you *go for the jugular* when you are arguing with sb, you attack them in a way that you know will harm them most' [1, с. 184]), д) ослабление бдительности в ходе спора (*lower one's guard* 'to stop being careful about what you say or do so that you may be tricked or get into danger' [1, с. 145]), е) неумение признать свои ошибки в споре (*dig one's heels in* 'to refuse to change your opinions or plans, even though other people want you to' [1, с. 166]), ж) несерьезные, показательные споры (*handbags at ten paces* (BrE) 'a humorous expression used about a theatrical argument or fight in which neither side is very effective' [1, с. 153]) и з) использование в споре таких уловок, как отклонение от главной темы спора (*draw a red herring across the path/trail* 'to introduce a new idea that you think is not important or necessary, and that have been mentioned deliberately to take people's attention away from the subject they should be considering' [1, с. 169]), уклонение от обсуждения вопроса (*kick sth into touch* (BrE) 'to avoid considering or dealing with an idea or suggestion' [1, с. 358]), затягивание спора (*leave sth hanging (in the air/in midair)* 'if a question is left hanging in the air, it is not answered' [5]), двойная игра (*run/hold with the hare and hunt with the hounds* (BrE, old-fashioned) 'used when you disapprove because sb is trying to support both sides in an argument or quarrel' [1, с. 156]) и попытки вывести противника из равновесия, накалить атмосферу спора (*stir up a hornet's nest* 'to cause a lot of trouble by making a bad situation worse, especially a situation in which people strongly disagree with each other' [1, с. 243]).

Количественный подсчет фразеологизмов каждой ФСГ и последующий статистический анализ количественных данных показал, что степень фразеологической репрезентации формирующих ФСП "Спор" ФСГ, а значит, и степень важности соответствующих аспектов спора с точки зрения английской фразеологии, различна. Наиболее широко английскими фразеологизмами представлены ФСГ "Форма взаимодействия" (58 ФЕ, что составляет 38,7 % от общего числа ФЕ ФСП "Спор") и "Этапы взаимодействия" (42 ФЕ, или 28 %); заметно уступают им по широте репрезентации ФСГ "Участники взаимодействия" (14 ФЕ, или 9,3 %), "Мотив взаимодействия" (13 ФЕ, или 8,7 %), "Процесс взаимодействия" (11 ФЕ, или 7,3 %), "Предмет речевого взаимодействия в споре" (7 ФЕ, или 4,7 %) и "Средство речевого взаимодействия" (5 ФЕ, или 3,3 %).

Представленность ФСГ "Этапы взаимодействия" большим количеством семантически разнородных фразеологических единиц показывает, что английская фразеология «замечает» разнообразие речевых действий, совершаемых коммуникантами на предварительном и основном этапах спора, и многочисленность возможных вариантов окончания спора.

Значительное преобладание среди репрезентанов ФСП “Спор” ФЕ, связанных с формой взаимодействия в споре, указывает на то, что форма взаимодействия коммуникантов рассматривается английской фразеологией как наиболее важный аспект спора. Исходя из этого можно заключить, что английская фразеология ориентирована в основном на обиходные споры, представляющие собой не столько столкновение идей (спор-поиск), сколько столкновение личностей (спор-соперничество). Именно в обиходных спорах форма взаимодействия между коммуникантами, зависящая от того, какие личностные качества (положительные или отрицательные) они проявляют в споре и какие приемы спора (честные или нечестные) используют, является решающим фактором, определяющим продуктивность обиходного спора. О том, что английская фразеология фокусирует внимание на обиходном споре, свидетельствует и тот факт, что подавляющее большинство ФЕ ФСГ “Мотив взаимодействия” относятся к спору-соперничеству, а не к спору-поиску.

В ряде ФСГ количественно преобладают ФЕ, называющие отрицательные признаки, качества, состояния или действия (например, признак ‘дружелюбие, доброжелательность’ репрезентирован тремя ФЕ, а признак ‘враждебность, недоброжелательность’ – двенадцатью ФЕ), что подтверждает сформулированное в лингвистике положение о пейоративности фразеологии.

Путем генерализации семантики английских фразеологизмов, образующих ФСП ‘Спор’, можно реконструировать отраженные в английской фразеологии представления о споре, или фразеологическую картину спора. Спор – это процесс речевого взаимодействия, в который вступают стороны, имеющие расхождения во взглядах на поставленный вопрос. Побуждать к спору могут как стремление установить истину или найти оптимальное решение, так и желание самоутвердиться. Помимо противоборствующих сторон в спор могут быть вовлечены и третьи лица, которые часто вынуждены либо поддерживать одну из сторон, либо балансировать между ними, стараясь ни одну из них не уязвить. Спор может доставлять третьим лицам не только неудобства – ситуация спора может использоваться ими в личных целях. Спор предваряется уточнением пункта разногласий и конкретизацией позиций спорящих. Собственно спор состоит в обмене суждениями, при котором каждая из сторон предпринимает попытки отстоять свое мнение и опровергнуть мнение оппонента. Спор может завершиться как снятием разногласий, так и их обострением, а может и вовсе оказаться безрезультатным. Споры могут прерываться и возобновляться вновь.

Есть несколько правил эффективного ведения спора. Вступать в спор следует лишь в том случае, если обладаешь достаточными знаниями о предмете спора и всерьез намерен снять возникшие по нему разногласия. В споре необходимо иметь твердую позицию и быть готовым ее защищать, а в случае выступления в споре командами – и объединять усилия сторонников для защиты. Противника в споре следует уважать, быть внимательным к его рассуждениям и стремиться понять его доводы. Если аргументы

оппонента окажутся убедительными, нужно уметь признать свою ошибку в споре. Участники спора должны сохранять выдержку и самообладание и проявлять доброжелательность, миролюбивый настрой и готовность пойти на компромисс. Не следует в споре прибегать к уловкам, но важно быть внимательным, чтобы суметь распознавать нечестные приемы у оппонентов.

Зафиксированные в английской фразеологии внеучные знания о феномене спора в общем схожи с научными (к примеру, сходен состав релевантных для спора аспектов, выделяемый фразеологией и изучающими спор науками). Однако научная и внеучная фразеологическая интерпретация спора совпадают не во всем. Некоторые аспекты спора «разработаны» фразеологией более детально (ср. детальную «типологию» третьих лиц в споре), в других при сопоставлении с научными данными обнаруживаются явные пробелы (например, может быть продолжен список разрешенных и запрещенных приемов спора, без внимания остались приемы аргументации).

В английской фразеологии хранятся базовые знания о споре, являющиеся достоянием всего коллектива говорящих на английском языке и регулирующие их взаимодействия в повседневных спорах. Закрепленные в английской фразеологии представления о споре во многом универсальны, но могут обнаружить и специфические черты при сопоставлении с фразеологическими данными других языков. Попытка сопоставления английского и русского ФСП 'Спор' с целью установления схожего и различного в их семантической организации будет предпринята в последующем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Longman Idioms Dictionary. – Harlow : Pearson Education Ltd, 1998. – 398 p.
2. Penguin Dictionary of English Idioms / prepared by D. M. Gulland, D. Hinds-Howell – London : Penguin Books Ltd, 2002. – 378 p.
3. Longman Dictionary of Contemporary English – Harlow : Pearson Education Ltd Limited, 2000. – 1668 p.
4. Online idiom dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.idiomdictionary.com/>. – Date of access : 26.08.2011.
5. The free dictionary by Farlex [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.thefreedictionary.com/>. – Date of access : 26.08.2011.
6. Англо-русский фразеологический словарь : Около 25000 фразеологических единиц / сост. А. В. Кунин. – 2-е изд., стер. – М. : ГИС, 1956. – 1455 с.

The article reconstructs the information concerning the phenomenon of arguing which is accumulated in the semantics of the English phraseology. It reveals that the English phraseology focuses on commonplace arguments and shows that the phraseological and scientific pictures of argument are similar in many respects, but do not coincide.

Поступила в редакцию 19.09. 11

Е.Ю. Дворкина

О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ФОРМАТЕ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ

Статья посвящена проблеме определения *языковых функций* в жанре испанского экономического текста. От ведущей функции зависит оформление материала, причем не только лингвистическое, но и экстралингвистическое, так как функции проявляются на различных уровнях. Исследование проводилось на материале статей испанской качественной прессы. Жанр статьи обладает определенными особенностями на уровне как структурной, так и языковой организации, что позволяет выявить языковые функции в различных вариантах. В экономических текстах испанской прессы на лингвистическом уровне преобладает денотативная функция, а на экстралингвистическом – конативная и эмотивная языковые функции, которые зачастую выражаются с помощью фото и иных неязыковых средств. Автор прибегает к экстралингвистическим средствам, поскольку он ограничен избранным жанром.

Данная работа посвящена исследованию медиатекста на предмет выявления в нем преобладающих *языковых функций*, которые влияют как на стилистическое, так и на грамматическое, лексическое и синтаксическое оформление исследуемого материала. Специфические для сферы СМИ условия речевого общения порождают определенные жанры, т.е. относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний. В нашем исследовании мы уделим особое внимание наиболее распространенному жанру – *статье*. Выбор мотивирован тем, что основным материалом для изучения является так называемая качественная испаноязычная пресса, в которой данный жанр встречается чаще всего. Главными характеристиками статьи являются достоверность, актуальность, объемность, целостность и ряд других, что отвечает требованиям к жанрам со стороны печатных изданий.

Статья – это произведение журналистики, в котором автор ставит задачу проанализировать общественные ситуации, процессы, явления прежде всего с точки зрения закономерностей, лежащих в их основе. Этому жанру присущи стремление к теоретическим и практическим обобщениям, анализ явлений, четкая социальная направленность. «Преобразование события в факт, прежде всего, означает пересказ его в системе того или иного языка, т.е. подчинение его той или иной структурной организации» [1, с. 307]. Поскольку рассматриваемая в статье информация носит фактуальный характер, в ней не находят отражения эмоции автора. Основной задачей статьи является информирование о том или ином событии в социальной жизни, то есть, говоря словами Р. Якобсона, ориентация идет на контекст, на референт. Тем не менее текст не может быть лишен выражения авторской позиции, которая проявляется не только на лингвистическом, но и на иных уровнях.

Для анализа нами были выбраны 3 статьи из испанской газеты “La Vanguardia” за май–июль 2010 г. Статьи посвящены экономической тематике. В статье “**Bon Preu quiere duplicar su tamaño en Catalunya**” идет речь о системе супермаркетов “Bon Preu”, дирекция которых продает свои супермаркеты за пределами Каталонии, чтобы расширить влияние внутри автономной области, увеличив количество магазинов.

«Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции» [2, с. 54]. В этом смысле лексические средства показательны – они направлены на то, чтобы очертить денотат или реально существующую проблему. Так как описываемая ситуация развивается в Каталонии, этот факт получает отражение уже в названии статьи: *Bon Preu*. Написание названия *Catalunya* также имеет каталонский, а не традиционный кастильский вариант (ср. исп. *Cataluña*). Каталонизмы есть и среди терминов: *ralentizar el ritmo* (замедлить ритм), *preu* (цена). По причине ограниченности тематики сообщений сферой экономики и краткости изложения с целью информирования вырабатываются так называемые газетные штампы: *de esta manera, asimismo* (таким образом), *el objetivo es* (целью является), *poner freno* (препятствовать); также используется книжная лексика, которая часто встречается в газетных статьях: *complementar* (дополнять), *reforzar* (укреплять), *ser fraccionado* (разделить), *enseña* (знамя), *facturar* (заработать), *tener mucho recorrido* (быть широко известным), *proporcionar el rendimiento* (принести прибыль). Широко применяется специализированная экономическая терминология: *el mercado catalán* (каталонский рынок), *alcanzar ventas* (достичь уровня продаж), *objetivo de crecimiento* (цель по развитию), *modelo de surtido de marcas* (модель выбора товара), *tienda descuento* (стоки), *doblar actividad y facturación* (удвоить активность и прибыль). Термины не расшифровываются, не поясняются, так как издание стремится к высоким стандартам и рассчитано на определенную группу читателей, которые владеют знаниями в сфере экономики и информируются о проблеме путем прочтения статьи, а не комментария автора. Словарь более или менее однороден по своим стилистическим характеристикам, здесь не встречаются случаи соединения литературно-книжной и разговорной речи, как бывает в статьях на иные темы.

Синтаксис и морфология отражают стремление к краткости высказывания, так как в статье необходимо дать максимум информации в фиксированном количестве строк. Часто употребляются конструкции с инфинитивом и причастными, деепричастными оборотами: *no es el momento de arriesgar saliendo de nuestro mercado natural* (не время рисковать, уходя с нашего постоянного рынка), *negociaciones para deshacerse* (переговоры о продаже), *el grupo prevé alcanzar ventas* (группа предполагает достичь продаж), а также страдательный залог: *han sido ya integrados* (уже были интегрированы), *se concentran* (сконцентрированы), *la red se refuerza notablemente* (сеть значительно укрепляется). В исследуемой статье не встречаются инверсии, восклицательные предложения, умолчания, ни другие

средства эмоционального синтаксиса; здесь почти нет эмоциональной лексики – эпитетов, междометий и проч. Информационность проявляется в подчеркнутой документально-фактографической точности выражения, в сдержанности изложения, обобщенности и понятийности, аргументированности излагаемого. В статье не нарушается привычный порядок слов, при этом учитывается важность тема-рематических конструкций: *el objetivo es recuperar la inversión (важно спасти вложения), el grupo de distribución ha puesto a la venta los 21 supermercados (группа продает 21 супермаркет), hasta ahora el Bon Preu era el tercer operador de distribución catalán (до сих пор Бон Преу был третьим по продажам в Каталонии)*.

Статью также сопровождает фотография, где изображен Жоан Фонт, глава группы “Bon Preu”, на фоне торговых полок, изобилующих товаром, который с широкой улыбкой предлагает покупателям приобрести что-либо из находящего на полках, делая в их сторону жест рукой. Благодаря фото, статья получает дополнительную возможность повлиять на потенциального клиента: здесь кадр выполнит не только денотативную, но и эмотивную, эстетическую функции. Во-первых, картинка даст шанс оценить с точки зрения потребителя ассортимент магазина, качество предлагаемого товара и его соотношение с ценовой политикой (*Bon Preu* в переводе на русский означает ‘хорошая цена’), то есть фото очертит денотат. Во-вторых, яркие цвета изображения, широкий выбор, уверенный вид президента компании наводят на мысль, что дела у супермаркетов идут хорошо, у магазинов есть клиенты, что подтверждается и текстом статьи, темой расширения на территории Каталонии: *Bon Preu quiere duplicar su tamaño en Catalunya (Бон Преу хочет удвоить количество своих магазинов в Каталонии)*.

Из нашего материала следует, что в статье при помощи языковых средств не выражены конативная и эмотивная функции, поскольку главной задачей текста является не убеждение, не комментирование, а информирование. Можно заключить, что основной языковой функцией, представленной в данной статье и выраженной с помощью языковых средств, является денотативная.

Конативная языковая функция ориентирована на адресата. Статья также ориентирована на определенную целевую группу, поэтому для выражения конативной функции нет необходимости в специальных средствах, она как бы разлита в самом тексте. Автор не проявляет своего отношения к происходящему с помощью лингвистических средств, но обращается для этого к другим семиотическим средствам. «Одной из актуальных проблем СМИ является сгущение информации с целью увеличения объема и темпа ее передачи, то есть передать максимум информации путем использования максимально компактных средств ее фиксации. Это достигается путем использования языковых и неязыковых средств» [3, с.148]. Именно фотография первой бросится в глаза, когда читатель будет листать газету. Она станет стимулировать прочтение статьи или отталкивать от нее, если фото выбрано неудачно. Фотография отражает эмоции автора. «Фотография,

которая обладала всеми данными безусловной документальности и истинности... прочно заняла место текста наибольшей документированности и достоверности в общей системе текстов культуры начала 20 века. Речь идет не столько о безусловной верности воспроизведения объекта, сколько об эмоциональном доверии зрителя, убеждении его в подлинности того, что он видит собственными глазами. ... таково обаяние “документальности” этого вида текста» [4, с. 18].

По представленному фото можно предположить, что автор положительно оценивает происходящее, персонаж, представленный на фотографии, в хорошем расположении духа, в благоприятный момент развития бизнеса, что видно по выражению его лица. К тому же фото всегда рассчитано на эмоции и комментарии со стороны читателя. Параллельно идет оценка внешности сфотографированного, читатели вспоминают о сети супермаркетов, складывается мнение о поданном автором тексте. В своей работе «Язык и массовая коммуникация» А.А. Волков пишет о том, что одной из центральных проблем СМИ является проблема адресата. Волков указывает на то, что в условиях СМИ идет воздействие на большую и недифференцированную аудиторию. «Пространственная организация акта общения интерпретируется коммуникантами как модель социальных отношений, существующих между ними. Любой вид общения возможен, только если коммуникатор обладает определенными сведениями, которые позволяют ему построить образ адресата, то есть учитывает его социальные характеристики. В СМИ это общие для определенной аудитории социальные атрибуты потенциальных адресатов сообщения, то есть отдельные роли личности или отдельные ролевые сегменты» [3, с. 50]. С помощью фото у автора появляется возможность выразить эмоциональное отношение к происходящему, пусть и экстралингвистическими способами. Фото выполнит в данном случае не только денотативную, но и отсутствующую в языке статьи эмотивную функции.

Статья “**Nuevas detenciones en el caso Xicola**” (*Новые аресты по делу Шикола*) посвящена мошенничеству в среде каталонских предпринимателей. Раскрытие преступления показывается сквозь призму операций, которые проводит каталонская полиция. Автор статьи делает особый упор на причины, по которым начато расследование. Это и определяет лексическое содержание материала. Почти в каждой фразе встречаются эпитеты, характеризующие происходящие события: *supuesto fraude* (*предполагаемая афера*), *presuntamente relacionado con el caso* (*возможно, имеет отношение к делу*). Но упомянутые эпитеты не выполняют эмотивную или эстетическую функции. К их помощи автор прибегает по очень важной причине: вина предпринимателей пока не доказана, и журналист не имеет права обвинить их открыто. То есть эпитеты выполняют денотативную функцию, отражая существующее положение дел. Отенок предположения (виновны/не виновны) проявляется и на грамматическом уровне. Для описания ситуации автор выбирает такие времена, как *Potencial Compuesto*, *Presente de*

Subjuntivo: *ser el cerebro de una organización que habría articulado un fraude (был мозгом организации, которая подозревается в совершении обманных действий), no descartan que puedan aparecer más perjudicados (не исключают того, что могут быть и другие пострадавшие).*

Поскольку в статье затрагивается тема экономических преступлений, словарь не содержит фразеологизмов, эмотивно окрашенных выражений, хотя, на первый взгляд, эмотивно окрашенная лексика вполне ожидаема. Лексика, в основном, книжная, связанная с криминальной и экономической сферами, направленная на то, чтобы отразить денотат, реальное положение дел: *investigadores (следователи), la trama (дело), empresario (предприниматель), perjuicio (ущерб), en deudas (по долгам), imputar delitos de estafa continuada (выдвинуть обвинение в мошенничестве).*

Фразы построены лаконично, почти отсутствуют сложносочиненные предложения, констатирующими элементами статьи являются простые и, реже, сложноподчиненные предложения. Такой синтаксис автор выбирает, чтобы показать ритм расследования, развития дела, подчеркнуть характер оперативности. Здесь важны причинно-следственные связи, развивающиеся во временных рамках подготовки события, события и задержания: *Los Mossos d'Esquadra han detenido a un grupo de empresarios catalanes presuntamente relacionados con el supuesto fraude que el dueño de Fincas Corral, Joseph Xicola, encabezó y que se estima que puede superar los 25 millones de euros en deudas (Каталонская полиция задержала группу каталонских предпринимателей, предположительно связанных с предполагаемым мошенничеством, организованным главой Финкас Корраль, Жозепом Шиколой. Ущерб может превысить 25 млн евро).*

Конативная функция выражена направленностью статьи на определенного адресата – читателя. Эмотивная функция не выражена на языковом уровне. К статье не прилагается фото, ведь речь идет о предполагаемых преступниках. Следовательно, в данной статье основной функцией является денотативная, иные функции практически не выражены не на лингвистическом, не на иных уровнях.

Статья **“El Mediterráneo, un mar de información geográfica”** посвящена проблеме финансовой кооперации стран Средиземноморья, о которой пойдет речь на очередной конференции в Барселоне. Композиционно-смысловая структура текста обусловлена желанием автора подчеркнуть важность выбранной темы, поэтому текст разбит на четкие абзацы, каждый из которых посвящен очередному этапу проведения конференции. Разбивка напоминает дневник самой конференции: *El próximo miércoles, el 9 de junio, se celebrará en Barcelona la novena edición del Fyrum TIC SIG. Durante la mañana se celebrarán tres sesiones. La tarde estrará dedicada a exponer y presentar diferentes proyectos y productos innovadores (В следующую среду, 9 июля, в Барселоне состоится 9 Форум TIC SIG. Утром пройдут три заседания. Вечер будет посвящен презентации инновационных проектов и продуктов).* В связи с этим на синтаксическом уровне присутствует когезия, появляются параллелизмы.

Словарный состав характеризуют лексемы в прямом значении, не обладающие экспрессивно-образными значениями. Стержневой компонент вокабуляра – книжная лексика: *el lema (девиз)*, *exponer los retos pendientes de Europa (показать, что предстоит Европе)*, *destacar el rol (подчеркнуть роль)*, *la jornada (конференционный период)*, *la entidad (сообщество)*. Более высокому уровню информативности способствует безличный характер речи, выраженный в страдательном залоге: *la segunda sesión se abrirá (второе заседание откроется)*, *se celebra en Barcelona (проводится в Барселоне)*, *se analizarán los proyectos (проанализируют проекты)*; часто встречаются инфинитивы и безличные конструкции: *pretende ser el punto de encuentro (станет местом встречи)*, *para poner al día (ввести в курс дела)*, *para asegurar un futuro sostenible (обеспечить уверенность в будущем)*. Лексика и синтаксис статьи направлены на то, чтобы показать денотат с помощью языковых средств. Автор не прилагает фото, поскольку проведение конференции еще предстоит, в связи с чем выразить языковые функции с помощью экстралингвистических средств автору не представляется возможным.

В связи с характером избранного жанра – статьи – у автора на непосредственно лингвистическом уровне практически нет возможностей выразить свое личное отношение к происходящему. Экстралингвистические пути, такие как фотография, дают автору, не нарушая требований жанра, выразить собственную оценку ситуации, приблизить информацию к читателям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера-история / Ю.М. Лотман. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 447 с.
2. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон Структурализм: "за" и "против". – М., «Прогресс», 1975, с. – 338 с.
3. Волков, А.А. Язык и массовая коммуникация / А.А. Волков. – М. : Наука, 1984. – 183 с.
4. Лотман, Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат, 1973. – 138 с.

The aim of the work is to define the main language functions of an economic press article and also to see the way they influence the grammatical, syntactical, stylistic and lexical content of the material under study. In the result of the research it is possible to point out that the dominating language function in the Spanish economic press articles is the denotative one. Yet the author can't but express his own position with both linguistic and extralinguistic means at the level of another language functions.

Поступила в редакцию 03.11. 11

Е.Б. Карневская

ВОСПРИЯТИЕ ФРАЗОВОЙ ПРОСОДИИ И ПРОСОДИЧЕСКОЕ ТРАНСКРИБИРОВАНИЕ

В статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы в трактовке структуры и функций компонентов речевой просодии в связи с основным предметом публикации – *просодическим транскрибированием* как принятой системой регистрации просодических характеристик речи. Основной тезис статьи состоит в понимании транскрибирования как процесса и результата лингвокогнитивной деятельности, возможность осуществления которой обеспечена принадлежностью речевой просодии к системе языка и обусловлена как объективной физической дифференциацией выделяемых в фонологическом анализе просодических явлений, так и факторами, касающимися требований к аудитору. К последним относятся знание состава категориальных просодических единиц, так же, как и владение аудитором их фонетическими «эталопами» (прототипами) и графическими обозначениями.

Развитие супraseгментной фонологии (интонологии), начиная с середины прошлого века, теснейшим образом связано с экспериментально-фонетическими исследованиями, позволившими раскрыть сложное взаимодействие просодических параметровых признаков в создании феномена речевой просодии и, непосредственно, *фразовой интонации/просодии* как ее основного структурно завершенного и функционально полноценного репрезентанта. Благодаря экспериментальным исследованиям стало очевидным отсутствие прямых, однозначных корреляций между акустическими и перцептивными характеристиками просодии. В этом хорошо известном и никем не оспариваемом факте остаются тем не менее некоторые дискуссионные вопросы. К ним относится, на наш взгляд, вопрос состава и категоризации просодических признаков. Так, если состав акустических параметров речевой просодии нельзя сузить, расширить или даже как-то существенно изменить терминологически, то состав воспринимаемых качеств, или перцептивных характеристик, используемых в описании исследовательских процедур и результатов аудитивного просодического анализа, весьма заметно варьирует. Прежде всего, обращает на себя внимание неоднородность перцептивных характеристик просодии, которая позволяет подразделить их на группы признаков: *одиночных*, или *простых*, и *интегративных*, или *сложных*, сопоставимых с выделяемыми в литературе, в частности, Д. Лэддом, психофизиологическими и фонетическими признаками соответственно [1]. При этом отмеченное выше отсутствие однозначной корреляции с акустическими просодическими параметрами относится к признакам обеих групп. Иными словами, выделение *о д и н о ч н ы х* перцептивных признаков не подразумевает их прямой соотнесенности с акустическими. Напротив, в определениях *о д и н о ч н ы х* воспринимаемых признаков – высоты голоса, громкости, и длительности/скорости речи – в литературе традиционно подчеркивается отсутствие такой корреляции.

Вторая группа признаков – интегративных – представлена так называемыми компонентами речевой интонации в широком толковании термина, или просодическими подсистемами, такими как речевая мелодия (тональная подсистема), фразовое ударение (акцентная подсистема), а также ритм, темп и тембр [2; 3; 4; 5; 6]. Следует указать в этой связи, что по поводу включения в интонацию трех последних из перечисленных компонентов и, более того, признания их лингвистичности (особенно тембра), существуют серьезные разногласия.

В отличие от одиночных признаков, имеющих в линейном плане глобально нерасчлененный характер и определяемых по этой причине как индивидуальные, периферийно-лингвистические или паралингвистические признаки, интегративные признаки имеют линейную организацию, соотносимую со смысловой сегментацией речевого потока. Иными словами, эти признаки структурированы и, как все структуры, представляют собой комплексы взаимодействующих конститутивных элементов, имеющие маркированные границы, которые служат показателями как внутренней целостности структуры, так и ее внешних отношений, неотделимых от ее статуса.

Возможность соотнесения количественной степени проявления признаков (например, слоговыделенности), градации (например, интервала высотного изменения) или определенной фигуры (например, конфигурации высотного изменения) с неким эталоном (прототипом), хранящимся в ментальной памяти носителя языка как элемент произносительного кода, ассоциируемый с модификациями различных аспектов коммуникативного содержания высказывания, доказывает когнитивно-функциональную природу рассматриваемых явлений. В силу этого высотно-мелодические изменения и акцентно-ритмические контрасты могут быть квалифицированы как необходимые конституты внешней структуры звучащего высказывания. Эта обязательная для устного высказывания структура есть не что иное, как интонация, и в создании ее как таковой состоит, на наш взгляд, первичная функция просодических параметров речи. С одной стороны, она необходима, чтобы высказывание состоялось: у него должна быть высотно-мелодическая и динамическая линия (кривая), определенная временная организация и т.д. С другой стороны, интонация выполняет смыслоразличительную функцию (в широком смысле слова), дифференцируя или участвуя в дифференциации целого ряда коммуникативно-семантических и коммуникативно-прагматических значений. Критерием восприятия и значимости интонационных характеристик высказывания становится, таким образом, адекватная ситуации общения интерпретация указанных аспектов содержания высказывания, во многом определяющая характер и, в конечном счете, успешность решения конкретной коммуникативной задачи. Вместе с тем как часть фонологической системы языка интонация/фразовая просодия должна иметь конвенциональную систему фонетического описания, т.е. систему транскрипции, отражающую инвентарь просодических единиц и признаков.

Насколько надежной может быть просодическая транскрипция? Какой степенью дискретизации и полноты она может обладать? Ответы на эти вопросы предполагают наличие некоторой точки отсчета. В качестве таковой может служить сегментная транскрипция. Вместе с тем важно изначально исходить из того, что изоморфизм принципов транскрибирования на сегментном и просодическом уровнях относителен. Прежде всего, степень дискретности просодических и сегментных единиц не совпадает, и в этом смысле слуховое распознавание и транскрибирование фонемного состава приводит к более однозначным результатам, чем идентификация просодических единиц/структур. Требованием, объединяющим оба вида транскрибирования, является наличие установленного инвентаря единиц, подлежащих идентификации. В выполнении данного требования и состоит одна из основных трудностей *просодического транскрибирования*, поскольку на сегодняшний день нет классификации просодических единиц/структур, сопоставимой по общепринятости с установленными для разных языков системами фонем.

По аналогии с сегментной транскрипцией просодическая транскрипция может определяться фонологическим или фонетическим/аллофоническим подходом к отражению супraseгментной составляющей звучащей речи. Вместе с тем дифференциация этих двух способов транскрибирования в просодии в настоящее время вряд ли может быть реализована в силу указанного отсутствия общепринятого алфавита, подлежащего обозначению.

Анализ просодической транскрипции, используемой в работах теоретического и лингводидактического характера, показывает, что она включает, в основном, индикаторы высотно-мелодических и акцентных характеристик в рамках отрезков, ограниченных показателями членения, которые могут быть представлены как относительно автономные составляющие, как, например, в работе Д. Бразила [7], или быть совмещенными в рамках единой системы обозначений, как в работах Р. Кингдона [8], Дж. О'Коннора и Дж. Арнольда [9], Д. Кристала [5] и др. Основной элемент такой нотационной системы – обозначение тона, носителем которого является ударный слог слова, выделенного во фразе ударением.

В этой связи возникает далеко не новый для интонологии вопрос о статусе высотно-диапазональных и конфигурационных вариантов тонов, так же, как и степеней фразовой слоговыделенности. Если не признавать функциональности указанных типов модификаций, то использование специальных символов для разновидностей тонов в рамках мелодических типов, определяемых направлением изменения высоты голоса, должно рассматриваться как включение диакритических знаков в систему транскрибирования, и, таким образом, само транскрибирование должно определяться как фонологическое-фонетическое (аллофоническое) по своей сути. Если же признать эти разновидности функциональными, аллофоническое варьирование в просодии, понимаемое как структурно обусловленное, т.е. предсказуемое дистрибутивными и комбинаторными факторами, относится к наименее изученным областям супraseгментной фонологии. Очевидно, что независимо

от понимания природы названных выше разновидностей тонов необходим их список, заранее известный аудитору, осуществляющему транскрибирование. Очевидно и то, что конвенциональный характер обозначений исключает, несмотря на субъективность восприятия, какой-либо импрессионизм в отражении высотных изменений, поскольку задача аудитора, в конечном счете, сводится к отнесению воспринимаемого им типа мелодического изменения, той или иной градации высотного уровня или степени выделенности к определенной единице, входящей в парадигму рассматриваемой категории, или подсистемы. Таким образом, аудитор в процессе осуществления просодической транскрипции решает задачи перцептивно-когнитивного характера, принципиально сходные с задачей фонемного распознавания.

Следует указать, что толкование понятия просодической транскрипции к настоящему времени претерпело существенные изменения: от сведения его к интонационной разметке (текстовой или графической) в дидактических целях до использования его как абстрактного и одновременно обобщенного фонетического представления линейной структурной организации интонации, в результате чего интонация конкретного высказывания становится одной из неограниченного числа реализаций интонационных фонологических единиц. Тем самым определяется подход к просодическому транскрибированию как одному из вопросов методологии исследований речевой просодии, относящихся к числу наиболее актуальных в настоящее время.

Просодическая транскрипция, с первых «фонетических хрестоматий» Д. Джоунза [10] с интонационно размеченными текстами до современных образцов, например, в работе Д. Бразила [7], отражает перцептивную акцентно-мелодическую структуру речевого высказывания, а также его членение с одновременным обозначением характера/типа последнего. В транскрипцию, таким образом, не включается целый ряд просодических параметров: громкость, темп, ритм, тембр, хотя в некоторых работах используется маркирование названных признаков в тексте при помощи дополнительных указателей, например, замедления, или, наоборот, ускорения темпа; специальных помет, указывающих на увеличение/уменьшение громкости по сравнению с нормальной (немаркированной) и ряда паралингвистических черт [5]. Следует отметить, что указанные дополнительные обозначения относительно независимы от «собственно» просодической транскрипции и что два ряда обозначений коррелируют с двумя выделенными ранее группами просодических признаков – простыми и интегративными, различия между которыми выступают в этом плане по признаку дискретности, противопоставленному непрерывности и глобальности, характеризующих перцептивные качества, выходящие за рамки структурного транскрибирования.

В обсуждении вопроса просодического транскрибирования нельзя обойти вниманием изменения в трактовке основополагающих фонетико-фонологических концептов, в том числе относящихся к английской просодии, которые произошли за последние 4–5 десятилетий. В самом общем

плане эти изменения были вызваны развитием инструментальной фонетики, которая пришла на смену «импрессионистской» описательной фонетике. Инструментальные исследования, по общему признанию, внесли большой вклад в раскрытие универсальных, типологических и специфических черт интонации различных языков, прежде всего, благодаря новому методологическому аппарату описания фонетического содержания априорно выделенных (или принятых) обобщенных, абстрактных интонационных сущностей. Важно подчеркнуть в этой связи примарность выделения просодической формы, ее самостоятельность для установления фонологического статуса тех или иных просодических явлений, поскольку идентификация формы изначально имеет перцептивно-когнитивный характер. Акустический анализ позволяет обнаружить акустический коррелят (корреляты) уже выделенной восприятием, т.е. сознанием носителя языка, и обобщенной в лингвистическом анализе формы. Решение о фонологичности различий между двумя структурами принимается на функциональных основаниях, так же, как на сегментном уровне, хотя сфера действия смысловозначительного потенциала сегментных средств и супraseгментных, безусловно, не совпадает. Исходя из указанного выше понимания роли идентификации обобщенных (прототипических) просодических форм, каковыми являются по своей сути тоны, тональные и акцентно-ритмические модели, выделенные, в частности, «импрессионистской» британской фонетической школой, следует признать, что они по существу положили начало супraseгментной фонологии, или интонологии.

Все принципиальные достоинства описания и отражения речевой интонации в британской, а также в американской традиционной школе (достаточно строгая логика, эксплицитность, полнота и тонкость структурных и семантических наблюдений) тем не менее не могли соответствовать новым задачам, которые были поставлены перед фонетикой в связи с развитием речевых технологий. Естественным результатом новых требований стало доминирование акустического анализа, направленного не просто на установление объективной картины просодических модификаций, но и, главным образом, на создание обобщенных акустических моделей, своего рода портретов интонационных структур, совместимых с минимальной единицей коммуникации – фразой. При этом модель должна быть воспроизводимой в неограниченном множестве конкретных высказываний. В отличие от более ранних способов текстовой и графической репрезентации интонации, которые также могут быть фактически определены как модели, акустическая модель предназначена, в первую очередь, для синтеза и автоматического распознавания речи. Решение специфической задачи предполагает необходимость учета всех деталей «наложения», т.е. временной привязки релевантных просодических модификаций на сегментную цепочку.

Получившая широкое признание просодическая модель Дж. Пьерхамберт и ее последователей [11; 12; 13] строится на бинарном противопоставлении низкого (L) и высокого (H) высотных уровней, последовательные соединения которых создают линейную интонационную структуру,

определяемую как последовательность тональных акцентов. Функциональной основой модели является просодическое выражение относительной информационной выделенности элементов фразы и их связанности, маркированной индексами сегментации – “break indexes”. Кроме того, тональные фигуры, порождаемые как последовательность уровней от одной переломной точки (turning point) до другой, характеризуются с точки зрения модально-прагматической и информационно-коммуникативной семантики.

Просодическая транскрипция текста в указанной системе моделирования отражает понимание “анатомии” интонационной структуры фразы, которое во многом сходно, но в то же время отличается от британской традиции. Одно из главных отличий состоит в том, что вся интонационная структура реализуется как последовательность тональных акцентов без дифференциации их по статусу, как это имеет место в традиционной британской модели. Далее, в отличие от британской традиции, каждая интонационная структура, помимо тональных акцентов, имеет «пограничные тоны», маркирующие начало и конец интонационной фразы.

Несмотря на популярность рассматриваемой модели Дж. Пьерхамберт, ее отдельные теоретические предпосылки остаются дискуссионными и подвергаются критическому анализу, в частности, в работах Д. Лэдда [1], который делает очень важный, на наш взгляд, и полностью разделяемый нами вывод о значительном сходстве модели Дж. Пьерхамберт с традиционной британской. С точки зрения интересующей нас проблемы просодического транскрибирования данный вывод непосредственно связан с вопросом, который не может не волновать как фонетистов-исследователей, так и фонетистов-практиков. Не остаемся ли мы в стороне от магистрального направления фонетики, продолжая использовать традиционную систему тонально-акцентных обозначений? Ведь, по словам С. Оде, все фонетическое сообщество пользуется так называемой системой транскрипции “ToVi” [14], основанной на модели Дж. Пьерхамберт [15]. При неоспоримой научной и прикладной ценности этой модели нельзя не заметить, однако, что даже для тех, кто готов принять ее теоретические основы, предлагаемая система отражения интонации излишне сложна для лингводидактических целей. Что же касается проблемы просодического моделирования для речевых технологий, данная модель, как кажется, эффективна в большей степени для решения задач автоматического анализа речевой просодии, чем для синтеза. Имеются в виду, в частности, элементы структурального (формального) подхода к выделению основных конститутов – тональных акцентов, в результате чего появляется понятие “тона без акцента” [1] для проклитических и энклитических слогов в случаях, когда они являются фактическими носителями изменения частоты основного тона (ср., например, реализации восходящего (m), восходяще-нисходящего (m), нисходяще-восходящего тонов ($^v m$) в английском языке). Очевидно, что при такой трактовке высотно-тональных изменений и выделения тональных акцентов игнорируются семантико-синтаксические связи между словами, прежде всего, связь между служебными и знаменательными словами, лежащие в основе формирования акцентных единиц (а.е.).

В модели синтеза английской и русской речи, применяемой нами вот уже на протяжении более двух десятилетий [16; 17], понятие акцентной единицы (а.е.) оказывается несколько шире, чем само понятие тона/тонального акцента: оно вбирает в себя реализацию типа высотного изменения как фонологической единицы и одновременно создает микроконтур каждой акцентной единицы как экспонента минимального смыслового блока, обладающего автономизирующим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ladd, D. R.* Intonational Phonology / D.R. Ladd; gen. ed. R. Anderson. – Cambridge Univ. Press, 1996. – 334 p.
2. *Vassilyev, V.A.* English Phonetics. A Theoretical Course / V.A. Vassilyev. – Moscow : Higher School Publ. House, 1970. – 323 p.
3. *Зиндер, Л.Р.* Общая фонетика: учеб. пособие / Л.Р. Зиндер. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1979. – 227 с.
4. *Метлюк, А.А.* Взаимодействие просодических систем в речи билингва : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / А.А. Метлюк. – Минск : Вышэйш. шк., 1986. – 112 с.
5. *Crystal, D.* Prosodic Systems and Intonation in English / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 381 p.
6. *Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996. – 489 p.
7. *Brazil, D.* Pronunciation for Advanced Learners of English / D. Brazil. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. – 152 p.
8. *Kingdon, R.* The Groundwork of English Intonation / R. Kingdon. – London; N.Y., 1958. – 272 p.
9. *O'Connor, J.D.* Intonation of Colloquial English / J.D. O'Connor, G.F. Arnold. – 2nd ed. – London: Longmans, 1973. – 288 p.
10. *Jones, D.* An Outline of English Phonetics / D. Jones. – 9th ed. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1967. – 379 p.
11. *Pierrehumbert, J.* Synthesizing Intonation / J. Pierrehumbert // Journal of the Acoustical Society of America. – 1981. – № 70 (4). – P. 985–995.
12. *Pierrehumbert, J.* The Meaning of Intonational Contours in the Interpretation of Discourse / J. Pierrehumbert, J. Hirschberg // Intentions in communication; P.R. Cohen [eds.]. – Cambridge, MA : MIT Press, 1992. – P. 271–311.
13. *Gussenhoven, C.* The Phonology of Tone and Intonation / C. Gussenhoven. – Cambridge Univ. Press, 2004. – 355 p.
14. *Оде, С.* Перспективы описания и транскрипции русской интонации в корпусах звучащих текстов / С. Оде // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований : К 70-летию проф. Л.В. Бондарко : сб. науч. ст. / СПбГУ; под ред. Н.Б. Вольской, Н.Д. Светозаровой. – СПб, 2002. – С. 209–215.

15. *Silverman, K.* TOBI: A Standard for Labeling English Prosody / K. Silverman [et. al.] : proc. of the 1992 Intern. Conf. on Spoken Language Processing, 12–16 Oct., Banff. – 1992. – P. 867–870.

16. *Karnevskaya, E.B.* Prosodic Modelling in TTS-speech Synthesis / E. Karnevskaya // Prosodie, traduction, fonctions : Actes du XXXIIe Colloque Intern. de Linguistique Fonctionnelle, Minsk, 7–10 oct. 2009 / L. Morozova, E. Weider [eds.]. – Fernelmont (Belgique) : E.M.F., 2010. – P. 59–62.

17. *Karnevskaya, E.* Realization of Prosodic Contours in Speech Synthesis / E. Karnevskaya // Speech and Computer : proc. of 11th Intern. Conf. – S.-Petersburg, June 25–29, 2006. – СПб., 2006. – P. 307–310.

The paper deals with the issue of prosodic notation as a system of registering the perceptible suprasegmental qualities of speech associated with the intonation structure of a spoken utterance. Current methods of prosodic transcription are analysed and evaluated against the conceptual foundations of the British traditional phonetic school.

Поступила в редакцию 18.11.11

Е.А. Макаренко

О РОЛИ КОНТЕКСТА В ФОРМИРОВАНИИ РЯДОВ КОРЕФЕРЕНТНЫХ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Главной единицей обозначения референта является референтное имя с его номинативным значением, тогда как *корреферентные имена* представляют собой обозначения его признаков по интенции автора. Развитие взаимодействия референции и корреференции в смысловом пространстве речи (текста) определяет характер формирования самого этого пространства, протекая последовательно от контекста к контексту. При этом контекст прогнозирует появление корреферентных имен, интегрируя признаки референта как органичный элемент формируемого смыслового комплекса. Выделяются два вида контекста: контекст, эксплицитно мотивирующий каким-то структурно-языковым элементом (или звеном) вероятность появления такого имени, и контекст, имплицитно «подсказывающий» по смыслу текста его возможное появление.

В связи с преимущественным интересом современной лингвистики к коммуникативным аспектам языка, его функционированию в речи авторы большинства исследований активно разрабатывают связанные с этим актуальные проблемы, в том числе проблему взаимодействия референции и корреференции. Актуальность последней объясняется тем, что, по Н.Д. Арутюновой, она составляет основу для «отнесения языковых выражений к внеязыковым объектам», а шире – для трактовки «соединения мысли и реальности посредством языка» [1, с. 15]. Референция понимается как

способ «зацепить высказывание за мир» и реализуется она, прежде всего, через референтно значимые единицы – имена (существительные) в вербализуемом речевом пространстве [1, с. 15].

Под кореференцией понимается сопроводительная информация, реализация которой обеспечивается *кореферентными именами*. Кореференция проявляется в тексте как отнесенность ряда знаков в его речевом потоке к одному референту с целью полной идентификации предмета речи (текста). Кореференции и референции соответственно присущи две главные функции – функции идентификации и коидентификации с преобладанием в последней дейксиса как указания на признаки объекта – референта. Главной единицей обозначения референта является референтное имя с его номинативным значением, тогда как кореферентные имена не связаны согласованием по своим номинативным значениям, представляя собой выделение признаков по интенции автора, нередко совершенно неожиданных для этих лексических единиц. Роль кореферентных имен в вербализации содержательного комплекса текста реализуется как характеристика.

Развитие взаимодействия референции и кореференции в смысловом пространстве речи (текста) определяет и характер формирования самого этого пространства. Развитие протекает последовательно, от контекста к контексту, из чего вытекает, согласно П.Ф. Стросону, важность учета контекста при исследовании указанного взаимодействия: «очень многое зависит от контекста высказывания», который включает, помимо времени, места, ситуации, предмета в центре внимания, личность говорящего [2, с. 77–78]. Именно личность говорящего, в художественном тексте – автор, точнее, его намерения или авторская интенция, формирует тот фокус рассмотрения, сквозь призму которого и раскрывается координация референции и кореференции в каждом отдельном смысловом фрагменте текста.

В связи с этим представляется целесообразным детальное рассмотрение роли контекста в формировании и функционировании рядов кореферентных (или контекстуально-синонимических) имен. Контекст не просто включает в себе, а определенным образом прогнозирует появление для прямого имени референта соотносительной по смыслу единицы в виде контекстуального имени. При этом контекст интегрирует тот или иной признак референта таким образом, чтобы он стал органичным элементом формируемого смыслового комплекса.

Однако фактор контекста в обозначении референта кореферентным словом (контекстуальным синонимом) действует в его конкретном проявлении неодинаково. На основании результатов анализа текстовых фрагментов принимаются два вида контекста, обуславливающих возникновение единиц характеристики: контекст, эксплицитно мотивирующий каким-то структурно-языковым элементом (или звеном) вероятность появления такого имени, и контекст, имплицитно «подсказывающий» по смыслу текста его возможное появление.

В случае эксплицитно мотивирующего контекста референт получает характеристику, например, через какое-то действие или качество, представленные в предшествующей информации (предтексте) глаголом или адъективным словом. Именно они часто становятся источниками мотивации. Например:

Auf diesem Komposthaufen, der sich an den Plankenzaun lehnte und mit wildem Flieder überwuchert war, stand das Lager des mißgestalteten und blödsinnigen Mädchens Tluja. ... Die halbnackte und schwarze Blöde steht langsam auf und bleibt gleich einem heidnischen Götzen auf kurzen, kindlichen Beinchen stehen ... ‘На куче компоста, которая примыкала к забору и была окружена дикой сиренью, находился лагерь безобразной и слабоумной Тлуи. ... Полураздетая и черная слабоумная медленно поднимается и, подобно языческому истукану, остается стоять на своих коротких, детских ножках’ [КВ, S. 37–38].

В приведенном контексте прямое обозначение референта *Mädchen Tluja* ‘девочка Тлуя’ снабжается определением *blödsinnig* ‘слабоумная’, которое указывает на определяющий признак в поведении и характере этого лица – слабоумие. Далее по ходу текста через транспозицию прилагательного в существительное (субстантивацию) признак становится уже словом-заместителем прямого названия лица, кореферентным именем *die Blöde* ‘слабоумная’. Негативная характеристика подкрепляется еще и вводимым сравнением *gleich einem heidnischen Götzen* ‘подобно языческому истукану’, помещенным в конец описания.

В роли мотиватора обращает на себя внимание и сравнительная конструкция с *wie* ‘как’. Главным же источником эксплицитной мотивации выступают существительные в синтаксической позиции предикатива. Информация об этом наглядно отражается в табл. 1, основу которой составил анализ 100 произвольно взятых из общей выборки фрагментов текста, в которых было зафиксировано 147 эксплицитно мотивированных контекстуальных синонимов.

Т а б л и ц а 1

Источники эксплицитной мотивации появления кореферентных имен
(контекстуальных синонимов) в художественном тексте

Источники эксплицитной мотивации появления кореферентных имен	Частотность	
	абсолютная	относительная
Предикативная часть именного сказуемого	63	0,43
Присубстантивное адъективное определение	34	0,23
Глагольное сказуемое	22	0,15
Конструкция с <i>wie</i> ‘как’	13	0,09
Обращение	9	0,06
Заглавие	6	0,04
Всего	147	1,0

В противоположность первому типу, имплицитно мотивированные кореферентные имена подготавливаются смыслом, мотив их появления может быть распознан лишь через углубленный смысловой анализ. Например:

Kurze Zeit später durfte ich den Nachlaß einer anderen Tante auflösen, die gestorben war. ... Dann entdeckte ich das Schlafzimmer, vollgestopft mit alten Plumeaus, Kissen, einer Sammlung von Matratzen und endlich, auf dem Nachttisch, der Kommandobrücke des fremden Schiffes, das ich erobert hatte, ein Wasserglas, in dem eine Prothese schwamm. Das Wasser goß ich unter die Matratze, sagte mir, der tote Kapitän benötige das Gebiß wohl nicht mehr, und wickelte es in ein Taschentuch, das in der Hosentasche verschwand. Mit feiner Sütterlin-Schrift stand das Vermächtnis der Toten unter der Fraktur-Druckschrift: Ja, warum wohl! – mit einem feurigen Ausrufezeichen. ‘Спустя некоторое время я занимался наследством уже другой умершей тетки. ... Тут я обнаружил спальню, набитую старыми перинами, подушками, коллекцией матрацев и, наконец, на ночном столике, капитанском мостике чужого, захваченного мною корабля, стакан воды, в котором плавал зубной протез. Воду я вылил под матрац, и, говоря себе, что мертвому капитану челюсть ни к чему, завернул протез в носовой платок, который исчез затем в кармане брюк. ... В завещании умершей изящным готическим шрифтом было написано: А почему бы нет! – с пылким восклицательным знаком’ [KI, S. 81–85].

В данном текстовом фрагменте в качестве кореферентного имени к прямому обозначению лица-референта *Tante* ‘тетя’ выступает слово *Kapitän* ‘капитан’. Объективно отождествить данное наименование с референтом было бы невозможно, но идентификацию обеспечивает смысл контекста. Комната умершей тети рисуется в воображении говорящего неким покинутым кораблем, капитаном которого она была. Прилагательное *tot* ‘мертвый’ в качестве смыслового элемента подкрепляет эту догадку, поскольку в начале фрагмента говорится о тете, которая умерла. Именно эта часть информации протягивает нить связи к новому обозначению и уже однозначно идентифицирует синонимичность в данном контексте кореферентных имен *die Tante* и *der tote Kapitän* – *тетя* и *мертвый капитан*. А несколько позже само указанное прилагательное, претерпев транспозицию, превращается в существительное *die Tote* ‘умершая’. На таком смысловом развитии и базируется референтный комплекс (он же и контекстуально-синонимический ряд) *die Tante – die Tote – der Kapitän*.

По месту расположения подготовительная информация в виде имплицитной мотивации может как находиться в непосредственной близости от появившегося обозначения, так и быть дистантной. В первом случае для идентификации бывает достаточно нескольких слов предшествующей части, например:

Das Sanatorium war wie eine Kaserne geführt, auf Disziplin und Anpassung wurde Wert gelegt; der Chefarzt war der Meinung, gäbe es nicht ein hartes Reglement, geriete, bei den unterdrückten Wünschen von dreihundert

männlichen und weiblichen Todeskandidaten, alles aus den Fugen. Er mußte Hilde nicht überreden, gemeinsam auszubrechen, die Festung verordneter Genesung zu verlassen, ohne entlassen zu sein ‘Санаторием руководили, как казармой, особое значение придавалось дисциплине и согласованности; главврач придерживался мнения, что, если бы не жесткий устав, все мгновенно сошло бы с рельсов ввиду подавляемых желаний трех сотен кандидатов в смертники обоего пола. Ему не пришлось долго уговаривать Хильду вместе совершить побег, самовольно покинуть эту крепость предписанного выздоровления’ [НР, S. 44–45].

Информацией, мотивирующей возникновение в качестве кореферентного знака к главному имени референта *Sanatorium* ‘санаторий’ существительного *Festung* ‘крепость’, является присутствие в контексте в роли дейктических элементов таких лексических единиц как *Kaserne* ‘казарма’, *Disziplin* ‘дисциплина’, *Reglement* ‘устав’. Они предваряют понимание дальнейшего обозначения ситуации. Весь лексический набор имплицитно подчеркивает несвободу, практически заточение, чем задает адекватный статус коидентификации через контекстуальный синоним *die Festung* ‘крепость, тюрьма’ по отношению к идентификации референта именем *das Sanatorium*. Признаковое имя является следствием метафорического переноса, благодаря которому достигается высокая образность изображаемой картины.

Более сложны реализации, при которых информация о референте входит в разные отрезки повествования, т.е. когда по мере развития смысла объект или субъект обрастает все новыми деталями и подробностями. Но для идентификации всякий раз актуальна одна сторона или характерная черта, и это, в основном, предваряется неким имплицитным указанием, ориентирующим на восприятие и понимание именно в таком фокусе. Например:

An meinem Tisch saß ein Beleuchtungstechniker des Stadttheaters, der Arien im Stil Helge Rosvaenges schmetterte. ... Der Rosvaenge-Epigone bat Anita von der Theke an unseren Tisch. Hektisch drängte Anita zum Aufbruch, Helge Rosvaenge und ich sollten mitkommen. ... Sie lenkte ihr Auto auf einen bewaldeten Hügel nahe der Stadtmitte, um den Opernsänger, dessen Arien mittlerweile schon quälend, weil grölend anzuhören waren, zu Hause abzuliefern. ... Helge Rosvaenge torkelte aus dem Wagen, dann gelang meiner, in ihrer Hektik sehr zielstrebig wirkenden Chauffeuse, den Tenor, zu umschiffen und die schmale Straße auf der anderen Seite des Hügels hinabzufahren. ‘За моим столом сидел светотехник городского театра, который горланил арии в стиле Хельге Розавенг. ... Этот подражатель пригласил Аниту от стойки за наш столик. Анита настаивала на спешном отъезде, Хельге Розавенг и я должны были ехать вместе с ней. ... Она направила свой автомобиль к поросшему лесом холму недалеко от центра города, чтобы высадить у его дома уже замучившего нас горляющего подражателя оперного певца, чьи арии уже невозможно было слушать. ... Хельге Розавенг, нетвердо держась на ногах, вылез из автомобиля. Затем моя водительница, с трудом объехав тенора, отправилась по узкой улице на другую сторону холма’ [НВ, S. 21–23].

Главным референтом, т.е. лицом описания, является светотехник городского театра *Beleuchtungstechniker*. Это сложное существительное, вводимое в самом начале, идентифицирует референт по признаку его профессиональной деятельности. Развернутое далее повествование в разных местах эксплицирует сведения о том, что это лицо «присвоило» себе определенное театральное действие – распевание оперных арий в подражание известному тенору *Rosvaenge*. Поэтому светотехник иронически обозначается далее словом *эпигон* – *Rosvaenge-Epigone*. Контекстуально-синонимический ряд включает и слова *Tenor* ‘тенор’, *Opernsänger* ‘оперный певец’, собственное имя тенора. В целом возникает разветвленная характеристика с иронической тональностью, воплощаемая рядом кореферентных (контекстуально-синонимических) имен со стилистическими нюансами негативно-оценочного отношения. Правильному восприятию образа способствуют и «поддерживающие» элементы контекста – обозначения явно негативных действий, совершаемых описываемым лицом: *schmettern* ‘оглушительно орать’, *torkeln* ‘шататься’, *quälen* ‘мучить, терзать’, *grölen* ‘горланить’ и др.

В заключение интересным представляется выяснить, какой тип мотивации кореферентных имен более распространен в художественном тексте. Результаты проведенного под этим углом зрения анализа 100 произвольно взятых из общей выборки фрагментов текста, уже упомянутых выше, наглядно отражены в табл. 2:

Т а б л и ц а 2

Количественное соотношение эксплицитно или имплицитно мотивированных кореферентных имен (контекстуальных синонимов)

Тип мотивации возникновения кореферентных имен в текстовом фрагменте	Частотность	
	абсолютная	относительная
Эксплицитная мотивация	147	0,34
Имплицитная мотивация	291	0,66
Всего	438	1,0

Как видно, анализ показал преобладание в проанализированном материале (около двух третей) имплицитно мотивированных контекстуальных синонимов. Это правомерно объяснить спецификой художественного текста, тяготеющего к созданию многомерной картины изображаемого при невозможности отразить все признаки этой многомерности эксплицитно. Но вместе с тем это, как представляется, диктуется и стремлением автора побудить читателя к более глубокому погружению в смысл текста. Меньший же удельный вес эксплицитной мотивации,

думается, может быть объяснен за счет того, что в предложениях, суммарно образующих контекст, нереально присутствие большого числа структурных элементов, прямо трансформируемых в кореферентное имя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н.Д.* Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Вып. 13: Логика и лингвистика. – С. 5–40.
2. *Стросон, П.Ф.* О референции / П.Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – Вып. 13: Логика и лингвистика. – С. 56–87.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- KB – *Kronauer, B.* Die gemusterte Nacht / B. Kronauer // Nachtstücke: Ein Lesebuch. – Frankfurt/Mein : Suhrkamp Taschenbuch Verl., 1988. – S. 36–50.
- KI – *Kieseritzky, I. von.* Transaktionen oder die Schule des Lebens / I. von Kieseritzky // Beste deutsche Erzähler 2000. – Stuttgart; München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2000. – S. 81–111.
- HP – *Härtling, P.* Der wiederholte Unfall oder die Fortsetzung eines Unglücks / P. Härtling // Kurzprosa der Gegenwart. – Stuttgart [u.a.] : Klett, 1996.
- HB – *Hüttenegger, B.* Wer ist da? / B. Hüttenegger // Nachtstücke: Ein Lesebuch. – Frankfurt/Mein : Suhrkamp Taschenbuch Verl., 1988. – S. 17–29.

The article examines the predictive potential of the context in the forming of rows of coreferent names in a fiction text. Two kinds of context have been distinguished: the context with the implicit predictive properties and the context which motivates the appearance of coreferent names explicitly with some elements of its structure (predicative, verbal predicate, adjective attribute etc.).

Поступила в редакцию 14.11.11

С.А. Могилевцев

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКИХ УСТНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

В статье анализируются грамматические характеристики британских теле- и радиотекстов информационных и информационно-аналитических жанров. Указанные особенности являются стандартизирующими, поскольку функционируют во всех устных медиатекстах, однозначно воспринимаются, облегчая восприятие звучащего текста зрите-

лем (слушателем). К вышеназванным характеристикам относятся грамматические структуры экзистенциального плана, модальные глаголы и сочетания, инфинитивные грамматические конструкции и грамматические структуры продолженного времени.

Средства массовой информации (СМИ) являются важным социальным институтом современного общества. Создаваемая и распространяемая ими информация – это не только средство воздействия на общественное сознание, но и манипулирования им. Тиражируемая СМИ информация воплощается в *медиа текстах*, которые подразделяются на печатные, аудиальные и аудиовизуальные, а их совокупность формирует *медиадискурс*.

Существует несколько подходов к определению понятия медиадискурс. Первый подход (он принят в журналистике, политологии, теории массовой коммуникации) характеризует язык СМИ как «социально и культурно маркированный процесс оперирования информацией в условиях опосредованного масс-медиа публичного диалога» [1, с. 6], включающий следующие составляющие процесса передачи сообщения: текст, отправитель, получатель сообщения, канал, обратная связь, контекст [2, с. 199]. Второй подход (лингвистика, педагогика) рассматривает медиадискурс как «срез языкового и культурного состояния общества», который отражает «языковое... и культурное статус-кво социума» [3, с. 30].

По мнению исследователей, язык СМИ в настоящее время является «языком-эталонном» [1, с. 3], поэтому интерес к нему проявляют журналисты, филологи, преподаватели иностранного языка [4; 5; 6].

Настоящая статья посвящена изучению грамматических особенностей британских звучащих медийных текстов. Знание этих свойств позволяет, во-первых, определить формальную составляющую британского телевизионного и радиийного дискурса; во-вторых, дает возможность повысить эффективность преподавания в специализированных учебных заведениях дисциплин, направленных на изучение языка зарубежных СМИ.

Проведенное исследование грамматических особенностей британских радиийных и телевизионных текстов выполнено в рамках научной программы «Коммуникативно-когнитивное моделирование текстовых жанров СМИ (на материале белорусского, русского и английского языков)», реализуемой на кафедре теории и практики английского языка переводческого факультета МГЛУ. Материалом для анализа послужили выпуски новостей британских телевизионных каналов "Sky News", "BBC World News", "BBC News", радиоканала "BBC Radio 4 LW" (продолжительность выпусков до 25 минут), а также информационные выпуски канала "EuroNews" (продолжительность выпуска до 15 минут). Анализируемые теле- и радиосообщения отбирались методом сплошной выборки. Общее количество отобранных медиасообщений различных жанров составило 300 единиц. Период времени, в течение которого осуществлялся анализ теле- и радиоматериалов, охватывает несколько этапов: 1999 – 2004 и 2008 – 2011 годы. Сообщения фиксировались на аудио- или видеопленку, в течение последних двух лет – на цифровые носители информации, затем расшифровывались (то есть транскрибировались).

Поскольку теле- и радиосообщения являются медиатекстами, следует уточнить суть этого понятия. Как отмечают исследователи, медиатекст представляет собой «модель действительности, полученную в процессе деятельности журналиста» [7, с. 7], «результат воплощения медиасобытия в языковую норму для трансляции в СМИ, корректировки готового материала в соответствии с собственными творческими установками» [8, с. 25]. В основе построения медиатекста лежит принцип отбора языковых средств в соответствии с задачами общения [8, с. 44]. Исходя из этого, звучащие в эфире теле- и радиосообщения характеризуются устойчивым набором лексических, морфологических, синтаксических и стилистических средств, вариативность которых определяется их жанровыми особенностями.

Приведенная в данной статье характеристика грамматических особенностей британских звучащих медиатекстов основывается на анализе некоторых информационных и информационно-аналитических жанров телевидения и радио (информационная заметка, видеозаметка, репортаж, комментарий).

Звучащий медиатекст, являясь разновидностью теле- и радиодискурса, реализует свою функцию информирования и воздействия через теле- и радиоречь. Как отмечает О.А. Лаптева, телевизионная речь является «коммуникативно-функциональной разновидностью устной литературной речи, ориентированной как на письменный текст, так и спонтанность», при этом «спонтанный тип телеречи стремится полностью слиться с разговорной речью» [9, с. 11–12]. Подобным же образом можно определить и радиоречь.

Е.М. Костомаровым была выдвинута и обоснована гипотеза о взаимодействии в языке СМИ двух начал – стандартизирующего и экспрессивного [10]. Данная гипотеза получила свое развитие в работах исследователей языка СМИ. Как отмечает С.И. Сметанина, «стандарт – это немаркированные языковые единицы», существующие в готовой форме, легко переносимые из текста в текст, и однозначно воспринимаемые [8, с. 38].

В соответствии с гипотезой Е.М. Костомарова рассматриваемые в настоящей статье грамматические свойства британских звучащих медиатекстов будут проанализированы нами с точки зрения их соответствия языковой норме (стандарту).

В достаточно обширной группе стандартизирующих особенностей англоязычных звучащих медиатекстов можно выделить четыре подгруппы более или менее однотипных грамматических структур и единиц:

- грамматические структуры *экзистенциального плана*;
- *модальные глаголы и сочетания*;
- *инфинитивные конструкции*;
- грамматические структуры и единицы *продолженного времени*.

Приведенная выше классификация достаточно условна и не претендует на полный охват анализируемого явления. Рассмотрим подробнее каждую группу.

К группе грамматических характеристик экзистенциального плана можно отнести сочетания и глаголы, с помощью которых зритель (слушатель) вводится в ситуацию, о которой отправитель сообщения (телеканал, студия новостей) намеревается сообщить получателю сообщения.

1. Структура с вводящим *It/ This: It is alleged/ believed/ estimated/ known/ said/ thought/ reported/ revealed/ understood*, включая употребление местоимения *it (this)* в качестве формального подлежащего:

It is understood the 45-year old suffered severe abdominal pains after a party at his house (Sky News, 02.03.2011, инф. видеозаметка);

This is a strange time for the Liberal Democrats and indeed, for British politics in general (BBC Radio 4 LW, 17.10.2010, репортаж).

2. Конструкция *There is/ There are*:

There's only one paper you won't find anyone reading at the Labour Party conference (Sky News, 29.09.2009, репортаж).

3. Глаголы *to see* и *to witness*, употребляемые в активном залоге с неодушевленным подлежащим для сообщения определенного события либо факта:

Throughout Europe almost 13 cities witnessed spontaneous protests (BBC World News, 10.03.1999, репортаж);

After weeks of stalemate the weekend has seen major gains for the rebels (Sky News, 15.08.2011, репортаж).

Модальные глаголы и глагольные сочетания выражают отношение говорящего к событию, а также степень вероятности осуществления события либо факта. Указанная группа подразделяется на две подгруппы:

а) модальные грамматические средства, выражающие событие либо действие, возможность осуществления которого достаточно велика;

б) модальные грамматические средства, выражающие большую или меньшую вероятность реализации события с точки зрения говорящего.

Первая подгруппа объединяет ряд модальных единиц, выражающих прогнозируемое действие либо событие: *to be (about) to do something/ to appear to do something/ to look set to do something/ to be set to do something/ to be bound to do something/ to be due to do something / to seem to do something / to be likely to do something*:

Some people like Simon Tomlinson are about to have a long stretch off work. And all because of a few cleverly booked days off (Sky News, 15.04.2011, репортаж);

The government looks set to carry on raising prices (Sky News, 26.04.2000, репортаж).

Вторая подгруппа грамматических средств достаточно многочисленна и включает модальные глаголы и сочетания. Они приведены ниже в виде шкалы, отражающей, на наш взгляд, возрастание степени вероятности совершения события с точки зрения говорящего: *could – will – to be to do something – to be due to do something*.

Проиллюстрируем использование рассмотренных модальных средств на примере развития ситуации относительно Э. Колсона, бывшего редактора

британского таблоида «News of the World», и его коллеги Р. Брукс. Фрагменты телесообщений цитируются в хронологическом порядке и отражают степень уверенности говорящего по поводу возможного ареста Э. Колсона и Р. Брукс, для чего используется соответствующий модальный глагол или глагольная конструкция:

1. *The Guardian paper is tonight reporting the former editor Andy Colson **could be arrested** tomorrow* (Sky News, 07.07.2011, заголовок в утреннем выпуске новостей);

2. *But tonight there are reports the former News of the World editor Andy Colson **will be arrested** tomorrow under suspicion of knowing about or directing phone hacking while working at the paper* (Sky News, 07.07.2011, репортаж в вечернем выпуске новостей);

3. *And now the senior source within the News International says **she'll be questioned** by police in the coming days* (Sky News, 08.07.2011, комментарий в утреннем выпуске новостей);

4. *There are reports today that Andy Colson, the former editor of the News of the World and David Cameron's former spokesman **is to be arrested** by police as part of investigation into phone hacking* (Sky News, 08.07.2011, комментарий в утреннем выпуске новостей);

5. *Executives from the News International **are due to meet** police officers this morning to discuss allegations that the News of the World hacked into the mobile phone of the murdered teenager Milly Dowler* (BBC News, 08.07.2011, инф. видеозаметка).

Отметим также, что в телевизионных текстах глагол *could* является одним из наиболее распространенных средств выражения действия, реализация которого проблематична или отдалена:

*As many as half a million faulty fridge freezers **could pose** a serious fire risk to home across the UK, according to the London Fire Brigade* (BBC Radio 4 LW, 05.02.2011, инф. заметка).

Группа инфинитивных конструкций англоязычного теле- и радиодискурса составляет ряд грамматических структур, типичных как для письменной, так и звучащей литературной речи.

1. Субъектная инфинитивная конструкция, известная как сложное подлежащее:

***The vote is expected to pick up** a bit* (BBC News, 05.05.1999, репортаж).

2. Объектная инфинитивная конструкция или сложное дополнение:

*Colin Miller ordered a **final copy of the paper be delivered** to him personally before he gave a go-ahead for the printing presses to run* (Sky News, 15.07.2011, репортаж).

3. Каузативная конструкция *to have something done*, которая является разновидностью объектной инфинитивной конструкции:

*The last Queen of Scots **had her head chopped off*** (BBC News, 30.07.2002, репортаж).

4. Абсолютная номинативная предложная конструкция:

With the temperatures firmly below zero, and the snow coming down yet

again, most of the villagers here in Four Elms are doing what sensible people would do under these conditions – they are staying in and staying warm (Sky News, 15.12.2010, репортаж).

5. Инфинитив в функции дополнения, определения и обстоятельства цели:

*In Brussels NATO Secretary General J.Solana is looking at where it will be safe for troops **to enter** the region* (EuroNews, 22.02.1999, репортаж);

*It was obvious that she wasn't in the right state **to appear and perform** on stage* (BBC News, 17.07.2011, репортаж);

*The government is to rush through legislation **to clarify** the powers of police England and Wales when they free suspects on bail* (BBC Radio 4 LW, 25.03.2011, инф. заметка).

Особенностью британских устных медиатекстов является широкое использование в них продолженных времен как для обозначения действия, происходящего в настоящий момент, так и планируемого события. Продолженные времена являются своего рода визитной карточкой устного медиатекста, поскольку они создают эффект присутствия, включенности зрителя (слушателя) в освещаемое студией новостей событие. Именно поэтому продолженные времена составляют четвертую группу стандартизирующих грамматических особенностей британской медиаречи.

Одна из наиболее частотных глагольных форм, употребляемых в продолженном времени, включает сочетания с глаголом *to be*, выступающим как в качестве вспомогательного глагола в страдательном залоге (*is/ was being done*), так и в роли составной части причастия:

*And passengers say they **are already being charged** over the odds* (Sky News, 19.02.2001, репортаж);

*Opponents of the Welsh Assembly **being given** more law-making powers have begun their campaign for 'No Vote' in the referendum on the issue **being held** in March* (BBC Radio 4, 22.01.2011, репортаж).

Стремление журналистов придать оттенок «включенности в событие» настолько распространено в медиатекстах, что продолженные времена преобладают в теле- и радиосообщениях. Как показывает анализ звучащих британских медиатекстов, достаточно частотными являются две грамматические формы – будущего продолженного времени и продолженного совершенного времени:

*When we return **we'll be bringing** you the very latest on the situation in South Omagh where they fear the worst on the foot and mouth* (Sky News, 20.01.2001);

*The US Secretary of State Hillary Clinton has said today that NATO **will not be stopping** its campaign any time soon* (26.06.2011, репортаж);

*In Scotland's Holyrood Parliament **they've been swearing** in its MSPs* (Sky News, 15.05.2011, репортаж).

Поскольку язык СМИ формирует языковые привычки социума, продолженные времена широко употребляются в повседневной неподготовленной речи британцев, что подтверждают следующие фрагменты интервью:

– *Then we'll be starting to collect physical evidence from the scene* (Sky News, 15.05.2011, интервью в составе репортажа);

– *We are hoping that we can yield enough potatoes to cover the cost of the rent of the plot which is 35 pounds a year. So if we can get that out of the 1st year, that'll be good* (Sky News, 20.02.2009, интервью в составе репортажа).

Среди других типичных для британских устных медиатекстов глагольных форм и сочетаний, с которыми журналисты достаточно часто используют продолженное время, можно отметить *сложное подлежащее* и модальный глагол *to have to*:

London is being found to release the lowest rush hour carbon emissions of any region in the UK (BBC Radio 4 LW, 12.05.2011);

He is having to kill all his cattle (BBC News, 22.01.2000, репортаж);

– *We are having to go through processes that just take an incredible amount of time largely because the applicants that we've seen or the applications we are getting are poor in their presentation and their information* (Sky News, 24.04. 2011, интервью в составе репортажа).

Исследование грамматических особенностей телевизионной речи показывает, что закон экономии языковых средств в устных медийных текстах действует и на уровне грамматических структур. Так, для британской звучащей медиаречи характерно

- употребление инфинитива без частицы *to* после глагола *to help* и его производных:

In his hay day he was a national hero, helping Manchester United become the first England club to win the European Cup in 1968 (Sky News, 25.11.2005, репортаж);

- использование притяжательного падежа с названиями стран, городов, районов, учреждений, дней недели, времени суток, времени года, включая случаи так называемого вклинивания:

Australia's PM is being urged to raise the minimum price of alcohol to help tackle addiction amongst the country's aboriginal population (Sky News, 26.06.2011, репортаж);

– *Good morning! Another fine, warm summer's day today* (BBC News, 04.08.2011, диктор в студии новостей);

That's going to be a so-called crime plan unveiled by Jack Straw in a week or so's time (Sky News, 04.08.2002, репортаж);

- пропуск вспомогательного глагола *should* в сослагательном наклонении после глаголов, выражающих долженствование, просьбу, приказание, распоряжение:

NATO demanded that the withdrawal begin in 24 hours (EuroNews, 20.02.1999, репортаж).

Изложенные в настоящей статье результаты наших наблюдений за теле- и радиодискурсом позволяют утверждать следующее.

Устные медиатексты, являясь отражением литературной устной и письменной речи, содержат грамматические структуры и единицы, типичные для литературного языка грамматические особенности. Они включают

значительную группу грамматических единиц и конструкций, призванных стандартизировать звучащие медиатексты и облегчить восприятие реципиентом содержащейся в них информации. Вышеназванные средства приближают медиатексты к стандарту, то есть к литературной норме. Данная группа единиц достаточно обширна, а входящие в нее единицы и структуры характеризуются высокой степенью повторяемости в письменном и устном теле- и радиодискурсе.

В целом насыщенность устного британского медиатекста стандартизирующими грамматическими структурами и единицами определяется его жанровыми и содержательными особенностями. Чем менее продолжительно сообщение, чем большая степень неопределенности сообщаемой им информации, тем большим набором формальных грамматических средств оно характеризуется:

- информационная заметка и видеозаметка содержат формальные вводящие как экзистенциальные, так и модальные конструкции;

- теле- и радиорепортажи, как правило, включают модальные конструкции и инфинитивные комплексы, характерные для литературных текстов. Однако радиорепортаж отличается большей степенью формализованности и более узким спектром используемых экспрессивных грамматических структур;

- интервью, обзор прессы, беседа имеют минимальную степень формализованности и, соответственно, в них обнаруживается небольшое количество грамматических структур, характерных для литературной речи.

В отличие от лексических характеристик устных медиатекстов, являющихся переменной величиной, их грамматические свойства следует рассматривать как постоянную составляющую, что в значительной степени облегчает работу с устным медиатекстом в учебной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гречихин, М.В.* Современный русский медиадискурс : язык интолерантности: дис. ... канд. филол. наук (русский язык): 10.02.01 / М.В Гречихин ; БелГУ. – Белгород, 2008. – 159 с.
2. *Добросклонская, Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) / Т.Г. Добросклонская. – М. : Флинта;Наука, 2008. – 264 с.
3. *Иванова, С.В.* Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С.В. Иванова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 1 (24).– С. 29–33.
4. *Холодинская, И.И.* Использование программ спутникового телевидения в обучении иноязычному профессионально ориентированному общению в неязыковых вузах / И.И. Холодинская // Теория и практика обучения иноязычному профессионально ориентированному общению в неязыковых вузах: материалы межвуз. науч.-практ. конф., Минск, 11 мая 2007 г. : в 2 ч. / отв.ред. Е.Н. Бондаренко. – Минск : МИТСО, 2007. – Ч. 2. – С. 59–61.

5. *Добросклонская, Т.Г.* Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах / Т.Г. Добросклонская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №2. – С.85–94.
6. *Могилевцев, С.А.* Формирование социокультурной компетенции на основе англоязычных информационных материалов спутникового телевидения (неязыковой вуз): дис.... канд. пед. наук: 13.00.02 / С.А. Могилевцев ; МГЛУ. – Минск, 2002. – 160 л.
7. *Кирия, К.Д.* Новостной телевизионный текст: структура, стратегия, экспрессивность: дис. ... канд. филол. наук (журналистика): 10.01.10 / К.Д. Кирия; МГУ. – М., 2007. – 327 с.
8. *Сметанина, С.И.* Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и журналистике конца XX века) / С.И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова, 2002. – 383 с.
9. *Лаптева, О.А.* Живая русская речь с телеэкрана / О.А. Лаптева. – М. : URSS, 1999. – 520 с.
10. *Костомаров, Е.М.* Русский язык на газетной полосе / Е.М. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1971. – 267 с.

The paper deals with grammatical features of news and analysis media-texts broadcast by the British television and radio channels. These features are considered to be standardizing as they function in all British TV and radio texts, and are perceived as having one meaning. All this facilitates the perception of the media text be a TV viewer or radio listener. The grammatical features list four groups of grammatical structures: existential, modal, infinitive and continuous.

Поступила в редакцию 23.09. 11

Л.Н. Неборская

СТАТУС И РОЛЬ КОММУНИКАНТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РЕЧЕВОГО РИТУАЛА

Статья посвящена определению специфики реализации *статусно-ролевых* отношений в речевой коммуникации на материале художественно-литературного диалога. Статусно-ролевые отношения формируют социально-коммуникативное поведение участников общения, что воплощается в речи с помощью стереотипных или типизированных схем, создающих *ритуализованность* социальной и коммуникативной деятельности. В результате анализа диалогических фрагментов немецкой народной книги о Тиле Уленшпигеле были определены его главные социальные и ситуативные роли, характеризующие его как персонажа средневекового карнавального типа, а также установлены статусные характеристики социально-коммуникативной ситуационной рамки.

Реальность нашей жизни содержит схемы, образцы, шаблоны, на языке которых возможно общение и понимание людей. Эти повторяющиеся образцы взаимодействий представлены в виде ритуалов как типизированных форм социальной жизни. Владение ритуальными схемами поведения составляет важную часть компетентного социального поведения, под которым в наиболее общем виде понимается естественный сегмент социальной жизни, характеризующийся вовлеченными в него людьми, местом, временем действия, социально-психологическим климатом, нормами и ценностями.

Социальная ситуация определяет коммуникативное поведение индивида, возможное на основе языковой компетенции, а также способности распознавания ситуации, в которой происходит общение. Можно предположить, что социальное и коммуникативное поведение реализуются в так называемой социально-коммуникативной ситуационной рамке, содержащей такой семантический компонент, как 'ритуализованность социальной и коммуникативной деятельности'.

Изучая феномен *ритуализованности* в общении, следует учитывать *статусные позиции* и *социальные роли*, влияющие на коммуникативную ситуацию. Здесь мы придерживаемся того понимания статуса, которое описывает относительное положение человека в социальной иерархии, отражая отношения социальной и ситуативной дистанции. В понятии социального статуса выделяется такой компонент, как ролевые отношения. Роль задана социальным статусом, позицией в обществе и отражает типичный, устойчивый шаблон, ожидаемую модель или образец поведения человека в определенной ситуации и именно поэтому можно говорить о ритуализованности ролевого поведения, его подчинении ожиданиям и нормам. Таким образом, *с т а т у с* обозначает то, какое положение человек занимает в обществе, а *п о л ь* относится к поведению, ожидаемому от людей, обладающих каким-либо статусом.

В рамках социальной теории Дж.Г. Мида различаются «принятие роли» (“role – taking”) и «построение роли» (“role – making”) [1, с. 116]. Люди, вырабатывая свое собственное ролевое поведение, принимают чужие роли в социальном и коммуникативном взаимодействии. А при «построении роли» во взаимодействии строится и модифицируется ожидаемое поведение. Построение роли ведет к выработке постоянных образцов поведения, но в то же время роль может основываться, как уже отмечалось, на ожиданиях и предписаниях в отношении поведения.

Э. Раух, в зависимости от типа и характера коммуникативной ситуации, различает следующие роли: культурные (предписанный той или иной культурой определенный способ поведения); институциональные (привязаны к определенному социальному институту или учреждению); внутрисемейные (отец/мать, брат/сестра и т.д.); роли, отражающие отношения между партнерами по общению (друг, любовник, противник и т.д.); личностные (доминантность, уверенность и т.д.); гендерные (типично мужская и типично женская модель поведения); социальные статусные роли

(власть, влияние, уважение, привилегии); ситуативные (гость, хозяин, продавец, покупатель и т.д.), коммуникативные (говорящий – слушающий, спрашивающий – спрашиваемый и т.д.) [2, с. 48–50]. Всем вышеперечисленным видам ролей, как уже отмечалось, свойственен признак р и т у а л и з о в а н н о с т и , так как в основе каждой роли лежит определенный стандарт поведения, соответствующий конвенциям и нормам общества.

Признак ритуализованности характеризует и те *социальные роли*, которые исполняет главный персонаж немецкой народной книги о Тиля Уленшпигеле, а именно роли *плута, мошенника и насмешника*. Эти роли конституируют так называемый карнавальский тип поведения средневекового шута. На протяжении всех 96 историй Уленшпигель последовательно придерживается именно этой модели поведения, что и отличает его от других персонажей и формирует ритуализованный характер его социально-коммуникативного поведения.

1. Ритуализованная роль *плута* реализуется в обозначении Тиля Уленшпигеля *плутом* в реплике его партнера по коммуникации непосредственно к нему обращенной, в авторской характеристике или в высказывании самого Тиля Уленшпигеля о себе.

Основной лексической единицей наименования главного героя *плутом* является имя существительное *der Schalck* ‘слуга, подданный’, а также производные от этого существительного части речи или содержащие его в своей структуре фразеологизмы. Существительное *der Schalck* употребляется в тексте с прилагательными в атрибутивной функции. Например, прилагательные *leckerisch* ‘шутовской’, *verlassen* ‘грубый, неприличный’, *böß* ‘злой, подлый’ и *verheit* или *verhien* ‘подлый, бесчестный’, *vorteiliger* ‘обманщик’: 1. *Herr, wann Ihr den leckerschen Schalck wölt länger behalten für ein Knecht, so wolt sie von ihm lauffen.* 2. *Du verlaßner Schalck, ...* 3. *Ich hieß dich, das du ein böß verheit Schalck bist, ...* 4. *O wie ein vorteiliger Schalck bist du*¹.

Частотное использование прилагательных схожей семантики способствует, на наш взгляд, формированию и закреплению второго значения данного существительного, а именно ‘коварный, злой, невоспитанный человек’. Именно в ранненововерхненемецкий период первоначальное значение данного существительного сужается и актуальным становится новое значение. При этом имплицитно подчеркивается статусная позиция «нижестоящий» в иерархии социальных отношений.

Усилению образа *плута* служат также все случаи использования производных от существительного *der Schalck* частей речи. Например, сложное существительное *der Schalckßnarr*: *Das ist ein Schalckßnarr noch, dann so hat er war gesagt.* Композитум состоит из двух существительных схожей пейоративной семантики: *der Schalck* ‘плут’ и *der Narr* ‘дурак’.

¹ Здесь и далее цит. по: Ein kurtzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel (nach dem Druck von 1515) / Hg. von W. Lindow. – Stuttgart : Reclam Univ.-Bibliothek, 1981. – 214 S.

К косвенному способу описания роли плута относится, например, история 24, где в форме авторского комментария, данного сразу после названия истории, рассказывается о том, как Уленшпигель посмеялся над шутком короля Польши: *Ulen Spiegel des Königs von Poln Schalcknarren mitt grober Schalckheit uberwand*. Здесь и в некоторых других историях плутовская природа героя, его шутовской талант подчеркиваются существительным *die Schalckheit* ‘низость, подлость’: 1. *Ulen Spiegel was künstlich in der Schalckheit*. ... *da kunt er von Natur nit lassen, er müsst da auch ein Schalckheit thun*. 2. *Mit durchtribner Schalckheit was Ulen Spiegel geweiht*.

Намеренность плутовского поведения доказывает то, что Уленшпигель в некоторых ситуациях сознательно принимает решение совершить проделку: *Gat die Magt auch hinweg, so hast du einer Schalckheit Macht. Was wilt du nun diesem Bruwer für ein Schalckheit thun?*

Имя существительное *die Schalckheit* употребляется, как правило, в сочетании с глаголами *thun, volbringen, versuchen, pflanzen, ußrichten*. Например: 1. *Vil Schalckheit het Ulen Spiegel den Schuchmachern gethon, nit allein an einem Ort, sunder an vil Enden. Als er nun diese Schalckheit het ußgericht, kam er gen Staden*. 2. *Da er nun die Schalckheit volbracht het*. 3. *Als er dann alle Schalckheit versucht het, ... Also zoch er geen Rom. Da pflanzt er sein Schalckheit auch ...* 4. *Schimpfliche Schalckheit thet Ulen Spiegel einem Roßdüscher bei dem See zu Wißmar*.

Плутовство героя доходит до того, что он начинает сеять себе подобных плутов: *Da kamen die frembden Leüt darzu und fragten ihn, waz er säget. Ulen Spiegel saggt: „Ich säg Schülck“*.

Роль плута описывается и при помощи других частей речи, производных от *der Schalck*. Например, глагол *sich verschalcken* ‘одурачиться, стать плутом’: *Aber sie wüßt nit die Mär, daz er sich also verschalckt hät*. Или прилагательных *schalckhafftig* и *schalckecht* ‘подлый, коварный’: 1. *Ihr wöllen des schalckhafftigen Knechts nit müssig gon, bis das er Euch in alle Schand bring*. 2. *Nun, ich bezal dich wider, wie schalckecht du bist!*

Интересным представляется также случай употребления фразеологического оборота *sich mit Schalckßnägeln krawen* ‘быть с головы до ног плутом’: *Da sprach der Graff: „Du krawest dich mit Schalckßnägeln“*.

В тексте зафиксированы и другие существительные, описывающие плутовское поведение главного героя, например, *die Narrei, die Büberei, die Boßheit, das Gükelspiel*: 1. *Waz soll ich nun mit der Narrei thun?* 2. ... *er daz Land zu Sachsen fast umb und umb gwandert hat und fast wol bekant waz, daz er sich mit seiner Büberei nit wol ußbringen mocht*. 3. *In allen Landen het sich Ulen Spiegel mit seiner Boßheit bekant gemacht*. 4. ... *waz doch guter Ding von der Jugent uff gwesen und Gelts gnug überkumen mit allerlei Gükelspil*.

2. Роль о б м а н щ и к а реализуется при помощи глагола *j-n betrügen* ‘кого-либо обманывать’ либо производного от него существительного *der Betrug*: *Da fand er niman, sunder er sahe, daz er betrogen waz*. 2. *Gottes Diener, wir seind von dem Gecken betrogen, es ist anders nüt dann Leutztreck*. 3. *Da merket der Spitalmeister, das es Ulen Spiegels Betrug was*.

3. Социальная роль *насмешника* реализуется при помощи глагола *j-n verspotten* ‘кого-либо высмеивать’: 1. ... *und lief zum Pfaffen und sprach zu ihm, wie daz sein hübscher Knecht sie also verspot hät mit ihre ein Auge.* 2. *Da sie daz hört, daz sie verspottet ward mit ihrem einen Aug, da ward sie giftig auff Ullenspiegel.*

Построение Уленшпигелем социальных ролей плута, обманщика и насмешника (“role – making”) происходит параллельно с принятием других, часто меняющихся *ситуативных ролей* (“role – taking”).

В корпусе социально-коммуникативных ситуационных рамок нашего анализа мы выделяем два способа называния ситуативной роли – *прямой* и *косвенный*.

1. *Прямой* способ называния ситуативной роли реализуется в предикативном использовании наименования лиц по профессии. Уленшпигель может играть в конкретных ситуациях, описанных в разных историях, следующие ситуативные роли: 1) роль прислуги на кухне (*Dem Ulenspiegel mitt verdeckter Schalckheit und klüglichen antwurt, er wär ein Kuchenknab und hät keinen Dienst*); 2) роль слуги булочника (*Der rüfft ihm in sein Huß und fragt ihn; was er für ein Geselle wär. Er sprach: „Ich bin ein Bäckerknecht“*); 3) роль мастера-оптика (*Gnädiger, ich bin ein Brillenmacher und kum uß Brabant*); 4) роль парикмахера (*Ulenspiegel sagt: „Ich bin ein Barbierer, mit kurzem gesagt“*).

2. *Косвенный* способ описания ситуативных ролей передается через авторский комментарий. Например, роль *доктора*: *Also was er bald bedacht ... und verkleid sich und gab sich uß für ein Arzt.*

То, что это случайная, ситуативная роль, подчеркивается глаголами *sich verkleiden* ‘переодеваться’ и *sich für j-n ußgeben* ‘выдавать себя за кого-либо’. Ритуал переодевания акцентирует здесь карнавальный характер поведения Уленшпигеля. Роль доктора реализуется через наименование лица по профессии. В ситуации насмешки над придворным доктором проводится четкое противопоставление придворного доктора (как вышестоящего в социальной иерархии) Уленшпигелю (как нижестоящему по статусу). Это передается наименованием придворного доктора существительным иностранного происхождения *Doctor*, а Уленшпигеля – существительным немецкого происхождения *Arzt*: *Und kamen mit einander zu Worten und sprach der Doctor zum Arzt, kunt er ihm helfen von der Krankheit.*

Уленшпигель выдает себя вновь за врача в Нюрнберге. В этом случае описание роли доктора представлено расширением номинации: *Uf ein Zeit kam Ulenspiegel gen Nürnberg und schlug groß Brieff an die Kirchtüren und an das Rathuß und gab sich uß für ein guten Artzet zu aller Krankheit.*

Ситуативная роль *слуги*, включающая в себя характеристики социальной статусной роли, подчеркивает такое положение героя в иерархии социальных отношений, как «нижестоящий по статусу»: *Bald hub sich Ulenspiegel uß dem Land zu Hessen geen Dreßen für den Böhmerwald an der*

Elbe und gab sich uß für einen Schreinerknecht. Глагол *sich für j-n ußgeben* ‘выдавать себя за кого-либо’ и существительное *Schreinerknecht* ‘слуга плотника’ имплицитно подчеркивают искусственность создаваемой героеплутот ситуации и его «надевания роли на себя». Описание той или иной ситуативной роли слуги может осуществляться при помощи глаголов *sich verdingen* ‘наниматься к кому-либо на работу’ или *j-m dienen* ‘быть у кого-либо на службе’: 1. *Uff ein Zeit, ... kam er wider geen Einbeck und verdingt sich zu einem Bierprüer.* 2. *Da verdingt er sich zu einem Schumacher*“. 3. *Ulen Spiegel dient einem Schuhmacher.*

Аналогичным образом Уленшпигель выдает себя за ткача или за торговца антиквариатом: 1. *...da gedacht er, waz er treiben solt, daz er gut überkäm mit Müssiggon, und nahm ihm für ein Statzinierer ußzuthun und mit dem Heiltumb im Land umherzureiten.* 2. *Als Ulen Spiegel gen Stendel kam, da thet er sich für ein Wullenweber uß.*

Данные ситуативные роли реализуются при помощи имени существительного – наименования лица по профессии и глагола *sich für j-n thun/ußthun* ‘выдавать себя за кого-либо’.

Помимо социальных и ситуативных ролей Уленшпигель исполняет также постоянную внутрисемейную роль – роль сына: 1. *Do kam der Vatter zu dem Sun und sprach zu ihm: „Wie get doch das imer zu, das unser Nachburen sprechen, du seist ein Schalk?“ Ulen Spiegel sprach: „Lieber Vatter, ich thu doch nemen nüt, das wil ich dich offenbar beweisen*“. 2. *„Mein lieber Sun, wa bist du krank?“ Ulen Spiegel sprach: „Liebe Mutter, hie zwüschenden Kisten und der Wand*“.

Социально значимые позиции партнеров по коммуникации отражает также употребление той или иной формы *обращения*, при помощи которого реализуются, в основном, иерархические отношения «нижестоящий – вышестоящий», если рассматривать ситуацию общения с позиции главного героя.

Обращения как узуально закрепленные стереотипные высказывания входят в систему социальных установлений, поэтому их употребление связано с проявлением принятого в обществе ритуального и вежливого обхождения друг с другом. В нашем материале обращение рассматривается с точки зрения установления статусно-ролевых отношений и отношений вежливость/невежливость между говорящими и с учетом следующих функций обращения в диалогическом общении: функция привлечения внимания и установления контакта, социально-ориентирующая (или регулятивная) функция, эмоционально-оценочная функция и функция вежливости.

Среди зафиксированных текстовых фрагментов с компонентом ‘обращения к адресату речи’ мы выделяем *свободные обращения* (95 текстовых фрагментов) и *несвободные обращения* (118 текстовых фрагментов).

Свободное обращение располагается в реплике в начальной позиции. При этом его главной функцией является функция привлечения внимания и установления контакта, которая, однако, может реализовываться

в сочетании с такими дополнительными функциями, как эмоционально-оценочная, социально-ориентирующая и функция вежливости: *Der Künig ließ Ulenspiegel holen und saget da zu ihm: „Ulenspiegel, was deuren Huffschlags machst du...“* В нашем материале имя собственное как форма обращения зафиксировано только в двух примерах. Такая форма обращения не только помогает установить контакт, но и передает статусное неравенство между общающимися – обращение стоящего выше к стоящему ниже в социальной иерархии. Это обращение характерно в тексте в тех случаях, когда к Уленшпигелю обращаются как к слуге. С точки зрения эмоционально-оценочной функции данное обращение является нейтральным.

Несвободное обращение располагается в интер- или постпозиции. В связи с этим оно не может в полной мере выполнять контактоустанавливающую функцию. На первый план здесь выдвигается эмоционально-оценочная и регулятивная функции: 1. *Da sprach Ulenspiegel zum Docter: „Wie nun, **wirdiger Docter**, Euwer Schweiß het lang ubel gestunken ...“* 2. *Als nun Ulenspiegel gegen ihnen kam, da sprach er: „**Waher, Ihr Blinden?**“* В первом случае подчеркивается статус и роль адресата. Во втором случае Уленшпигель, обращаясь к своим собеседникам *Вы, слепые*, подчеркивает их физический недостаток и выражает этим свое неуважительное отношение к ним.

Кроме этого, рассматривая обращения с точки зрения структуры, можно выделить нераспространенные и распространенные обращения.

Нераспространенное обращение, располагающееся в начальной позиции, выполняет контактоустанавливающую и социально-регулятивную функции «нижестоящий по статусу слуга»: *...da sagt der Meister: „**Knecht**, wilt du neigen, so nei wol und näg, das man es nit sicht“*.

У распространенного обращения помимо контактоустанавливающей и регулятивной функций, на базе эмоционально-оценочной функции выражения положительного отношения к адресату речи, реализуется функция вежливости: 1. *Der Wullenweber sagt: „**Lieber Knecht**, daz meint ich nit also,...“* 2. *Mein lieber Knecht*,... Вежливое отношение к адресату определяет здесь прилагательное с положительной семантикой *lieber* или прилагательное в сочетании с притяжательным местоимением *mein*. В других ситуациях, прежде всего, когда адресатом является Уленшпигель, отношение к нему адресанта в большинстве случаев негативное, и передается это при помощи как свободного, так и несвободного обращения. Также следует сказать, что такое обращение входит в реплику-реакцию партнера на проделку Уленшпигеля: 1. ***Du feiger Schalck**, das sol dein Unglück sein.* 2. *Und gang mir droben uß dem Huß, **du verzweiffelter Schalck**.*

Обращение, выраженное местоимением 2-го лица ед. числа и лексики с отрицательной семантикой *der Schalck*, *verzweiffelter* и *feiger*, передает отрицательные эмоции мастера после проделки главного героя и подчеркивает неуважение говорящим своего партнера по коммуникации. Аналогичное неуважительное обращение к Уленшпигелю демонстрирует

отрицательное к нему отношение в повторяющемся употреблении вариантов обращений к нему как к плуту в типизированных ситуациях речевого общения (например, когда партнер Уленшпигеля по коммуникации возмущенно реагирует на проделку плута). В коммуникативном плане это формирует его специфическое ритуализованное поведение.

Герой Уленшпигеля часто контактирует с лицами, которые стоят выше него в социальной иерархии. Несмотря на то, что Уленшпигель постоянно высмеивает или обманывает своих партнеров по коммуникации, он тем не менее формально, с точки зрения распределения социальных позиций, соблюдает правила вежливого поведения. Другими словами, наблюдается расхождение плана содержания (неуважительное, насмешливое отношение к партнеру по коммуникации) и плана выражения (формальное соблюдение вежливости). Так, например, на протяжении всей истории 27 Уленшпигель обращается к графу *Gnädiger Her*. Отношения социального неравенства формально сохраняются. Однако эту социальную иерархию нарушает плутовское поведение героя, когда он выставляет графа на посмешище перед всем двором (распространенный сюжет о «голом короле»).

Позиция вышестоящих по статусу лиц реализуется в тексте как через свободные, так и несвободные обращения. При этом по структуре они могут быть нераспространенными и распространенными: 1. *Ulenspiegel sprach: „Nein, Herr, wir wollen messen, ...“* 2. *Ulenspiegel, der sprach: „Gnädiger König, Ihr sagten, ...“* Уважительное отношение Уленшпигеля к своему собеседнику подтверждается в последнем примере вежливой формой личного местоимения *Ihr* и прилагательным *gnädig*. В тексте возможно также использование прилагательных *wirdig, lieber, allerheilig, allernädig*. Два последних прилагательных употребляются только в форме превосходной степени и только по отношению к Папе Римскому: 1. *Allerheiligster Vater, ich bin ein armer Mann ...* 2. *Allernädigster Vatter. Du Knecht aller Knechten, denselben Glouben gloub ich auch ...*

Статусные отношения передают существительные, обозначающие социальные позиции в общественной стратификации: *König, Her, Pfarrer*. Обращение *der Vater* в сочетании с прилагательными *allerheiliger* ‘всесвятейший’ и *allernädiger* ‘всемилоостивый’ фиксируется в тексте как типизированное обращение к церковным служителям высокого ранга.

При установлении неравных статусных отношений («вышестоящий – нижестоящий») большое значение имеет также стратификационный фактор профессиональной принадлежности. В тексте он реализуется только в случаях, когда Уленшпигель обращается к мастеру-ремесленнику, к тому, у кого он служит, либо к хозяину харчевни: 1. *Meister, ich hon die vier Dischbretter uff das gnawest zusammen in den Leim bracht ...* 2. *Lieber Meister, erzürnet euch nit...*

При этом наблюдается такая особенность, что при обращении к мастеру в качестве определения, которое выражает степень уважительного отношения Уленшпигеля к адресату, герой либо использует прилагательное

lieber, либо вообще не использует качественных прилагательных. К другим вышестоящим по статусу лицам Уленшпигель выказывает большую степень пиетета, что отражается в расширенной структуре обращения: 1. **Wirdiger Herr Rector, heißen die anderen Wasser still ston, ...** 2. **O gnädigster Herr und Fürst, Ihr hofft, Ihr wellent, ...**

Равный социальный статус реализуется в ситуациях, когда Уленшпигель исполняет какую-либо ситуативную роль, например, роль художника и к нему обращаются как к равному вышестоящие по статусу лица: *Der Landgraf sprach: „Ach, lieber Meister, uns verlanget gar ser, zu sehen ...“*

Интерпретация текстовых фрагментов позволяет прийти к следующим выводам. 1. Социальный аспект речевого ритуала составляют статусные и ролевые позиции в диалогическом общении, которые с помощью ритуальных или типизированных схем выстраивают иерархию отношений между коммуникантами, а смена статуса и роли существенно изменяет структуру социальной ситуации и влияет на выбор коммуникативных средств. 2. Ритуализованная социальная роль Уленшпигеля – это роль плута, шута и мошенника. Данный тип социальной роли является типичным для жанра средневековых шванков. Его также можно обозначить как карнавальный тип поведения средневекового шута. 3. Обращение как коммуникативный шаблон также призвано отражать статусно-ролевые отношения коммуникантов. В нашем материале наиболее частотными являются обращения к одному лицу, а именно к Уленшпигелю. К нему могут обращаться и как к вышестоящему, и как к равному, и как к нижестоящему в иерархии социальных отношений. Здесь отражается специфика поведения главного героя, который постоянно меняет свою роль и, соответственно, статусную позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mead, G.H. Mind, Self and Society / G.H. Mead. – Chicago : Chicago UP, 1934 – 440 P.
2. Rauch, E. Sprachrituale in institutionellen und institutionalisierten Text- und Gesprächssorten / E. Rauch. – Frankfurt/Main; Berlin; N.Y., Paris, 1992. – 389 S.

The article deals with realization of status function relations in speech communication on the base of fiction dialogue that generate ritualized social-communicative behavior of communication participants. These relations are conveyed by such a unit as address.

Поступила в редакцию 18.10.11

И.И. Панова

ПРОСОДИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ВЕЖЛИВОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛИЙСКОМ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОМ И НЕПРИНУЖДЕННОМ ДИАЛОГЕ

В статье представлено описание установленных экспериментальным путем наиболее рекуррентных поликомпонентных просодических структур речевых актов вежливой оценочной реакции собеседника в английском диалоге. Установлены просодически контрастирующие типы структурирования позитивных и негативных оценочных высказываний, избирательность которых обусловлена стилистической нормативностью их функционирования. Варьирование квантификативных величин предпочтительной дистрибуции определенных ядерных тонов, тонального контура предъядерной части и степени фразовой слоговыделенности определяет адекватный характер реализованности модально-коммуникативной интенции говорящего в официально-деловой и непринужденной сферах общения.

В каждом лингвокультурном социуме исторически сформировалась определенная микросистема *нормативных речевых актов вежливости*, т.е. так называемых формул речевого этикета, которые рассматриваются в качестве императивного требования не только протокольного характера в официально-деловой сфере общения, но и в повседневных речевых контактах.

В ряде лингвистических исследований [1; 2; 3; 4] типизированы формулы речевого этикета в английском языке и установлены определенные правила их функциональной направленности. Также накоплен обширный материал, позволяющий систематизировать разноуровневые языковые средства выражения семантики вежливости, рассматриваемой в лингвистике как функционально семантическая категория [5], которая носит интегральный характер и является формой проявления коммуникативного сознания индивидуума [6]. Вместе с тем механизм избирательного расслоения семантических компонентов вежливого общения в зависимости от коммуникативно-прагматической интенции индивидуума в конкретной социокультурной сфере общения еще не выявлен. Как известно, выбор адекватных максим (постулатов) вежливости [7] в условиях комплексного функционирования универсальных экстралингвистических факторов, обуславливающих языковую специфику структурирования и актуализации речевого акта, гармонизирует речевое поведение и отражает дискурсивную стратегию говорящего, которая в значительной степени определяется его лингвистической компетенцией, т.е. умением правильного выбора коммуникативной речевой доминанты.

В данной статье представлены результаты фонетического анализа устных диалогических текстов, целью которого были поиск и установление наиболее рекуррентных просодических структур актуализации речевых актов положительной и отрицательной вежливости (*positive and negative face*) в английском языке [8] как неотъемлемых составляющих, направленных на выражение сближения (*approach-based*) или отдаления (*avoidance-based*) социальных отношений между говорящими.

Проведенный нами анализ 400 речевых единиц позитивной и негативной оценочной реакции собеседника, реализованных в структурах тематически соотносимых диалогических единств в официальной и неофициальной сферах общения, содержащихся в звуковых приложениях аутентичных диалогов к учебным пособиям, дает основание для определения направления предпочтительного использования различных коммуникативных типов высказываний в официально-деловом и непринужденном стилях устной речи. Процентное соотношение рекуррентности коммуникативных типов высказываний в каждой группе представлено в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Количество фраз разнонаправленной эмоционально-модальной оценки в различных стилях устной речи, %

Стиль	Эмоционально-модальный вариант	Коммуникативный тип				
		Повествование		Вопрос	Восклицание	Междометие
		Эллиптическое предложение	Полное предложение			
Официально-деловой	Позитивно-оценочные высказывания	25	47	12	11	5
	Негативно-оценочные высказывания	21	53	14	8	4
Непринужденный	Позитивно-оценочные высказывания	38	21	18	16	7
	Негативно-оценочные высказывания	32	30	20	12	6

Данные табл. 1 свидетельствуют, с одной стороны, об очевидном разнообразии коммуникативных типов высказываний, используемых для вежливой передачи позитивной или негативной солидарности или дистанцированности говорящего в оценке поступков или мнений собеседника. В то же время процентное соотношение количественной предпочтительности употребления зарегистрированных коммуникативных типов высказываний в различных экстралингвистических условиях общения объясняется самой природой большей/меньшей свободы и, следовательно, вариативности выражения эмоционального состояния собеседника структурно-синтаксическими средствами. Так, в частности, в непринужденной сфере общения в большем количестве случаев используются эллиптические повествовательные предложения, общие вопросы типа *Isn't that lovely? Isn't that rather harsh?* и восклицания типа *Fantastic!* Среди неполных предложений

в 9 % случаев в непринужденных беседах имеют место фразы-повторы (эхо-реплики) и вопросы-переспросы, которые практически отсутствуют в официально-деловом общении.

- *I am probably looking at three days to finish it.*

- *Three days? It's worse than I thought.*

- *I've paid over twelve hundred pounds for it.*

- *Twelve hundred pounds! You must be joking.*

Усложнение синтаксических структур полносоставных повествовательных предложений имеет место только в официальных диалогах с целью смягчения критической оценки высказывания.

- *The fact is, we're selling our product there in a volatile market through their distributors.*

- *That's true, but to be honest, I'm not sure this idea would work here.*

Необходимо также отметить, что в официальных вежливых оценках с определенной частотностью (7,5 % случаев) используется сослагательное наклонение. Например: *That would be good; If I were you, I wouldn't make such a quick decision; If it could work*, в то время как в непринужденной речи часто употребляются речевые клише, содержащие модальные глаголы. Например: *You must be crazy! I can't stand it* и т.п.

Наряду с различиями в избирательном употреблении эллиптических предложений, общих и риторических вопросов, а также восклицаний в различных ситуативных условиях для выражения вежливой оценки следует отметить и большую насыщенность непринужденных оценочных реплик экспрессивной лексикой, усилительными частицами и наречиями, использованием сленговых штампов типа *Load of rubbish; That's rotten luck*, которые в исследуемой выборке в непринужденных диалогах составляли 49 и 16 % соответственно.

Использование приемов гиперболизации и метафоризации (фраз типа *It looks like paradise! It must have been a nightmare*) также в разной степени ограничено социокультурными рамками стилистической нормы адекватного речевого поведения. В исследуемом материале они были зафиксированы в 22 и 4 % случаев сравниваемых позитивных и в 15 и 5 % случаев негативных оценочных фраз в непринужденных и официальных диалогах соответственно.

Сравнительный анализ просодических структур позитивных и негативных оценочных высказываний проводился на материале 200 вычлененных из диалогических единств реплик-реакций, которые в изолированном предъявлении в 80 % и более случаев были идентифицированы двумя аудиторами-англичанами как фрагменты, реализованные в официальной или непринужденной сфере общения.

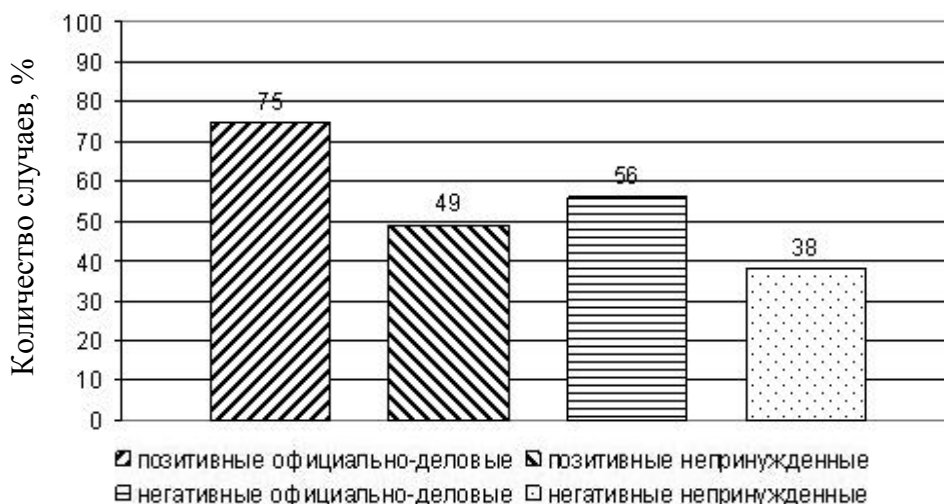
Исследуемые высказывания были смонтированы при помощи программы "Nero WaveEditor" и в контрастивном предъявлении даны для последующей графической регистрации их просодических структур опытными аудиторами-фонетистами по воспринимаемым признакам их высотно-

тональной, акцентной и темпоральной организации. В задачу auditors входило: а) определить в просодическом контуре интонационной группы направление движения тона с учетом его уровневой градации; б) указать локализацию и тип фразовых ударений (эмфатическое, полное, частичное); в) определить темп произнесения фразы в его сравнительной оценке (быстрый, нормальный, медленный).

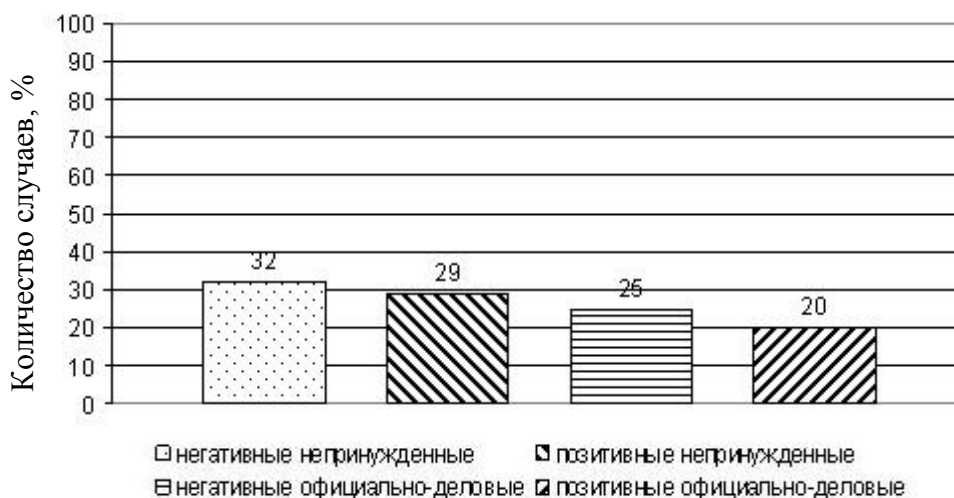
Количественные показатели по каждому признаку в отдельности на основе частотности их реализаций были сведены в просодические поликомпонентные модели с учетом их стилистической отнесенности и эмоционально-модальной направленности. Выбор параметрового признака определялся по показаниям его величины, которые в три раза превышали частотность сравниваемых по данному признаку других фраз в каждой группе.

Наиболее типичные варианты просодических структур оценочных высказываний представлены на рисунке.

Вариант 1: высокий нисходящий ядерный тон, постепенно нисходящая шкала, полное ударение, нормальный темп речи.

Вариант 2: высокий восходяще-нисходящий ядерный тон, скандентная шкала, эмфатическое ударение, замедленный темп

Просодические структуры фраз вежливой оценки

Естественно, просодическая реализация реальных речевых актов вежливой оценки в исследуемой выборке не была ограничена указанными на рисунке двумя вариантами их структурирования. В табл. 2 представлены зарегистрированные случаи варьирования высотно-тональных и акцентных признаков, частотность которых находится в пределах 1,4–23 %.

Т а б л и ц а 2

Варианты реализаций просодических признаков
фраз вежливой оценки, %

Стиль	Эмоционально-модальный вариант	Признак							Частичное ударение
		Низкий нисходящий тон	Восходящий тон		Нисходяще-восходящий тон		Шкала		
			Высокий	Низкий	Высокий	Низкий	Высокая ровная	Скользящая	
Официально-деловой	Позитивно-оценочные высказывания	2	4	-	3	-	11	-	14
	Негативно-оценочные высказывания	10	-	-	6	3	6	16	12
Непринужденный	Позитивно-оценочные высказывания	6	7	5	1,7	1,4	21	8	23
	Негативно-оценочные высказывания	13,5	2	6,5	5	3	16	19	15

Как видно из табл. 2, достаточно высокий процент имевших место случаев употребления низкого нисходящего и нисходяще-восходящего тонов в негативных оценках независимо от сферы общения (в совокупности 19 и 21,5 % соответственно) подтверждает имеющееся в английской интонологии наблюдение относительно их данной эмоционально-модальной коннотативности [9].

Анализ вариантов просодических структур как стилистически, так и прагматически различных фраз вежливости убеждает в наличии определенной зависимости между длиной фразы и количественной предпочтительностью актуализации определенных высотно-тональных и акцентуационных признаков. Также следует указать на снижение/усиление степени эмотивной выразительности высказывания просодическими средствами за счет наличия/отсутствия лексических экспрессивных средств. Усилительные наречия и частицы, выделяемые, как правило, эмфатическими ударениями, повышают уровень эмоционально-модальной информативности и служат цели более оптимального выражения коммуникативно-модального содержания оценочной реплики.

Ср. *\That's a , good idea.*

¹*That's ¹¹abso¹¹lutely a\mazing!*

⁻*It's ¹¹so \risky.*

В распространенных оценочных фразах независимо от их стилистической принадлежности и прагматической интенции в 58% случаев имеет место снижение их просодической экспрессивности за счет меньшей частотности употребления эмфатических тонов, скандентной и скользящей шкал.

Ср. *[^]What an in[^]credible \story!*

What a [^]brilliant i[^]dea | to [^]do the [^]whole [^]thing in [^]such a [^]casual, | [^]low-\budget and a[^]lternative \way. || [^]Very ,clever.

Проведенный анализ аудиотекстов показал, что понятие эмоционально-модальной оценки, изначально базируемое на универсальном принципе положительного и отрицательного противопоставления, представлено стабильными различительными признаками просодического структурирования разнонаправленной оценочности в официально-деловой и непринужденной сферах общения. Речевая актуализация позитивной/ негативной оценочной реакции говорящего объективно инкорпорирует количественные различия как по отдельным просодическим признакам, так и по их комплексной однонаправленности, не исключая при этом большую/меньшую степень их регламентированности в соответствии с определенной социокультурной сферой общения. Основное различие в просодических структурах контрастирующих эмоционально-модальных оценочных фраз заключается в частотности функционирования как определенных совокупностей просодических признаков, так и качественных модификаций отдельных параметровых признаков, а именно направления движения тона на ядерном участке и в предъядерной части, а также степени выделенности ударных слогов.

Стилистические варианты оценочных высказываний контрастируют по частотности употребления типов фразовой слоговыделенности и объему вариативности высотно-тональной организации предъядерной части в просодическом контуре фразы.

Анализ устных диалогов в различных экстралингвистических сферах общения убеждает в том, что, несмотря на коммуникативно-функциональную ограниченность и значительную формализованность речевых образцов (семантических компонентов) вежливой оценки, их дистрибуция в то же время есть динамический, меняющийся концепт в конкретных дискурсивных условиях, что позволяет говорить о вежливости как о гибкой системе правил.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грайс, П.* Прагматическая теория значения / П. Грайс. – М. : Наука, 1997. – 186 с.
2. *Скалянчук, С.С.* Средства реализации вежливости в современном английском языке / С.С. Скалянчук // Учен. зап. Киев. гос. ун-т им. Т. Шевченко, 1995. – 324 с.
3. *Фурменкова, Т.В.* Средства реализации принципа вежливости в американском варианте современного английского языка : сб. науч. тр./ Т.В. Фурменкова. – Калининград, 2005. – 305 с.
4. *Трофименко, В.П.* Формулы речевого этикета в разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.П. Трофименко. – Ростов-н/Д., 1973. – 21 с.
5. *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений / Н.Д. Арутюнова // Оценка. Событие. Факт. – М. : Наука, 1988. – С. 11–39.
6. *Ferguson, N.* The Structure and Use of Politeness / N. Ferguson // Language in Society. – London, 1976. – P. 61–64.
7. *Brend, R.M.* Politeness / R.M. Brend. – IRAL, 1978. – Vol. 16. – P. 12–18.
8. *Brown, P.* Politeness: Some Universals in Language Usages / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge, 1978. – P. 65–134.
9. *O'Connor, J.D.* Intonation of Colloquial English / J.D. O'Connor, G.F. Arnold. – London, 1973. – 228 p.

The data obtained allow to arrive at the conclusion that there are four different prosodic types of polite response phrases corresponding to different spheres of discourse and the speaker's attitudinal purposes. Their contrasts are basically centered around the distributional tendencies of various nuclear tones, variability of prenuclear part of the intonation contour and the degree of utterance stress.

Поступила в редакцию 21.10.11

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

А.Н. Кузин

РАЗВИТИЕ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
У ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ *о-*
НА ОСНОВЕ ВТОРИЧНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ

В статье рассматривается развитие переносных значений обмана, мошенничества и лжи у глаголов с приставкой *о-*. Показано, что развитие указанных значений включает два этапа. Во-первых, на основе механизма морфемного словообразования в семантику глаголов с приставкой *о-* привносятся значения движения по кругу и движения в обход предмета. Во-вторых, поскольку в наивном сознании носителей русского языка с движением вкруговую ассоциируются значения обмана и лжи, эти же значения в силу процесса семантической деривации приписываются и многим глаголам с приставкой *о-*.

Связь материального выражения и понятийного содержания языковой единицы является одним из главных, если не самым главным объектом исследования языкознания. Некоторые лингвисты даже готовы пойти так далеко, что считают этот вопрос единственным предметом рассмотрения своей науки. Один из наиболее влиятельных американских лингвистов Л. Блумфилд в своей работе “Язык” утверждает, что “изучать соответствие определенных звуков определенным значениям и значит изучать язык” [1, с. 42]. Ответ на вопрос о взаимозависимости формы материального субстрата языковых знаков, будь то в звуковом или графическом воплощении, и их содержания, т.е. значения или смысла, определяет наше понимание природы естественного языка, а возможно, и любой другой знаковой системы.

Для рассмотрения характера отношений между планом выражения и планом содержания в лингвистике привлекается понятие *мотивированности языкового знака*. В самом общем виде это понятие призвано ответить на вопрос о том, насколько о значении той или иной языковой единицы можно судить исключительно по ее форме и/или внутренней структуре.

Как свидетельствуют многочисленные исследования, связь между означающим и означаемым является далеко не однозначной и представляет собой континуум. Языковые единицы демонстрируют большую или меньшую мотивированность в зависимости от их типа, а также парадигматических и синтагматических отношений между ними. Более того, разные виды связей между материальной субстанцией знака и выражаемым понятием присутствуют на разных уровнях языковой системы [2]

Мотивированность обеспечивается разными механизмами. Весьма упрощая, можно говорить о *первичной* и *вторичной* мотивированности значения языковых единиц.

Первичная мотивированность наиболее явно выражается в феномене звукоподражания: *топотать, кукарекать, шепелявить* и под. Привлекая трехчастную классификацию знаков Ч.С. Пирса, такую мотивированность можно назвать иконической, поскольку в основе ее лежит акустическое подобие. По сути, такие слова представляют собой звуковые портреты явлений действительности.

Мотивированность этого рода, однако, не всегда является очевидной. Некоторые взаимосвязи между звуками и значениями кажутся более естественными, чем другие. Так, не вызывает удивления то, что русское звуко-сочетание *бу* в глаголах говорения характеризует речь как неразборчивую: *бубнить, буркать, бурчать*. Однако то, что звуковой комплекс *тр*, как правило, указывает на пустословие и болтливость (например *трепаться, трещать, тараторить, таракать, тарбанить*, а также *тарбарщина, тары-бары, транда* или *транды, турысы* и просторечно-жаргонные *трещать, трындеть* и *тереть*), представляется уже не столь интуитивно очевидным. Некоторые же закономерности обозначения того или иного понятийного содержания определенным звуковым комплексом можно только констатировать, но очень сложно объяснить. Англ. *gl*, например, часто используется в словах, которые входят в семантическое поле, обозначающее разновидности освещения: *glow, glimmer, glitter, glisten, gleam*. В этом случае, как представляется, механизм подобия функционирует на основе своеобразной синестезии, осуществляющей связь между акустикой и оптикой, звуком и светом, ухом и глазом.

Вторичная мотивированность, в свою очередь, обусловлена самой структурой языка. На уровне отдельных лексем наиболее значимыми механизмами вторичной мотивированности выступают, во-первых, словоизменение, во-вторых, словообразование. Механизмы этого рода объясняют, почему при всем различии значений многих десятков глаголов с корнем *-звр-*, как то *договаривать(ся), недоговаривать, отговаривать(ся), переговаривать(ся), уговаривать(ся)* и пр., в них без труда обнаруживается один и тот же семантический компонент, который позволяет интерпретировать эти глаголы как обозначающие речевые действия.

Морфемы как носители вторичной мотивированности. В языке синтетического типа, каковым является русский, закономерно ожидать, что та или иная степень вторичной мотивированности будет свойственна практически всем высокопродуктивным морфемам. Ассоциируемые с ними оттенки значения могут представлять собой разного рода компоненты семантики слов. В качестве простого и достаточно очевидного примера укажем на один из результатов действия вторичной мотивированности морфемы. Приставка *воз(с)-* архаизирует многие глаголы говорения, придавая им оттенок книжности и высокопарности: *возблагодарить, воззвать, возрощать, воспеть, востребовать, восхвалять* и др. В данном случае использование префикса влияет на стилистическую окрашенность слов указанного семантического поля.

Приведенный пример показывает, что морфемы могут обладать не только грамматическими значениями, но и выступать как своеобразные контейнеры для недескриптивных коннотативных смыслов. Кроме того, поскольку с некоторыми морфемами ассоциируются предельно общие семантические значения, эти последние могут метафоризироваться, привнося в семантику слова вполне конкретные дескриптивные значения. Такой эффект привнесения дополнительного переносного значения на основе семантической деривации демонстрируется ниже на примере развития характерных переносных значений у глаголов с приставкой *о-*.

Здесь и далее при упоминании рассматриваемой приставки указывается только самая краткая форма *о-*. Следует, однако, предупредить, что различные фонетические варианты этой приставки, как то *об-*, *обо-* и *объ-* не всегда привносят одинаковое значение в слово – ср. *оставить* и *обставить*, *осудить* и *обсудить*, *оделить* и *обделить* и под.

При рассмотрении глагольных форм, предваряемых приставкой *о-*, обращает на себя внимание то, что эта приставка придает глаголам вполне определенное переносное значение, особенно в формах *об-*, *обо-* и *объ-*. Глаголы этой группы указывают на обман, хитрость, мошенничество, введение в заблуждение и другие подобные действия, оцениваемые, как правило, отрицательно. В Большом академическом словаре можно обнаружить более двух десятков таких глаголов: *обвертеть* ‘обмануть, перехитрить; провести’ [3, с. 25], *обводить* ‘вводить в обман, морочить’ [3, с. 39], *обдeldывать* ‘хитро и ловко опутывать, обманывать кого-л.’ [3, с. 58], *обдудвать* ‘обманывать, надувать кого-либо’ [3, с. 65], *обдудривать* ‘обманывать кого-либо, оставлять в дураках’ [3, с. 68], *обернуть вокруг (кругом, округ) пальца* ‘обманув, перехитрив, подчинить своей воле; ловко обмануть’ [3, с. 100], *обжуливать* ‘обманывать кого-либо с корыстной целью’ [3, с. 130], *обижать* ‘наносить ущерб кому-либо, причинять убытки; обманывать в делах’ [3, с. 142], *облапошивать* ‘обманывать кого-либо’ [3, с. 182], *обмишуливать* ‘обманывать, проводить кого-либо’ [3, с. 252], *обморачивать* ‘обманывать, морочить, сбивать с толку’ [3, с. 257], *обмошенничать* ‘обмануть мошеннически’ [3, с. 260], *обойти* ‘хитростью склонить к чему-либо; обмануть, одурачить’ [3, с. 314], *оболванивать* ‘обманывать, одурачивать’ [3, с. 318], *обремизить* ‘перехитрить, обмануть’ [3, с. 397], *обтяпать* ‘ловко обмануть, провести кого-либо’ [3, с. 477], *обувать* ‘ловко обманывать, проводить’ [3, с. 478], *обходить* ‘хитростью склонять к чему-либо; обманывать, одурачивать’ [3, с. 500], *обчекрывать* ‘ловко обмануть, провести’ [3, с. 505], *обишельмовать* ‘провести, обмануть’ [3, с. 510], *объегоривать* ‘обманывать, проводить’ [3, с. 552], *объезжать* ‘обманывать, проводить, одурачивать’ [3, с. 558], *околпачивать* ‘обманывать, одурачивать’ [3, с. 797], *окручивать* ‘обвивая с толку, обманывать; обманом, хитростью подчинять себе’ [3, с. 825], *оплетать* ‘опутывать хитростями, уловками; обманывать’ [3, с. 910].

В доказательство весьма высокой продуктивности приставки *о-* в выражении указанных значений можно также привести устаревшие и диалектные глагольные формы и значения, которые содержатся в словаре В.И. Даля. В значении ‘обмануть, плутовски надуть’ используются *обагрить*, *обазулить*, *обазурить*, [4, с. 1468], *обалабоишить*, *обаламутить*, *обалахтать* [4, с. 1469], *обарахтать* [4, с. 1470], *обгонтлить* ‘обыграть шулерски’ [4, с. 1482], *обдалить* [4, с. 1483], *обдувать* [4, с. 1486], *обирюлить* [4, с. 1508], *обкутать* [4, с. 1517], *облазнить* [4, с. 1519], *обламонить*, *облимонить* [4, с. 1520], *обледевонить* [4, с. 1523], *облестить* [4, с. 1524], *облепетать* [4, с. 1524], *облисить* [4, с. 1527], *облукавить* [4, с. 1532], *облупать*, *облупенить*, *облутоишить*, *облучить* [4, с. 1533], *облыкосить* [4, с. 1534], *облюсить* [4, с. 1536], *обмалахтать* [4, с. 1537] и мн. др.

Значение ‘обмануть красноречием, надуть рассказами’ имеют глаголы *обакулить* [4, с. 1468], *обалагурить* [4, с. 1469], *обахорить* [4, с. 1470], *обаять* [4, с. 1471], *обледевонить* [4, с. 1523] и др.

На обман при совершении разного рода торговых и финансовых сделок указывают *обанкрутить* ‘разорить’ [4, с. 1469], *обарышничать* [4, с. 1470], *обважить* [4, с. 1471], *обвесить* [4, с. 1479], *обделить* [4, с. 1486], *обездолить* ‘лишать доли в чем-л.’ [4, с. 1488], *обкатать в дележе* ‘обмануть при дележе’ [4, с. 1511], *обкосать* [4, с. 1516], *обличить* ‘обсчитать’ [4, с. 1528], *обмалить* [4, с. 1537], *обмастачить*, *обмастерить* [4, с. 1539], *обмаячить* [4, с. 1540] и др.

Эта последняя группа, являясь лишь частным случаем обманных действий вообще, в некоторых случаях может совмещать обман с весьма конкретными действиями. Следующие глаголы служат очевидными примерами: *обкраивать* ‘обманывать кого-либо при кройке’ [3, с. 165], *обирать*, *обдирать (как липку)* ‘при совершении купли-продажи’, *обмеривать* ‘с целью обмана или по ошибке отмеривать меньше нужного, должного’ [3, с. 247], *обсчитывать*, *обчесть* и т.д.

Еще одним частным случаем обмана является его использование с целью клеветы на других людей. Все следующие глаголы указывают на речевое действие, которое вредит человеку, выступающему предметом речи. Таковы устаревшие *обайкать* [4, с. 1468], *обвести* [4, с. 1476], *обливонить* [4, с. 1526], *облаговать* [4, с. 1518], *обнести* [5, с. 549], а также употребительные в современном русском языке *оговорить*, *оклеветать*, *оболгать*, *опорочить*.

То, что с приставкой *о-* ассоциируются подобные значения, доказываются примерами употребления глаголов на *о-* для указания на ложь и обман в качестве окказиональных метафор, переносное значение которых не зафиксировано в словаре: *Он старался все крепче опутать ее лганьем* (А.П. Чехов. «Дуэль»); *Оплели* меня, обули так ловко, что и сказать нельзя. *Ничего-то я сдуру не примечала, ничего-то я не думала* (Л. Толстой. «Власть тьмы»); *Ну, ты, брат, смотри теперь в оба! А то они тебя*

обгложут... Этот Тарас тестя своего в Екатеринбурге так ловко обтяпал (М. Горький. «Фома Гордеев»). Еще более разительный пример содержится в стихе времен перестройки, который приводится в словаре молодежного сленга В.С. Елистратова. Здесь в основе языковой игры лежит использование приставки *о-* с эпонимическими глагольными формами, намекающими на Е.К. Лигачева, И.К. Полозкова, М.С. Горбачева и маршала Д.Т. Язова, крупных партийных деятелей этого периода: *Нас не объегоришь, нас не обкузьмишь, нас не обмишуришь, нас не изъязвишь* [6, с. 255].

Рассматривая все приведенные выше примеры, можно возразить, что значение ‘обманывать, обхитрить, провести’ иногда содержится уже в самих основах приводимых глаголов, например *обдуривать, обжуливать, обмошенничать* и под. Это замечание верно лишь отчасти. Во-первых, таких глаголов в приведенных списках меньшинство. Во-вторых, при всем различии значений корневых морфем таких глаголов, как *обвертеть, обводить, обделывать, обдуть, обойти, обтяпать, обувать* и др., они все развивают одно и то же общее им всем значение обмана. Единственным же общим элементом всех этих глаголов является приставка *о-*. Следовательно, естественно предположить, что именно она должна считаться носителем приведенных выше значений.

Частотность указанных значений у глаголов с приставкой *о-* ни в коем случае не может считаться случайной. В основе ее должен лежать вполне конкретный механизм.

Очевидно, что для большинства рассмотренных глаголов значение обмана и мошенничества является переносным. Соответственно, употребление приставки *о-* перед глагольными основами воспринимается носителями языка, пусть и неосознанно, как своего рода инструмент метафорического указания на обман, хитрость, ложь, надувательство и другие подобные значения. Можно утверждать, что рассматриваемая приставка представляет собой своего рода морфему-метафору, способную порождать новые переносные значения при взаимодействии с некоторыми глагольными корнями. Если указанный механизм действительно продуктивен, то следует рассмотреть, какое конкретное прямое значение приставки *о-* является исходным для ее употребления в переносном смысле.

Как и в случае со многими другими русскими приставками, у приставки *о-* имеется общее грамматическое значение, а также ряд предельно общих семантических значений.

Во-первых, эта приставка в своих различных формах может выступать в качестве граммы, образующей формы совершенного вида некоторых глаголов: *одряхлеть, оштрафовать, оштукатурить* и др. [5, с. 518]. Грамматическое значение приставки *о-*, разумеется, не может порождать переносного употребления.

Во-вторых, с приставкой *о-* также связываются предельно общие семантические значения. В «Словаре русского языка» под редакцией Е.П. Евгеньевой выделяется восемь подзначений этого типа: “1) направ-

ленность действия по окружности, вокруг предмета, распространение действия на всю поверхность предмета, на все его стороны, например *обежать (вокруг дома), огородить, охватить, окопать, оскоблить, осмотреть*; 2) направленность движения мимо предмета, обход его стороной, например *обежать (что-л. стороной)*, 3) распространение действия на ряд лиц, предметов, охват действием многих лиц, предметов, например *обегать, одарить*; 4) чрезмерность действия, излишество в действии, например *окормить, опиться, опоить*; 5) нанесение кому-л. ущерба в процессе действия, например *обвесить, обмерить, обсчитать*; 6) (с частицей *-ся*) наличие ошибки, промаха в действии, например *оступиться, оговориться, ослышаться*; 7) снабжение чем-л. в результате действия, например *озеленить, оснастить, отакелажить*; 8) превращение в кого-, что-л., придание каких-л. свойств, качеств, становление каким-л. (в результате действия), например *облагородить, обогатить, опечалиться, ослепить, осложнить, остепениться*” [5, с. 518].

Как представляется, стимульными значениями для переносного употребления глаголов с приставкой *о-* являются подзначения 1) и 2), а именно ‘направленность действия вокруг предмета’ и ‘направленность движения мимо предмета, обход его стороной’. Как раз с движением по кругу и движением в обход чего-л. и, шире, отклонением от прямого пути ассоциируется в народных представлениях обман и ложь. Подтверждение этому легко найти в многочисленных словах с корнями *-кр-*, *-вр-* и *-клс-*. *Крутить и вертеть(ся)* означают ‘хитрить, избегать прямого ответа’, *крутель, крутиль* ‘обманщик’ [7, с. 303], *крученный* ‘двурушник’ [Там же]. Образованный по нестандартной словообразовательной модели глагол *крутануть* имеет значение ‘обмануть, обхитрить; выманить что-л. у кого-л.; не выполнить обещанного’ [6, с. 192]. *Раскрутить* значит ‘обмануть при совершении сделки’; *расрут/ка* обозначает ‘уговоры, обман, попытка убедить кого-л. сделать что-л.’ [6, с. 348]. *Закручивать* (также *закручивать мозги*) имеет значение ‘запутывать, сбивать с толку; привирать’ [6, с. 139]. В значении ‘лгать, обманывать, вводить в заблуждение’ также используются фразеологизмы *крутить бейцалки, крутить динамо/у, крутить луну, крутить уши*. *Вертануть* означает ‘обмануть, обвести вокруг пальца’ [6, с. 60; 8, с. 102]. *Колесить* может использоваться в значении ‘врать’ [6, с. 346]. Выражение *провернуть дело* часто обозначает действия неблагоприятные и даже незаконные – ср. естественность *провернуть аферу* и неестественность **провернуть благотворительную акцию*. О многих других переносных значениях дериватов концептов “круг”, “колесо” см. в почти энциклопедической по насыщенности информацией статье Н.Б. Мечковской [7].

Не просто ассоциация с концептами “круг” и “колесо”, но именно движение вкруговую объясняет тот факт, что если у рассмотренных глаголов и есть что-то общее, кроме приставки *о-*, так это то, что почти все они

указывают на динамические действия, а не на статические состояния. В качестве примечания укажем также на семиотический изоморфизм между звуком [о] и представлением о круге, которое естественно возникает, если обратить внимание на форму губ при произнесении этого звука. Данный случай представляет собой наиболее явный, хотя, по всей видимости, и совершенно случайный образец воплощения значения в мимике.

Следуя логике представленного объяснения, следует признать, что в «Словаре русского языка» [5] подзначение 5) ‘нанесение кому-л. ущерба в процессе действия’ является метафорическим развитием первого и вторых подзначений, поскольку также указывает на обман с той лишь разницей, что в этом случае обман совмещен с достаточно конкретными действиями.

Если рассмотренный механизм действует в качестве порождающей новые значения морфемной метафоры, то доказательство этому следует искать в русском просторечии и интержаргоне, поскольку как раз эти формы устного бытования языка являются своеобразными фабриками по производству новых значений, которые позже входят в семантический репертуар кодифицированного языка. Принимая во внимание, что семантическая деривация является наиболее плодотворным механизмом создания жаргонизмов, можно ожидать, что по крайней мере некоторые глаголы на *о-* будут развивать значения обмана и надувательства. Рассмотрим для примера два пласта жаргонной и арготической лексики, а именно молодежный сленг и воровское аргю.

В молодежном сленге подтверждением активной роли приставки *о-* как носителя переносных значений могут служить следующие глаголы, указывающие на обман и мошенничество: *обуть* [9, с. 151; 6, с. 259], *обдирать* [9, с. 253], *обжухивать*, *облажать* [9, с. 254], *обмишурировать* [9, с. 255], *обстричь*, *обчекрывать*, *обштопывать*, *обшустрить* [9, с. 259]. Фразеологический оборот *гнуть околицу, околесицу, объездом* означает ‘с помощью многословия обходить главное, лгать через умолчание’ [6, с. 88]. Также присутствуют глаголы на *о-* со значениями ‘обворовать, обокрасть, обмануть при совершении сделки’: *обгрызть* [9, с. 149], *обмолотить* [8, с. 531], *обмывать* [6, с. 255], *обнести*, *обтрясти* [9, с. 151]. Обратите, кстати, внимание на присутствие приставки *о-* уже в самих общепотребительных глаголах *обворовать* и *обокрасть*.

Принимая во внимание специфику деятельности, отметим, что глаголы, указывающие на воровство и грабеж, разумеется, присутствуют и в воровском аргю: *обделывать* [10, с. 598], *обесценить*, *обжать* [10, с. 599], *обнести* [10, с. 602], *обработать* [10, с. 603], *обчистить* [10, с. 605]. Впрочем, глаголы со значением ‘обмануть’ даже более многочисленны: *обалебастрить* [10, с. 597], *обдуть* [10, с. 598], *обжарить* [10, с. 599], *обзетить* [10, с. 599], *обкуривать мозги*, *облажать* [10, с. 600], *облапошить*, *обломать* [10, с. 601], *обначивать* [10, с. 602], *обимонить*, *обимуржить*, *обшопать* [10, с. 606], *обшучить*, *объехать* [10, с. 607].

Многие глаголы с приставкой *о-* развивают значения обмана, мошенничества, лжи и введения в заблуждение. Представляется, что развитие указанных переносных значений объясняется тем, что данная некорневая морфема начинает функционировать как своеобразная скрытая метафора. Процесс развития названных метафорических значений у глаголов на *о-* проходит две стадии. Во-первых, приставка *о-* с некоторыми глагольными основами употребляется для указания на движение вокруг и в обход предмета. Во-вторых, поскольку с такого рода движениями в наивном сознании носителей русского языка ассоциируются определенного рода действия, в том числе обман, ложь и мошенничество, то действия такого рода начинают по аналогии обозначаться и данными глаголами.

Рассмотренная морфема, как показывает анализ современного русского молодежного сленга и аргю, обладает настолько сильным риторическим потенциалом, что уже сама по себе может приносить переносное значение в семантику слов при употреблении со многими глагольными основами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блумфильд, Л.* Язык / Л. Блумфильд. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 608 с.
2. *Якобсон, Р.О.* В поисках сущности языка / Р.О. Якобсон // Семиотика: Антология. – М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 111–125.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 12 т. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 8: О. – 1840 с.
4. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – 3-е изд., испр. и доп.; под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольфъ, 1903. – Т. 2. – 2030 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР; под ред. А.П. Евгеньевой.— 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985 – 1988. – Т. 2: К–О. – 1986. – 736 с.
6. *Елистратов, В. С.* Толковый словарь русского сленга / В.С. Елистратов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 672 с.
7. *Мечковская, Н.Б.* К характеристике аксиологических потенций слова: концепты “круг”, “колесо” и их оценочно-экспрессивные дериваты / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка: Языки пространств. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 299 – 307.
8. *Никитина, Т.Г.* Молодежный сленг: толковый словарь: около 20 000 слов и фразеологизмов / Т.Г. Никитина. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 1102 с.

9. Юганов, И. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов) / И. Юганов, Ф. Юганова; под ред. А.Н. Баранова. – М. : Метатекст, 1997. – 304 с.
10. Грачев, М.А. Словарь тысячелетнего русского аргю: 27 000 слов и выражений / М.А. Грачев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 1120 с.

The article examines the mechanism of motivated semantic derivation that explains why so many Russian verbs with the prefix *о-* are used to denote deceiving, lying and similar actions.

Поступила в редакцию 27.09.11

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Е.А. Кривонос

ОПИСАНИЕ ФОРМ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ И СТАТИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Основное содержание статьи составляет функциональное описание значений предложно-падежных форм родительного падежа имен существительных в рамках основных типов отношений, выполненное с целью формирования лингвистической базы данных относительно значений предложно-падежных форм имен существительных по результатам анализа массива русских учебно-научных текстов по экономике для иностранных студентов. В статье приводятся статистические данные по употреблению форм родительного падежа.

Нужды ИТ-индустрии стимулируют активное использование современных технологий как при лингвистических исследованиях языка и речи, так и при решении задач лингводидактики. Именно получение *новой* информации позволяет создавать *новые* интеллектуальные продукты, востребованные в современном образовательном процессе, что позволяет оптимизировать и повысить эффективность процесса обучения инофона языку. Это направление профессор Р.Г. Пиотровский называл одним из пяти факторов возникновения компьютерной лингвистики, наряду с такими, как запросы информационно-вычислительной индустрии, потребности автоматизации управления, создание систем искусственного интеллекта [1, с. 6]. Языковая компетенция инофонов при профессионально ориентированном обучении русскому языку как иностранному складывается из модуля общего владения языком и профессионально ориентированного модуля. Как отмечают О.Д. Митрофанова и В.Г. Костомаров «отбор грамматического минимума есть установление того круга грамматических элементов языка, которые необходимы и достаточны для овладения речью в нужных пределах» [2, с. 58]. Точный отбор репрезентуемого материала особенно актуален на начальном этапе обучения, так как он является основополагающим. Чтобы создать адекватную минисистему языка учебно-научных текстов по экономике, необходимо сформировать лингвистическую *базу данных* и оценить объем подлежащих описанию фактов. В глоссарии отдела информатизации *база данных* определяется как поименованная, целостная совокупность данных, которая отображает состояние объектов и их отношений в описываемой предметной области. Кроме того, базой данных иногда называют организованный набор фактов из какой-либо предметной области, информацию, упорядоченную в виде набора элементов записей одинаковой структуры [3].

Для проведения исследований был создан массив русских учебно-научных текстов по экономике (МТЭИ₁), включающий два подмассива: *подмассив БГУ* [4], *подмассив БГЭУ* [5; 6]. Общий объем МТЭИ₁ – 78 учебно-языковых текстов. Подмассивы были обработаны с помощью программы URS, определяющей частоту словоформ в текстах, затем на основе полученных частотных индексов были построены таблицы для систематизации данных относительно форм глаголов и имен существительных. Предварительно было проведено различие омонимии составного предлога и предложно-падежной формы (ППФ) имени существительного. По результатам исследования МТЭИ₁ мы получили данные о проценте употребления всех форм имен существительных в исследуемых текстах (41,23 %), причем число лексем существительных от общего количества словоформ существительных в МТЭИ₁ составляет 15,24 %. Количество форм единственного числа (60,84 %) превалирует над количеством форм множественно числа (24,24 %). 14,92 % – показатель омонимичных по числу форм имен существительных.

Далее мы в рамках нашей работы детально рассмотрели предложно-падежные формы имен существительных, определили типы выражаемых значений и, основываясь на статистических данных, указали наиболее частотные модели для их выражения. Следует подчеркнуть, что был сделан акцент на выявление статистики предложного управления, так как именно оно вызывает наибольшие трудности у инофонов. Сопутствующим в данном аспекте явилось формирование перечня составных предлогов, выявленных в МТЭИ₁. Правильное разрешение указанной омонимии способствует как отказу от пословного перевода, так и корректному пониманию смысла предложения.

Приведем в качестве примера *описание* предложно-падежных форм *родительного падежа*, так как данная форма является одной из самых частотных среди форм косвенных падежей в научной речи.

Формы родительного падежа по данным МТЭИ₁ составляют 25 % от общего количества форм существительных. Родительный беспредложный в основном употребляется для выражения *объектных* и *определятельных отношений*. Для предложно-падежных форм родительного падежа характерно выражение этих и других значений (в частности, *определятельно-обстоятельственных* и *обстоятельственных*). Ниже приводятся структурные формулы контекстного употребления предложно-падежных форм имен существительных в исследуемых текстах. В формулах используются следующие сокращения: для обозначения главных слов в словосочетании применяется V – форма глагола (при необходимости указывается конкретный глагол) и/или S – имя существительное в форме любого падежа, для обозначения зависимого компонента указывается непосредственно предлог (*для, с, до* и др.) и N₂ – имя существительное в форме родительного падежа. В МТЭИ₁ были отмечены следующие значения в рамках групп отношений:

• **Объектные отношения.**

а) Для обозначения человека или предмета, в пользу которого совершается действие – $V(S)+\text{ради}+N_2$; $V(S)+\text{для}+N_2$; $V(S)+\text{в пользу}+N_2$: *Пожертвовать производством одних товаров **ради** других товаров* (подмассив БГУ).

б) Для обозначения фрагментов, составляющих единое целое – $V_{\text{состоять}}+\text{из}+N_2$: *Она состоит **из микроэкономики, макроэкономики и мировой экономики*** (подмассив БГУ).

в) Для выделения части, фрагмента из совокупности – $V(S)+\text{из}+N_2$; $S+\text{от}+N_2$: *Доход ... может быть в форме ... процента **от** ... суммы денег* (подмассив БГЭУ).

г) Указание на составное целое, откуда берется часть – $V(S)+\text{из}+N_2$: *Чем большую сумму готов платить потребитель **из** своего бюджета на покупку товара ..., тем более эластичен спрос* (подмассив БГУ).

д) Указание на объект, которого лишают или который отсутствует – $V(S)+\text{от}+N_2$; $V(S)+\text{без}+N_2$: *Частичное или полное освобождение **от** уплаты налогов на доходы от прироста капитала* (подмассив БГЭУ).

е) Указание на человека, предмет, явление, которые являются источником возникновения или обуславливают наличие чего-либо – $V(S)+\text{от}+N_2$; $V(S)+\text{с}+N_2$: *Каждое предприятие в командной экономике получает **от государства** плановые задания* (подмассив БГЭУ).

ж) Указание на явления, которые являются объектами какого-либо отношения – $V(S)+\text{по поводу}+N_2$: *Она всегда связана с вещью ..., но это не сама вещь, а отношения между людьми **по поводу вещи*** (подмассив БГУ).

з) Для обозначения включения, замещения объекта – $V(S)+\text{кроме}+N_2$; $V(S)+\text{вместо}+N_2$; $V(S)+\text{помимо}+N_2$: *Поэтому **вместо** ценовой конкуренции фирмы ... стремятся проводить согласованную ценовую политику* (подмассив БГЭУ).

и) Указание на объект или явление, на борьбу с которым направлено действие – $V(S)+\text{против}+N_2$: *Государство ... принимает законы **против** загрязнения окружающей среды* (подмассив БГЭУ).

к) Указание на множество, между элементами которого находится что-либо – $V(S)+\text{среди}+N_2$: *Долговременные изменения ... могут привести к безработице даже **среди** квалифицированных работников* (подмассив БГУ).

л) Указывает на субъекта действия, в пределах ведения которых что-либо находится, имеется, происходит – $V(S)+\text{у}+N_2$: *Прибыль, которая **остается у предприятия** (фирмы) после уплаты налогов ..., называется чистой прибылью* (подмассив БГЭУ).

• **Определительные отношения.**

а) Характеризует предмет посредством указания на его назначение, функцию – $S+\text{для}+N_2$: *Например, ... обувь и крем **для** обуви* (подмассив БГЭУ).

б) Указывает на измерение состояние объекта – $S+из+N_2$: *Превращение объекта ... из собственности частной в собственность государства происходит через национализацию* (подмассив БГУ).

в) Характеризует предмет посредством указания на нижнюю границу колеблющейся в определенных пределах величины – $S+от+N_2$: *Первую составляют работающие люди ... в возрасте от 16 лет* (подмассив БГУ).

г) Характеристика по направлению действия – $S+c+N_2$: *налог с продаж* (подмассив БГУ).

д) Характеристика по субъекту действия – $S+со стороны+N_2$: *Постоянные же издержки находятся вне контроля со стороны администрации предприятия* (подмассив БГУ).

е) Характеристика по сфере деятельности – $S+v области+N_2$: *Как наука она занимается ... выработкой практических рекомендаций в области производства* (подмассив БГУ).

• **О п р е д е л и т е л ь н о - о б с т о я т е л ь с т в е н н ы е о т н о ш е н и я .**

а) Способ или средство совершения действия – $V(S)+путем+N_2$; $V(S)+за счет+N_2$; $V(S)+с помощью+N_2$; $V(S)+посредством+N_2$; $V(S)+от имени+N_2$; $V(S)+с учетом+N_2$: *Ежегодный дефицит может покрываться либо за счет роста государственного долга, либо путем эмиссии денег* (подмассив БГЭУ).

б) Качественная характеристика действия – $V(S)+в виде+N_2$; $V(S)+без+N_2$: *Кредит может предоставляться в виде рассрочки (отсрочки) платежа ...* (подмассив БГУ).

в) Указание на предел действия – $V(S)+до+N_2$: *Производство в этом случае сокращается до величины спроса* (подмассив БГУ).

г) Указание на назначение использования – $V(S)+в качестве+N_2$: *... Нужны промежуточные продукты, идущие на дальнейшую переработку в качестве сырья ...* (подмассив БГУ).

д) Указание на ограничение, за рамки которого не выходят – $V(S)+в пределах+N_2$; $V(S)+в рамках+N_2$; $V(S)+в сфере+N_2$: *Изготавливать в пределах какого-то вида конкретную вещь* (подмассив БГУ).

е) Указание на опорный элемент действия – $V(S)+на основе+N_2$; $V(S)+на основании+N_2$: *Экономика ... развивается на основе объективных законов* (подмассив БГУ).

• **О б с т о я т е л ь с т в е н н ы е о т н о ш е н и я .**

1. **В ы р а ж е н и е в р е м е н н ы х о т н о ш е н и й:**

а) Выражение одновременности – $V(S)+во время+N_2$; $V(S)+на протяжении+N_2$; $V(S)+в течение+N_2$; $V(S)+в процессе+N_2$: *Количество продукта (объем), которое потребители готовы купить по определенной цене в течение определенного периода времени, называется величиной спроса* (подмассив БГУ).

б) Выражение начальной и конечной временной границы – $V(S)+с+N_2$; $V(S)+до+N_2$; $V(S)+от+N_2$; $V(S)+начиная с+N_2$: *Экономический цикл – это период времени от начала одного кризиса до начала другого* (подмассив БГУ).

в) Указание на исходный момент деятельности – $V(S)+с+N_2$: *Экономика начинается для человека с **решения** личных и семейных проблем* (подмассив БГУ).

г) Выражение отношений следования – $V(S)+после+N_2$: *Прибыль, которая остается у предприятия (фирмы) **после** уплаты налогов ..., называется чистой прибылью* (подмассив БГУ).

2. Выражение меры и степени – $V(S)+с+N_2$; $V(S)+до+N_2$; $V(S)+от+N_2$: *Термин "олигополия" применяется для описания рынка, на котором господствует несколько (примерно **от 3 до 5**) крупных фирм* (подмассив БГЭУ)

3. Выражение условных отношений – $V(S)+при\ наличия+N_2$; $V(S)+в\ зависимости\ от+N_2$; $V(S)+независимо\ от+N_2$; $V(S)+в\ случае+N_2$; $V(S)+без+N_2$; $V(S)+при\ отсутствии+N_2$; $V(S)+на\ случай+N_2$: *При **наличии конкуренции** производители постоянно стремятся снизить свои затраты* (подмассив БГЭУ).

4. Выражение причинно-следственных отношений – $V(S)+из-за+N_2$; $V(S)+в\ результате+N_2$; $V(S)+вследствие+N_2$; $V(S)+в\ силу+N_2$; $V(S)+под\ влиянием+N_2$; $V(S)+из+N_2$; $V(S)+от+N_2$; $V(S)+исходя\ из+N_2$: *Весь период, на протяжении которого растут цены **из-за** увеличения стоимости производства продукции, называется инфляцией* (подмассив БГУ).

5. Выражение цели – $V(S)+для+N_2$; $V(S)+в\ целях+N_2$; $V(S)+с\ целью+N_2$: *Предпринимательская деятельность – это деятельность с **целью организации** бизнеса* (подмассив БГЭУ).

Наряду с главными словами, выраженными глаголом или существительным, в конструкциях с предлогом для морфологически главное слово выражается кратким прилагательным или предикативным наречием (*важно, нужен, характерен, необходим, необходимо*).

6. Выражение сравнительно-сопоставительных отношений – $V(S)+в\ виде+N_2$, $V(S)+в\ отличие\ от+N_2$: *Обычно ссудный капитал предоставляется ... за определенную плату **в виде** ссудного процента* (подмассив БГУ).

7. Выражение пространственных отношений: $V(S)+внутри+N_2$; $V(S)+из+N_2$; $V(S)+от+N_2$; $V(S)+с+N_2$; $V(S)+за\ пределы+N_2$: *Одной из таких форм является фрикционная (текущая) безработица, обусловленная ... движением населения **из** одного **региона** в другой* (подмассив БГЭУ).

Кроме того, отметим наличие устойчивых сочетаний для связи предложения в тексте: *с одной стороны, с другой стороны*.

Исходя из статистических данных можно отметить, что довольно высокий процент употребления предлогов с формой родительного падежа свойственен лишь нескольким предлогам и в конкретных значениях, как-то: *для* – при выражении целевых отношений (18,66 %), *от* – объект-

ных отношений (13,18 %), *из* – объектных отношений (7,91 %). Большинство предлогов, употребляемых с формой родительного падежа, имеет показатель ниже одного процента.

В рамках объектных отношений мы выявили 11 значений и описали предложно-падежные формы для их выражения; в рамках определительных отношений – 6; определительно-обстоятельственных – 6; обстоятельственных – 7 основных типов, причем при необходимости общие значения были конкретизированы и раскрыты в подтипах.

Систематизированное представление данных МТЭИ₁ по предлогам, употребляемых с формой родительного падежа, позволило выделить ряд многозначных предлогов, которые участвуют в выражении трех и более отношений, как-то: *из* (пространственные – 0,81 %, причинно-следственные – 0,20 %, объектные – 7,91 %, определительные – 0,20 %), *от* (пространственные – 0,20 %, временные – 0,41 %, объектные – 13,18 %, определительные – 0,61 %, причинно-следственные – 0,20 %), *с* (пространственные – 0,20 %, временные – 0,81 %, определительные – 0,20 %, объектные – 1,01 %) и др.

Кроме того, в процессе работы был составлен исчерпывающий перечень составных предлогов, образованных на базе существительных и глаголов. Процент их употребления в массиве с формой родительного падежа не является самым низким, например, *за счет* – 2,43 %, *в процессе* – 3,04 %, *на основе* – 1,62 % и т.д.

Полученная информация задает направление научно обоснованной и методически выверенной организации учебного материала с целью представления в полном объеме возможных значений ППФ родительного падежа и работы над их пониманием и корректным употреблением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пиотровский, Р.Г.* Инженерная лингвистика и теория языка / Р.Г. Пиотровский. – Л. : Наука, 1979. – 112 с.
2. *Митрофанова, О.Д.* Методика преподавания русского языка как иностранного / О.Д. Митрофанова, В.Г. Костомаров. – М. : Рус. язык, 1990. – 272 с.
3. Глоссарий отдела информатизации Институт информатики ИжГТУ [Электронный ресурс] / Института информатики ИжГТУ. – Ижевск, 2009. – Режим доступа : http://inc.istu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=695&Itemid=153. – Дата доступа : 27.06.2011.
4. *Родионов, В.Н.* Экономика : учеб.-метод. комплекс для иностр. слушателей фак-та доунив. образования БГУ / В.Н. Родионов, А.В. Воробьев, Т.З. Сафронова. – Минск : БГУ, 2006. – 240 с.

5. *Молочко, Н.В.* Русский язык. Читаем тексты по экономической теории : учеб. пособие : в 2 ч. / Н.В. Молочко. – Минск : БГЭУ, 2000. – Ч. 1. – 92 с.
6. *Молочко, Н.В.* Русский язык. Читаем тексты по экономической теории : учеб. пособие : в 2 ч. / Н.В. Молочко. – Минск : БГЭУ, 2000. – Ч. 2. – 148 с.

The main concept of the article reveals itself by describing different Genitive preposition-case forms of noun in terms of basic relations, linguistic data base being obtained on preposition-case forms basis, according to the analysis of a number of Russian educational-scientific texts on Economy for foreign students. Besides, the article presents some statistic data on the usage of Genitive preposition-case forms.

Поступила в редакцию 18.11.11

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н.С. Дичковская

ВИЗУАЛЬНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В РОМАНЕ ЗЕЙДИ СМИТ «О КРАСОТЕ»

Статья посвящена такому актуальному и популярному в современной литературоведческой науке явлению, как *экфрасис*, т.е. словесному описанию произведения изобразительного искусства. На протяжении веков авторы включают в свои произведения *экфрасис*, занимающий видное место и в английской литературе. Пристальный интерес английских писателей к визуальной образности является не только выражением личных пристрастий, но и продолжением художественных традиций английской литературы в целом. Это отчетливо просматривается в творчестве З. Смит, чей интерес к изобразительному искусству отражает развитие давней традиции в истории культуры Великобритании. Ее роман «О красоте» представляет собой прекрасную иллюстрацию данного типа дискурса благодаря многочисленным экфрастическим описаниям и визуальной ориентированности всего художественного произведения.

Конец XX века ознаменовался интересом к проблемам *интермедиальности*, культурного синтеза. В последние десятилетия в рамках междисциплинарных исследований активно рассматривается включение мотивов изобразительного искусства в художественную ткань произведений различных авторов. По словам М. Рубинс, *интермедиальность* в целом – это общее эстетическое пространство, в котором произведения разных видов искусства свободно сообщаются между собой, ведут диалог, что-то взаимозаимствуют, стремятся друг другу уподобиться. Отсюда вытекает определение главной функции *экфрасиса* в художественном произведении – функции перевода с языка одной семиотической системы на язык другой [1, с.68]. В литературе, в частности, это стало заметно благодаря тяге к *визуализации*; не стала исключением и английская литература.

Роман «О красоте» (“On Beauty”, 2005) молодой британской писательницы Зейди Смит (р. 1975), за который она была номинирована на Букеровскую премию и удостоена престижной литературной премии «Оранж», предлагает нам возможность насладиться текстом с мастерски вплетенными в него музыкальными произведениями и произведениями изобразительного искусства, так как автор включает в свой текст как описание картин известных художников, так и современные, и классические музыкальные события и явления. Смит признает, что книга «Глаза Рембрандта» Саймона Шама послужила основанием для выбора профессии Говарда, одного из главных героев, а весь роман она называет данью уважения роману Э.М. Форстера «Конец Говарда» [2, acknowledgements].

«О красоте» – это книга о двух тесно связанных семьях, но тем не менее находящихся в сложных конфликтных отношениях. Глава семьи Белси – Говард Белси, университетский профессор, преподающий

историю искусств в небольшом городке под Бостоном, атеист, не приветствующий даже празднование Рождества в своем доме. Сам Говард – британец, его жена Кики – афроамериканка. Антипод Говарда в романе – Монтгомери Кипс, выходец с Карибских островов, также университетский профессор. Разногласия двух профессоров касаются не только творчества Рембрандта (1606–1669), они также придерживаются крайних политических взглядов: Говард – либерал, в то время как Монти – консерватор, гомофоб, по крайней мере, хочет таким казаться, так как на самом деле его близким другом является «голубой» баптистский священник, а также противник утвердительного действия (*affirmative action*)¹, за которое ратует в своем университете Говард. Но, несмотря на религиозное воспитание, семья Монти не может похвастаться высокой моралью: глава семьи, пользуясь своим положением, принуждает к сексуальным отношениям молодую помощницу; его дочь Вероника, ведет беспорядочную половую жизнь; чрезмерно предприимчивый сын Майкл очень вспыльчив и агрессивен; и одна только Карлин, жена Монти, которая родом из Тринидада, является образцом добродетели. Неожиданная дружба Карлин и Кики строится на их любви к искусству и прекрасному.

Семья же Белси, напротив, за исключением самого Говарда, не находящего в себе сил устоять перед соблазном и изменяющего своей жене, представляет собой здоровых духом, порядочных людей: жена Кики, поражающая своей мудростью и способностью сострадать, сын Джером – принципиальный, возвышенный, глубоко переживающий и тонко чувствующий юноша, дочь Зора – интеллектуалка, идеализирующая мир вокруг себя, но твердо идущая к намеченным целям, и самый младший сын Леви, занятый поисками собственного «я», но одержимый острым желанием помочь обездоленным.

Оба профессора исследуют творчество Рембрандта и пишут о нем книгу, но Говард, в отличие от Монти, написавшего бестселлер, восхваляющий художника, никак не может закончить свою. Профессии этих двух персонажей задают тон всему повествованию. Их противоречия и взаимонепонимание ярко выражены в отношении к творчеству художника: Белси отказывается верить в гений Рембрандта, полагая, что тот всего лишь преследовал интересы заказчиков. Его академическая жизнь посвящена разоблачению традиционных представлений о Рембрандте. В данном вопросе с Белси категорически не согласен Кипс, который считает художника богоизбранным. Но интерес Кипса к искусству скорее сводится к коллекционированию ради собственной выгоды.

Даже архитектура домов отражает противоречия Белси и Кипса: викторианский дом Кипса без телевизоров и с большим количеством предметов ручной работы противопоставляется более современному

¹ *Affirmative action* ‘утвердительное действие’ – это термин, обозначающий государственную политику, которая прямо или косвенно регулирует рабочие места, прием в университеты и профессиональные учебные заведения, а также другие социальные блага и ресурсы между индивидуумами на основе принадлежности к защищаемым группам с целью компенсации за прошлую дискриминацию по вине всего общества [3, с. 1].

и по-американски обезличенному дому Белси, наполненному сложной бытовой техникой. Сын Говарда Джером, называет дом Монти *фотографическим негативом*¹ [2, р. 4] их собственного дома.

Камнем преткновения в свое время становится «Автопортрет Рембрандта с кружевным воротником», написанный в 1629 году и выставленный в Гааге, о котором Монти Кипс пишет статью. В ответной критической статье Говард комментирует мнение Кипса, думая, что Кипс имеет в виду совсем другой, но очень похожий автопортрет («Автопортрет Рембрандта»), написанный художником в том же году и находящийся в Мюнхене. Этой промашкой немедленно пользуется Кипс, чтобы показать некомпетентность Говарда, и пишет разгромное письмо в редакцию, разоблачая ошибку Говарда, письмо, которое причиняет Говарду в буквальном смысле физические страдания: «мысль о них давила Говарду на плечи, как будто кто-то подкрался сзади и навьючил на спину полный рюкзак камней» [2, р. 28].

Сам Рембрандт не признавал красоты в академическом смысле этого понятия. Канонам причесанной красоты, по словам искусствоведа Н. Дмитриевой, он бросал вызов уже в своих ранних произведениях, противопоставляя им натуру как она есть [4, с. 340]. Но в книге много «красоты»: само название романа предполагает немедленную *визуализацию*: в нем мы сталкиваемся с описанием прекрасных полотен, музыки. Как говорит в одном из интервью сама автор, «поскольку это была книга о красоте, мне хотелось, чтобы роман стал своего рода перечнем вещей, которые я люблю – романов, музыкальных произведений, некоторых человеческих лиц, картин и так далее» [5, с. 1]. Слово *красота* повторяется на протяжении всего романа, и красота начинает пониматься как начало и причина всех вещей. Красивы картины, о которых читает лекции Говард, пусть и не признавая их великолепия, прекрасны в своей молодости Виктория и Карл, прекрасна религиозность и чистота Джерома и страстное желание помочь обездоленным Леви, красива, несмотря на возраст и лишний вес, Кики. В описании последней важную роль играет большая грудь, к которой Кики готова прижать своих любимых: детей, мужа – всех тех, кто нуждается в любви, понимании, сочувствии. Эта грудь символизирует ее истинную женскую сущность и противопоставляется «плоской» фигуре Клэр, с которой изменил ей муж. Кики мы можем представить благодаря визуальному ряду, предложенному автором: сама Кики говорит о себе, что она *Тетушка Джемайма с коробки печенья из их детства, пара толстых лодыжек, вокруг которых играли Том и Джерри* [2, р. 51].

Полотно, которое в знак дружбы и взаимопонимания завещает Кики Карлин Кипс, – это ее любимая картина «Госпожа Эрзули» гаитянского художника Гектора Ипполита. Очевидно, выбор Карлин неслучаен, ведь Эрзули – богиня, отвечающая за любовь, материнство и красоту в религии

¹ Здесь и далее – перевод наш. – Н.Д.

Вуду, и олицетворением всех этих качеств выступает Кики. Карлин является настоящей ценительницей прекрасного: она с восторгом рассказывает Кики, разделяющей любовь подруги к живописи, о предстоящей поездке в загородный дом с большой коллекцией картин: *У них есть три Эдварда Хоппера, два Сингера Сарджента и Миро!* [2, р. 266]. Репродукцию «Дороги в Мейн» (1914) Хоппера женщины случайно обнаруживают в одном из магазинов, куда они отправились в преддверии рождественских праздников. На этой картине Кики представляет себя, свой безоблачный жизненный путь, каким он мог бы быть или был до встречи с Говардом, принесшим ей много радости, но и много боли. *Кто-то только что прошел здесь... Вообще-то, я думаю, что это была я. Я брела здесь, считая столбы. Не представляя, куда я направляюсь. Ни семьи. Ни обязательств. Вот было бы прекрасно!* [2, р. 268]. Реакция Карлин на картину другая – она взволнованно предлагает подруге ехать с ней в тот самый загородный дом с редкой коллекцией картин. Возможно, дорога, мирно уходящая вдаль, напомнила ей о том, что времени осталось совсем мало, и скоро она тоже отправится в дальнейшее путешествие, распрощавшись с бременем земной жизни.

В доме Белси, в отличие от дома Кипсов, картин немного: там висят их собственные портреты, а также портреты их родителей и детей. Говард, будучи искусствоведом, пропускает и саму жизнь через призму искусства. Описание портрета его отца заканчивается словами: *Говард сам ненавидит всю репрезентативную живопись и своего отца* [2, р. 18]. Его первая реакция при виде друга Леви, Карла, отсылает нас к известному полотну Рубенса: *Рубенс. Твое лицо. Из четырех африканских голов* (вынужденная политкорректная замена настоящего названия «Четыре негритянских головы», которое бы не одобрила его чернокожая семья). При виде Зоры, склонившейся над Кики, он вспоминает картину Пикассо с крепкотелыми разносчицами воды. Викторину, дочь Кипса, он видит озаренной светом, который невозможно нарисовать, не исказив его [2, р. 156].

Экфрасис раскрывает мировоззрение действующих лиц, а отношение главных героев к живописи является зеркалом отношения и к самой жизни. Так, Говард – противник эстетического удовольствия, пытается бороться с красотой в искусстве. Являясь антагонистом своего отца, а также всего прекрасного, он не считает, что Мона Лиза, которой восхищается последний, заслуживает комментариев – напротив, он пишет критическую статью о «Дерьме художника» Пьера Манцони. Он, сам того не осознавая, ежедневно разрушает любовь к искусству у своих студентов. Ярким примером его влияния служат мысли одной из учениц, раньше мечтавшей поговорить о Рембрандте с умными людьми, которые любят его и не стыдятся этого [2, р. 250] и была жестоко разочарована после его лекций. «Синдики цеха суконщиков» (1662) – это мощная картина, считающаяся одним из лучших групповых портретов в истории мировой живописи, на которой изображены суконщики, чей взгляд, кажется, преследует зрителя, где бы тот ни находился, – также подвергается критике Говарда, он не видит в ней

ничего, кроме «заказа» изобразить могущество и богатство. Друг Говарда, Эрскин, шутит, что *только человек, получающий много удовольствия дома, мог ... так противиться удовольствию на работе* [2, р. 110]. Но, несмотря на свои критические суждения, возникшие и укрепившиеся в его голове так давно, что Говард сам не помнит, на каких фактах они основаны, он тем не менее и сам испытывает на себе силу взгляда мужчин, изображенных на портрете: он вспоминает, как увидел картину в первый раз, когда ему было 14 лет и *он был неотесанным умником с перепачканными коленками, злобным, красивым, вдохновленным бесшабашным школьником без роду, без племени, но с твердым намерением все изменить, – таким Говарда Белси видели и судили синдики в тот день. Каков их приговор сейчас?* [2, р. 385]. Таким образом, мы видим, что искусство все же одерживает верх над холодной рассудительностью и скептицизмом Говарда.

Такое отношение Говарда к искусству дает возможность провести параллель и с его семейной жизнью: обретя гармонию с любимой женщиной, с которой его связывает тридцать лет брака и трое детей, с женщиной, обладающей магической природной красотой, он подсознательно стремится разрушить свое счастье, изменяя Кики с самыми неподходящими особами.

А ведь когда-то он любил Моцарта, которого променял сейчас на японскую электронную музыку, непонятную даже его современным детям. Его сын Джером удивляется, *как можно любить человека, который так последовательно отрицает мир? ... Ухаживая за Кики, он как-то спел ей половину «Волшебной флейты», причем на улице* [2, р. 236]. Но, оказавшись на своей родине, в Лондоне, на похоронах Карлин Кипс, Говард возвращается к истокам, не выдерживая душевного напряжения при звуках «Ave Verum» Моцарта: *Он с удивлением и ужасом обнаружил, что тронут прекрасными голосами, у него не было времени напомнить себе о ненависти к Моцарту, и истинные чувства хлынули из него вместе со слезами* [2, р. 286–287]. Этот эпизод обнажает истинное отношение героя к прекрасному.

Описания картин Рембрандта или отсылки к ним встречаются на протяжении всего романа. Так, во время приема в честь тридцатой годовщины семейной жизни, Говард, в надежде закончить затянувшийся разговор с гостями, начинает рассказывать в духе своих традиционных лекций, упоминая «Автопортрет с двумя кругами» (1665), тайна которых до сих пор не разгадана. На занятии он разбирает со студентами картину «Иаков, борющийся с ангелом» (1658) и гравюру «Сидящая обнаженная натурщица» (1631).

Название второй главы – «Урок анатомии» – отсылает к еще одной картине Рембрандта «Урок анатомии доктора Тульпа» (1632). В этой главе идет тщательный разбор, можно сказать, препарируются чувства Говарда и его отношения с Кики, после того, как она узнает, с кем все-таки изменял ей муж. Правда обнажается во всем своем неприглядном виде, и читателю открывается истинная история этой, подкосившей счастливый тридца-

тилетний брак, измены. Центром композиционной структуры картины является доктор Николас Тульп, который показывает окружившим его ученикам устройство мускулатуры трупа преступника, повешенного властями и переданного для публичной аутопсии амстердамской гильдии хирургов. Говарду кажется, что в образе подопытного трупа выступает он сам, уличенный в преступлении, переданный публичному общественному осуждению. Его, как и закоченелый труп с полотна художника, с любопытством обступили знакомые и коллеги, обсуждая степень его вины и то, простила ли его Кики. И именно с анализа этой картины со студентами хочет начать учебный год Говард: *Но сегодня Говард сам попал в орбиту картины. Он видел себя, лежащего на том самом столе, побелевшего и распрощавшегося с этим миром, с рукой, разрезанной для изучения студентами* [2, p. 144].

Примечательно, что во время одной из встреч с Кики Клэр вспоминает посещение Национальной галереи, где выставлена картина Рембрандта «Портрет кораблестроителя и его жены» (1633). На этом полотне кораблестроитель повернулся к вошедшей жене, которая передает ему письмо. Свет, проникающий в окно, выделяет светлое и вдохновенное лицо кораблестроителя. Известно, что в тот период художника волновали такие стороны человеческих взаимоотношений, как любовь, супружеская верность, преданность, и тем более символичным становится упоминание данной картины в разговоре жены и любовницы.

Музыка также играет важную роль в романе: словами из песен говорят персонажи, музыка – это то, что сближает и примиряет людей. Леви работает в большом музыкальном магазине и является участником рэп-группы, Карл – рэпер-одиночка, талантливый молодой поэт, запечатлевающий свои мысли и чувства в современных, понятных его поколению ритмичных стихах, поступает работать в музыкальный архив университета. Любовь к Моцарту сводит Зору и Карла. В романе фигурируют многочисленные музыкальные произведения, исполнители и группы: наряду с Моцартом упоминаются "Битлз", "U2", Мадонна, Луи Армстронг, Майкл Джексон, Фредди Меркури, "Ауткаст", Тупак, "Сайпрес Хилл". Музыка становится средством реализации чувств и эмоций: так, Моцарт символизирует стремление к прекрасному, которое старается преодолеть в себе Говард, рэп – это средство самоидентификации Леви, ищущего свои «черные» корни.

Экфрасис задан заглавием романа и является импульсом к развитию действия. Марк Сатин, редактор газеты "Radical Middle Newsletter", предлагает три интерпретации красоты в романе "О красоте" Зейди Смит: консерваторам он предлагает Моцарта и Рембрандта в качестве путеводных звезд, способных удержать нас от взглядов на грешную землю, которую покинули и красота, и правда, так как все взрослые герои романа – запутавшиеся и потерявшие что-то важное в жизни люди. Либералы же могут сделать вывод, что красота все еще доступна нам, если мы не противостояем ей и не боимся ее, а, наоборот, стараемся найти ее везде, где это возможно: в классике, народном творчестве Гаити или рэпе.

Сам же Сатин находит объяснение названию романа и всему происходящему в нем в строке из одноименного стихотворения «О красоте» (“On Beauty”), написанном Клэр: *И красота не бывает без ран (The beautiful don't lack the wound)* [2, p. 153]. Ведь вся борьба Говарда с Рембрандтом заканчивается тем, что он, истощенный годами непрерывной критики и своих собственных житейских ошибок, во время выступления перед большой аудиторией все увеличивает и увеличивает проекцию одной из картин художника на стене, пока не начинает по-настоящему *видеть* [6, p. 1]. В этот момент высказывание Ф.М. Достоевского «Красота спасет мир» становится осязаемым: Говард, наконец-то, проникается красотой работ Рембрандта, а картина «Хенрике Стоффельс. Купание в реке» (1654), которую он продолжает увеличивать на стене, пока *женская плоть не заполнила всю стену* [2, p. 443], открывает ему глаза на то, кем является он сам, как дорога ему Кики, пришедшая на выступление мужа, несмотря на его измены и предательство. В экфрасис этой картины должна была бы быть включена беседа перед изображением, а Говард должен был бы выполнить роль экзегета (т.е. эксперта), но он молчит, пораженный таинственным смыслом, внезапно открывшимся ему. Ведь Хенрике со своей любовью к Рембрандту, не покинувшая своего возлюбленного и после отлучения того от церкви, и после оскорблений и унижений в суде, – это и есть сама Кики, истинная любовь всей жизни Говарда.

Выбор художника, чьи работы красной нитью проходят через весь роман, обусловлен, на наш взгляд, несколькими факторами: во-первых, биография художника позволяет провести параллель с жизненным путем главного героя, Говарда. Известно, что после смерти жены Рембрандт какое-то время жил с няней своего сына, и эта связь скомпрометировала его в глазах общественности. Художник перестал получать заказы на портреты знати, его доходы значительно сократились. Так же и Говард, после того, как жена покинула его, узнав об изменах, вынужден был уйти в так называемый бессрочный отпуск, поставив под угрозу свою карьеру. Сходство между художником и главным героем романа подчеркивается и тем, что случайно найденные Викторией фотографии Говарда напоминают ей, да и ему самому, автопортреты Рембрандта. Во-вторых, удивительным образом богатое творческое наследие художника позволило проиллюстрировать весь роман с его сложной психологической составляющей и сюжетом.

Предметом экфрастического описания в романе являются представленные в большом количестве картины, благодаря чему его можно отнести к объекту нашего исследования: многочисленные экфрасисы, референтами которых становятся произведения изобразительного и музыкального искусства, выполняют в нем *сюжетобразующую* и *характерологическую* функцию, а также функцию *психологического анализа*. Часто встречающиеся описания произведений искусства в романе “О красоте” говорят о ведущей роли экфрасиса в развитии сюжета. Таким образом, можно выделить *сюжетобразующую* функцию экфрасиса в романе в качестве основной, так как весь конфликт завязан на искусстве.

Роман наполнен визуальной лексикой, зрительными императивами, т.е. глаголами, призывающими к тому, чтобы увидеть некое произведение искусства. Большинство экфраз в романе являются миметическими и атрибутируются по автору или стилю. Многие экфразы – косвенные, т.е. являются лишь отсылкой к тому или иному произведению искусства. Экфрастичность становится неотъемлемой частью романа Зейди Смит, привнося в него жизнь и яркие краски. Совокупность «визуальных» и «слышимых» описаний образует сложную знаковую систему, которая расширяет художественный мир произведения, обогащая язык литературного текста и предлагая читателю дополнительные зрительные и слуховые впечатления и ассоциации. Писательница добивается единства и гармонии, сближая музыку и живопись в своем романе. А пересечение различных видов экфрасиса (живописного, музыкального) в романе определяет философско-эстетическую проблематику данного художественного произведения, в котором выдвигаются вопросы о роли искусства, его взаимоотношении с реальностью, и в котором все герои так или иначе, осознанно или нет, стремятся к красоте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рубинс, М.* Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция / М. Рубинс. – СПб. : Акад. проект, 2003. – 354 с.
2. *Smith, Z.* *On Beauty* / Z. Smith. – USA : Penguin Books, 2006. – 448 p.
3. *Рожанский, Л.* История США / Л. Рожанский [Электронный ресурс]. – 24.04.2009. – Режим доступа : <http://kackad.com/kackad/?p=1568>. – Дата доступа : 12.09.2011.
4. *Дмитриева, Н.А.* Ван Гог и литература / Н.А. Дмитриева // Литература и живопись ; отв. ред. А.Н. Иезуитов – М. : Наука, 1982. – С. 268–287.
5. *Reading Guides / A Conversation with Zadie Smith* [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access : http://us.penguingroup.com/static/rguides/us/on_beauty.html. – Date of access : 04.08.2011.
6. *Satin, M.* *Zadie Smith's On Beauty: First great radical middle political novel* / M. Satin [Electronic resource]. – 01.04.2006. – Mode of access : http://www.radicalmiddle.com/x_on_beauty.htm. – Date of access : 04.08.2011.

The article focuses on the role of ekphrasis in the prose of the modern British writer Zadie Smith on the example of her novel *On Beauty* which is a good illustration of ekphrastic prose. In the process of analysis we define the types of ekphrasis in the novel and the functions this literary phenomenon performs in it.

Поступила в редакцию 27.10. 11

И.Л. Забогонская

ФУНКЦИИ ДИНАМИЧЕСКОГО СТРАНСТВИЯ В ПОЭЗИИ АНГЛИЙСКИХ РОМАНТИКОВ

В статье освещены результаты исследования доминантных элементов парадигмы поэтического странствия в творчестве «лейкистов» и «младших» английских романтиков. Выделена дихотомия динамического и медитативного странствий, рассмотрены основные особенности их дифференциации и способы взаимодействия. Особое внимание уделяется характеристике динамического странствия и его реперезентаций как на семантическом, так и на формальном уровнях. В работе определены отдельные функции динамического странствия в поэзии английского романтизма, обусловившие актуализацию антитезы как характерного композиционного приема.

Будучи магистральным мотивом мировой литературной традиции, странствие в мировоззрении и художественном методе английских поэтов-романтиков приобрело характер идеологемы, обязательной составляющей образа романтической личности. Практика реального путешествия рассматривалась в качестве важного условия профессионального становления поэта. *Романтическое странствие* во всем многообразии его вариантов являло собой пример того, как выбор формы реализации соответствующей концепции отражал индивидуальность авторов и их способов взаимоотношения с действительностью в аналогичных обстоятельствах. Иными словами – различных направлений поиска идеала как контаминации представлений о свободе, любви, искусстве, сущности бытия и Боге.

Разносторонний анализ аспектов романтического странствия и его функций в мировоззренческой системе английских поэтов-романтиков ограничен преимущественно трудами зарубежных исследователей, среди которых следует отметить работы К. Рейн [1], Дж.Л. Харрисона [2], С. Ланган [3], Р. Кардинала [4], Р. Джарвиса [5], Б. Голдберга [6], К. Томпсона [7], Р. Бейн-Пауэлл [8].

В российском литературоведении исследования затрагивают по большей мере частные вопросы, не ставя целью систематизацию и обобщение материала в контексте романтического мировоззрения. Примечательна серия академических сборников статей «Культура романтизма», в которой часть статей первого [9] и весь второй том [10] посвящены непосредственно странствию.

Представляя несомненную ценность для изучения отдельных аспектов этой проблемы, подобные работы не рассматривают предмет нашего исследования – романтическое странствие – как целостное и многофункциональное явление в английской поэзии с учетом его интегральных и дифференциальных признаков. Поэтому встает необходимость сопоставительного анализа доминантных концепций романтического странствия и способов их взаимодействия, что составляет основную цель данной работы и определяет методологию исследования, сочетающую приемы типологического и сопоставительного методов.

Для творчества большинства поэтов-романтиков характерно наличие сходных этапов активного неприятия существующей действительности, попыток ее коренного преобразования, идеализации революционных изменений (наиболее значимое из них – Французская революция) и жестокого разочарования в их результатах. Превращение героя-освободителя (Наполеона) в кровавого тирана, в убитого им же «дракона», стало рассматриваться как очередное свидетельство несовершенства человеческой природы и усугубило скептические оценки возможностей и способностей человека, его места в мироздании.

На этом этапе «пути странствий» разных авторов расходились. Одни (У. Вордсворт, С.Т. Колридж, Р. Саути) определяли истинную причину трагедии мира «падшей» природой человечества его оторванностью от истоков (Бога, патриархального уклада, природы). Их цель состояла в том, чтобы напомнить себе и другим о «допадшем» состоянии человека, в котором продолжала пребывать не тронутая тленом городской цивилизации природа, «провести» читателя в прозреваемый поэтом мир всеобщей любви в Боге, оставить навечно в его душе воспоминание о ее истинном доме и стремление к нему вернуться. В таком медитативном странствии-уходе поэт становился для читателя одновременно пророком и проводником и должен был использовать свое искусство, дабы не позволить своему спутнику свернуть с пути. Познание и исправление мира через собственную душу и душу отдельного человека предполагало обращение к глубинной причине несовершенства действительности, а не его внешнему следствию.

Другие (Дж.Г. Байрон, П.Б. Шелли, в определенной мере Дж. Китс) не менее ясно осознавали духовные истоки проблемы, но не считали возможным отказаться от взаимодействия и преобразования самой действительности, что обусловило приоритет концепции динамического странствия, ориентированного на социофизическое пространство. Центральный конфликт творческой личности эти поэты видели в необходимости выбора между предоставляемой медитативным странствием возможностью уйти в мир мечты, который часто виделся им как порожденная собственным разумом химера, и бесконечным поиском ответов вокруг, в реальной жизни.

Субъективность как структурно-содержательный принцип поэзии романтизма обуславливал значимость авторских концепций странствия, их индивидуальных способов интерпретации мира, которые в поэтическом произведении определяли своеобразие формы и содержания. Однако, несмотря на значительные расхождения концепций Вордсворта, Колриджа, Саути, Байрона, Шелли и Китса и способов их поэтической реализации, все они объединялись семантикой романтического странствия-поиска как способа преодоления общественного и личностного мировоззренческого кризиса. Этот кризис был вызван потерей устоявшихся ориентиров и переосмыслением традиций.

Объединял «старших» и «младших» романтиков и исключительный интерес к *вопросам веры*. При этом «старшие» принимали страдание, сопряженное со странствием духовного становления, как божью милость,

лекарство от порока, способ познания истины. «Младшие» романтики, при всей неоднозначности своих взглядов, признавали существование некой внешней «силы», однако их позиция была скорее позицией «верующих скептиков». Именно наличие беспричинного страдания в мире вынуждало их ставить под сомнение либо благость и справедливость этой тиранической силы, либо ее присутствие в жизни человека. Реализуя в образах своих бесприютных скитальцев собственное переживание богооставленности, Байрон и Шелли отправляли их на поиски того самого безусловно любящего Отца, который один придавал смысл человеческому существованию и был потеснен в их восприятии протестантской доктриной предопределения.

Анализ предлагаемых поэтами-романтиками направлений поиска истины (как воплощения идеала, свободы, прекрасного) и способов преодоления кризиса позволил выделить две доминантные цепи и романтического странствия – *медитативное* (Вордсворт, Колридж, в некоторой степени Саути) и *динамическое* (Байрон, Шелли, Китс), отражавшие сходства и расхождения мировоззренческих и творческих принципов разных авторов.

В дихотомии медитативного и динамического странствий статическому уходу индивидуума извне в себя противопоставляется обратное движение, изнутри наружу. Оно, по выражению И.П. Смирнова, «выворачивается наизнанку, блуждание преобразуется в телеологический путь по ходу автонегации», путь к самоуничтожению. Странник осознает тщетность своего странствия, и если убежденность в этом не сублимирована во внутреннюю мыслительную работу субъекта, то она становится разрушительной для его личности [11, с. 245–250]. В художественном пространстве поэтического произведения процесс осознания реализуется посредством романтической иронии, а результаты «мыслительной работы субъекта» определяют выбор одного из двух возможных вариантов мотива странствия – динамического или медитативного. И тогда, как считает Н.А. Вишневецкая, «романтическое странствие может обернуться возвращением к Богу, к Благодати, к устоявшейся системе моральных и эстетических ценностей, к путям отцов, к народу или нации. Но оно же может привести к опрометчивым упрекам Богу, к восстанию против вечных истин, к смятению перед бездной одиночества и утратой Благодати, которые всегда остро ощущает динамичная в своих исканиях творческая романтическая личность, бунтуя против незыблемости правил и косности авторитетов» [12, с. 8].

Универсальной формой репрезентации такого рода движения было ставшее магистральным мотивом произведений Дж.Г. Байрона, П.Б. Шелли и Дж. Китса *динамическое странствие*, объединившее в себе основополагающие идеи о необходимости свободы для существования человеческого духа и недостижимости этой свободы в земных пределах

Структура динамического странствия имеет сложную форму. На сюжетном уровне движение представляется многократным линейным перемещением между отдельными точками пространства,

но сам путь не прямой и конечный (как, к примеру, в аллегории «Путь паломника» Дж. Беньяна). Так, по мнению Ю.М. Лотмана, романтическое странствие «имеет исходную позицию – и *направление* вместо конечной точки» [13, с. 108–109]. Открытость пути и непрерывность перемещения соответствует основному принципу динамического странствия, где «неподвижному пространству рабства противопоставляется “поэтический побег”, путь, движение. Непременно указывается, *откуда* оно направлено, и не указывалось – *куда*» [Там же, с. 147]. Повествование не развивается линейно, для него характерны многовекторность и наличие множественных «кольцевых» пространственно-временных или собственно медитативных отступлений, которые актуализируют моделирующую функцию мотива странствия и позволяют создать многоуровневую смысловую структуру произведения.

Динамическое поэтическое странствие предполагало активность процесса «поглощения» пространства, многовекторность направления поиска, безудержное стремление продолжать движение от одной иллюзии воображения к другой, разочарование и отчаяние от осознания бесполезности этого пути. В основе этой концепции лежали предложенные Дж.Г. Байроном понятие *mobility* ‘изменчивость’, с коннотациями беспокойства, эмоциональной лабильности, обостренности восприятия, нестабильности, и лейтмотивный образ *fever at the core* ‘сердечного пыла/внутреннего жара’.

Мотив динамического странствия потребовал создания нового жанра романтической (лиро-эпической) поэмы, которая синтетически соединяла отдельные черты лирики, эпики и драмы и отличалась отсутствием риторичности и близостью к дневниковому стилю повествования («восточные» поэмы и «Паломничество Чайльд-Гарольда» Байрона, «Монблан...» Шелли). Появление пародийного варианта лиро-эпической поэмы – ироикомической поэмы – представило принцип романтической иронии в действии (псевдорыцарский поход в неоконченной сатире «Колпак с бубенцами» Китса, «антипаломничество» в «Дон Жуане» Байрона). Не менее популярная у романтиков символично-философская поэма обусловила высокую степень условности системы художественных образов мотива динамического странствия (философско-символические поэмы-“мистерии” «Манфред», «Каин», «Небо и земля» Байрона, «Королева Маб», «Аластор, или Дух Одиночества» Шелли, «Эндимион» Китса), актуализацию традиционных жанров аллегории (поэма «Тьма» Байрона, «Два духа», «Колдунья Атласа», «Эпипсихидион» Шелли, «Гиперион» и «Падение Гипериона» Китса).

Поэтическая форма динамического странствия, типичная для разных авторов английского романтизма, характеризовалась определенной общностью стиля и отдельных художественных средств, призванных передать на текстовом уровне динамику движения (глагольный стиль, предпочтение ритмичных метрических форм, таких как героический куплет, римская октава, спенсера строфа) и чувств (обилие лексики с усилительным значением и гипербол). Эмоциональная напряженность, энергичность

действия, острота переживания – все эти черты отличали стиль поэтических реализаций динамического странствия не только Байрона, Шелли и Китса, но и «лейкистов».

Исключением можно считать конститутивный для динамического странствия-паломничества этап созерцания, поэтические репрезентации которого характеризуются формально-структурным и стилистическим подобием медитативному странствию. Байрон проводил такие аналогии во всех четырех песнях «Паломничества Чайльд-Гарольда», «Манфреде» и псевдвордсвортских имитациях медитативной лирики, где описывал подобные *natural meditations* как один из векторов динамического странствия.

Один из наиболее ярких примеров такого эксперимента, III песнь «Чайльд-Гарольда», часто называют «лейкистской интерлюдией» (Дж. Мак-Ганн), так как она представляет попытку исследования медитативного странствия «изнутри» как части личного опыта, спроецированного автором на героя. Помимо идейного сходства в этой песни прослеживаются и структурно-содержательные аналогии с произведениями повествовательной и персонажной лирики «лейкистов».

Поэма описательного типа «Монблан: Строки, написанные в долине Шамуни» (1816) П.Б. Шелли по форме синонимична «Паломничеству Чайльд-Гарольда» сочетанием описаний конкретных образов природы и медитативных странствий как «полетов воображения», или «полетов мысли». В обеих поэмах документальность фактов переплеталась с «непосредственным впечатлением от глубоких и сильных чувств», внушенных путнику увиденными картинами, с неограниченными «выплесками» переполненной души в попытке имитировать «неукротимое буйство и недостижимое величие» природы в поэтической структуре и языке текста [14, р. 347]. При всем сходстве способов подачи дескриптивного материала в повествовании о реально проделанном автором путешествии главная идея поэмы Шелли в значительной степени отличалась от байроновской. В описываемых единичных явлениях природы Шелли видел не только свидетельства величия природы и упадка человечества, но детали, по которым воображение поэта было способно воссоздать всю структуру мироздания – без заявленного «лейкистами» внешнего импульса со стороны Творца.

Приверженность того или иного автора одной из этих доминантных концепций не обозначала полного отсутствия или отрицания в их творчестве другого элемента дихотомии романтического странствия. Этот элемент мог использоваться в качестве дидактической иллюстрации ложного пути. Так динамическое странствие представлялось в качестве ложного, профанного путешествия в поэтических надписях «лейкистов», в пасторалях «Майкл», «Дуб и ракитник» У. Вордсворта, в сонетах и балладах Р. Саути «Лорд Вильям», «Рудигер», в поэмах С.Т. Колриджа «Сказание о старом мореходе» и «Кристабель» и др.

В то же время, динамическое странствие нередко позиционировалось как необходимый этап для перехода к истинному странствию, как важный жизненный опыт. Именно с этих позиций представлена активность незрелого юношеского поиска в пасторалях «Ручной ягненок», «Праздные пастушки», пасторальной балладе «Раскаяние» и поэме «Прелюдии» У. Вордсворта, в лирике С.Т. Колриджа.

Аналогичные функции в поэмах Байрона, в лирике Шелли и Китса осуществлял мотив медитативного странствия, представляя разные пути к трансценденции, поэтическому озарению. Комбинирование двух разных концепций на уровне конкретного произведения обусловило актуализацию антитезы как типичного для обоих направлений композиционного приема, состоявшего в «столкновении» идей на уровне семантики и стиля.

Таким образом, доминантные концепции романтического странствия – динамическое и медитативное – образуют ключевую дихотомию, характеризующуюся одновременной взаимообусловленностью и антиномичностью своих элементов. Будучи реализованным в поэтическом произведении в качестве мотива, динамическое странствие осуществляло формообразующую и смыслопорождающую функции, а в комбинации с мотивом медитативного странствия – иллюстративно-дидактическую.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Raine, K.* The Inner Journey of the Poet, and Other Papers / K. Raine ; ed. B. Keeble. – N.Y. : George Braziller, 1982. – 208 p.
2. *Harrison, G.L.* Wordsworth's Vagrant Muse: Poetry, Poverty, and Power / G.L. Harrison. – Detroit : Wayne State Univ. Press, 1994. – 237 p.
3. *Langan, C.* Romantic Vagrancy: Wordsworth and the Simulation of Freedom / C. Langan. – Cambridge Univ. Press, 1995. – 304 p.
4. *Cardinal, R.* Romantic Travel / R. Cardinal // Rewriting the Self: Histories from the Renaissance to the Present / ed. R. Porter. – London, N.Y. : Routledge, 1997. – P. 135–155.
5. *Jarvis, R.* Romantic Writing and Pedestrian Travel / R. Jarvis. – Palgrave Macmillan, 2000. – 246 p.
6. *Goldberg, B.* The Lake Poets and Professional Identity / B. Goldberg. – N.Y. : Cambridge Univ. Press, 2007. – 297 p.
7. *Thompson, C.* The Suffering Traveller and the Romantic Imagination / C. Thompson. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 2007. – 299 p.
8. *Bayne-Powell, R.* Travellers in Eighteenth Century England / R. Bayne-Powell // A Theory of Civilization [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access : <http://www.civilisationis.com/smartboard/shop/bynpwllr/index.htm>. – Date of access : 09.08.2011.
9. Темница и свобода в художественном мире романтизма / ИМЛИ РАН ; отв. ред. Н.А. Вишневская [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 352 с. (Сер. «Культура романтизма»)

10. Романтизм: вечное странствие / ИМЛИ им. Горького ; отв. ред. Н.А. Вишневская [и др.]. – М. : Наука, 2005. – 398 с. (Сер. «Культура романтизма»)
11. Смирнов, И.П. Homo in via / И.П. Смирнов // Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности / И.П. Смирнов. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 236–250.
12. Вишневская, Н.А. Еще одна вечная метафора в романтическом контексте / Н.А. Вишневская, Е.Ю. Сапрыкина // Романтизм : вечное странствие / ИМЛИ им. Горького ; отв. ред. Н.А. Вишневская [и др.]. – М. : Наука, 2005. – С. 7–9. (Сер. «Культура романтизма»)
13. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров. – СПб. : Искусство–СПб, 1996. – 848 с.
14. Shelley, P.B. The Complete Poetical Works of Percy Bysshe Shelley / P.B. Shelley ; ed. H.E. Scudder. – Boston, N.Y. : Houghton Mifflin ; Cambridge : Riverside Press, 1901. – 651 p.

The article dwells upon the results of the research referring to the paradigm of “wandering” in English romantic poetry. The author investigates the “dynamic vs. meditative wandering” dichotomy and focuses on its first member.

Поступила в редакцию 01.11.11

А.А. Никифоров

ОСМЫСЛЕНИЕ АФРОАМЕРИКАНСКИМ СОЛДАТОМ СВОЕЙ РОЛИ НА ВОЙНЕ

(на примере стихотворения Гвендолин Брукс «Негритянский герой»)

Рассматривается стихотворение «Негритянский герой» афроамериканской поэтессы Гвендолин Брукс из первой книги ее стихов «Улица в Бронзвилле» (1945). На материале художественного текста, воссоздающего речь военнослужащего, изучаются особенности самосознания черного солдата в условиях сегрегации в армии США во время Второй мировой войны. Раскрываются двойственность образа врага, особенности восприятия военным своего положения, мотивы совершения героического поступка, оценка его последствий. Делается вывод, что стихотворение достоверно передает умонастроение афроамериканских военных, которое заключается в неоднозначном восприятии своего положения во время войны.

Гвендолин Брукс (1917–2000), первая из афроамериканских писателей, получивших Пулитцеровскую премию (1949) за поэзию, дебютировала книгой стихотворений “A Street in Bronzeville” («Улица в Бронзвилле») [1] в 1945 году. Обращаясь в своих произведениях к повседневному быту черного населения США, Брукс не оставляет без внимания изменения в самосознании афроамериканцев, вызванные Второй мировой войной. Двойственное отношение к войне и своему положению на войне, приятие

и неприятие своей роли как солдата, определенной «лицемерной демократией», осознание того, с кем и с чем в итоге ведется борьба, а также многие другие вопросы Г. Брукс поднимает в программном, одном из самых известных своих стихотворений “Negro Hero” («Негритянский герой»). Стихотворение вошло в несколько антологий, в частности, военной поэзии США, к примеру: “Survey of American Poetry”. Vol. IX. World War II & Aftermath («Обзор американской поэзии». Т. IX. II мировая война и послевоенные годы) [2, p. 265–266]; “American War Poetry” («Американская военная поэзия») [3, p. 215–216]; “Poets of World War II” («Поэты II мировой войны») [4, p. 115–117].

В стихотворении «Негритянский герой» автор воссоздает речь афроамериканского солдата, от чьего лица ведется повествование, раскрывая его отношение к совершенному им героическому поступку, который по своему положению и роли в войне военнослужащий по уставу не имел права совершать. Стихотворение это – монолог черного военнослужащего, передающий его размышления по поводу совершенного им поступка, причем поступок остается вне текста стихотворения. Автор в эпиграфе предлагает представить на месте героя Дори Миллера, как если бы это были его мысли о собственной роли в бою, в частности, и во Второй мировой войне. Для современного читателя, и вполне возможно, что и для читателя из США, не являющегося афроамериканцем, имя и фамилия этого человека ничего не говорят. Тем не менее, Дорис (Дори) Миллер является знаковой фигурой, одним из символов борьбы за права афроамериканского населения Америки. Гвендолин Брукс не упоминает фактического происшествия, понимая, что читающему ее произведение случившееся очень хорошо известно. Во время чтения стихотворения размышления по поводу определенных событий легко соотносятся с самими событиями. Но даже если не принимать во внимание частный исторически эпизод, размышления героя носят обобщающий характер. Сказанное им относится в равной степени и к другим афроамериканским героям войны. Подобное восприятие Второй мировой войны, места чернокожих военных в армии США, является определяющим для понимания роли как самой войны, так и роли цветных военнослужащих в восприятии афроамериканским сообществом себя как части американской нации.

Дори Миллер – первый черный военнослужащий, удостоившийся Военно-морского креста, следующей по высоте награды за доблесть после ордена Почета, за четыре подбитых японских самолета во время атаки на Перл-Харбор. В условиях сегрегации в армии черные служащие в ВМФ США фактически не могли быть боевыми офицерами и матросами. Миллер выполнял обязанности кухонного рабочего на линкоре «Вест Вирджиния». Во время атаки Миллеру было приказано уносить раненых с палубы, в частности, капитана линкора, который тем не менее не покинул свой пост. Дорис Миллер, увидев, что расчет зенитной батареи полностью уничтожен, принял решение стать к орудию, некоторое время отражал атаки японской

авиации, пока не закончились боеприпасы и пока не поступила команда покинуть судно. Впоследствии получил ту же должность на авианосце «Лиском Бэй», на котором и погиб в 1943 году. Батальная биография Дориса Миллера подробно описана в книге “African American Troops in World War II” («Афроамериканские военные во II мировой войне») [5, p. 27–29].

Уже в начале стихотворения герой заявляет: *I had to kick their law into their teeth in order to save them* ‘Я должен был вбить их закон в их же зубы, чтобы спасти их’ (здесь и далее перевод мой. – А.Н.). Автор говорит о законах о сегрегации или, иными словами, законах Джима Кроу. Происхождение самого термина неизвестно, но, по сути, законы сводятся к верховенству белых граждан над черными, к отдельному подчиненному существованию черных в любых проявлениях общественной жизни (транспорт, работа, школы, церкви и пр.). Подробно история возникновения и развития описывается в книге “The Strange Career of Jim Crow” («Странная карьера Джима Кроу») [6, p. 7].

Это высказывание задает тон тексту, который построен на смешанных чувствах рассказчика, выступающих попеременно. С одной стороны, он должен был знать свое место, т.е. не нарушать устава, не рисковать жизнью, а спасать ее, как от него и ожидалось, с другой стороны, он – герой, который поступает вопреки установкам и принимает участие в бою. Фраза *вбить их закон в их же зубы* очень эмоциональна, к тому же известно, что Дори был чемпионом по боксу в тяжелом весе на линкоре [5, p. 27], этим обусловлен подбор лексики. Поэтому далее он объясняет, в некотором смысле оправдывает эту свою эмоциональность: *However I have heard that sometimes you have to deal // Devilishly with drowning men in order to swim them to the shore* ‘Впрочем, я слышал, что иногда тебе нужно обращаться // Жестоко с тонущими, чтоб дотянуть их до берега’. Тонущие люди здесь олицетворяют сам корабль, который в итоге был потоплен. Этим намеком на то, что, перед тем как стрелять, он спасал раненых, герой немного отвлекает от реального «жестокости обращения», которое заключалось в том, что именно в области ментальной, в области отношений между черными и белыми военными был нанесен удар *в их зубы их же законом*. Д. Мелем, исследовательница творчества поэтессы, в книге “Gwendolyn Brooks: Poetry and the Heroic Voice” («Гвендолин Брукс: поэзия и героический голос») так характеризует этот отрывок: «Сбивая японские самолеты, Миллер технически нарушает устав, который ограничивал черных грязной работой, нестроевыми обязанностями. Вот почему он утверждает, что его борьба была даже больше против дискриминации, чем против японцев» [7, p. 35].

Первая строфа заканчивается строчками, взятыми в скобки (точно так же как и вторая и полностью шестая), что позволяет предположить, что эти слова произносятся не вслух, что это внутренний монолог героя, его рефлексия на только что сказанные слова. Говоря *When I think of this, I do not worry about a few // Chipped teeth* ‘Когда я думаю об этом, я не беспокоюсь о нескольких // Выбитых зубах’, герой показывает, что реакция со стороны

белых на его дерзость не волнует его. Понятие *они*, безусловно, шире и относится не только к товарищам по оружию, а к белому обществу США в целом, поскольку полученные при бомбардировке корабля ранения у спасенных им бойцов были гораздо опаснее, и если бы он не сбил несколько самолетов, потери были бы большими. Разговор о славе и своих фото в газетах во второй строфе герой заканчивает еще одним внутренним монологом: *They are not concerned that it was hardly The Enemy my fight was against // But them* 'Но они не в курсе, что это едва ли был Враг, с кем я сражался, // А они'. Здесь «Брукс реконструирует “Врага” не как иноземцев с гаубицей, но как соотечественников американцев с белой кожей ... проводя прямую связь между войной и расизмом, при этом сужая зазор между военной (иностранной) и расовой (американской) борьбой, между солдатами и гражданскими» [8, p. 197]. Таким образом, здесь развивается и уточняется понятие *они*, и это не японские летчики.

В следующей строфе герой описывает свой первый порыв, первую мотивацию к действию, объясняет, почему он бросился к оружию. Естественно, что *first swallow a liquor of battle bleeding black air dying and demon noise* 'первый глоток пьянящего сражения, кровь, черный воздух, смерть и демонический шум' привели к тому, что *blood was // Boiling about in my head and straining and howling and singing me on* 'кровь // Закипала в моей голове и сжимала и редела и звала меня'. Это был порыв удовлетворения *boy itch to get at the gun* 'мальчишеского зуда встать к орудию'. Интересно то, что он повторяет *of course* 'конечно' четыре раза, считая эту мотивацию не главной. Далее становится понятно, что этот его мальчишеский патриотический порыв является лишь ступенью, первым еще не осознаваемым движением в сторону действительной причины героического поступка.

Джордж Кент так объясняет этот сдвиг: «На одном уровне герой – просто отважный молодой человек, взбудораженный своими физическими, умственными и духовными возможностями, а на другом уровне он – изгой, питающий напрасную надежду на то, что риск жизнью в сражении станет шагом к изменению Америки и концу его статуса как изгоя» [9, p. 75]. Четвертая строфа явно свидетельствует о переходе с одного уровня на другой, здесь Миллер уже не мальчишка, а мужчина. Мгновенное взросление передается не только как резкая смена восприятия сражения, от геройского юношеского зуда до зрелого осознания в себе защитника; здесь на первый план выступает переход от озлобленности к любви. В начальных словах *It was kinder than that* 'Я был добрее этого' под *этим* подразумевается состояние первого порыва. *I showed like a banner my kindness. // I loved. And a man will guard when he loves* 'Я нес как стяг свою доброту. // Я любил. А мужчина становится на защиту, когда он любит'. Но что является объектом его любви, что он с таким риском для жизни бросается защищать? Этим предметом становится *Their white-gowned democracy* 'Их облаченная в белое демократия', его *fair lady* 'прекрасная леди'. «Признания Миллера о том, что он был разбужен войной – “звериное” чувство от “глотка” крови сражения –

перерастают в нежный рассказ о любви, в повествование о любви мужчины к своей нации, о любви к своей “прекрасной леди”» [10, p. 266]. Образ демократии, *прекрасной леди* в белом (что напрямую означает демократию для белых) дополняется «холодным ножом» спрятанным в ее рукаве, олицетворяющим подвох, опасность любви к этой леди. *But for the sake of the dear smiling mouth and the stuttered promise I toyed with my life* ‘Но ради дорого улыбающегося рта и запинаящихся обещаний я играл со своей жизнью’. Герой отказывается помнить о ноже и становится к орудию.

Пятая строфа, которая представляет собой развернутый вопрос, подводит рассказчика к оценке собственного поступка. *Still – am I good enough to die for them, is my blood bright enough to be spilled* ‘Тем не менее, достаточно ли я хорош, чтобы умереть за них, достаточно ли ярка моя кровь, чтобы пролиться?»; *Am I clean enough to kill for them, do they wish me to kill // For them or is my place while death licks his lips and strides to them // In the galley still?* ‘Достаточно ли я чист, чтобы убивать за них, хотят ли они, чтобы я убивал // Для них или мое место, когда смерть облизывает губы и шагает к ним, // все еще на камбузе?’. В этой строфе, по мнению знатока военной поэзии США Л. Голденсон, очевиден «горький привкус двойственного патриотизма черных» [11, p. 289]. Этот нелегкий как для негритянского героя, так и для того, кто взялся бы ответить, вопрос, на первый взгляд, адресован в никуда или самому себе. Несмотря на то, что используется местоимение *они* ‘за них, к ним’ вместо *вы* или *вас*, становится ясно, что адресат сообщения именно *они* – белые. Оценивая свою годность с точки зрения белых, рассказчик строит свой вопрос по схеме *умереть–убить–остаться в стороне*. Он предлагает по-разному взглянуть на свой поступок, предлагает умереть за них, предлагает убить за них, спрашивает об их желании, и только один раз интересуется: стоило ли ему оставаться в стороне.

Заключительные строфы можно воспринять как ответ на этот вопрос. Шестая строфа – это ответ белого человека, данный в скобках (здесь рассказчик как бы отрезвляет себя, напоминая о *ноже, спрятанном в рукаве*), а седьмая – это ответ самого негритянского героя: (*In a southern city a white man said // Indeed, I'd rather be dead; // Indeed, I'd rather be shot in the head // Or ridden to waste on the back of a flood // Than saved by the drop of a black man's blood* ‘В южном городе белый человек сказал: // Ей-богу, я бы лучше умер, // Ей-богу, лучше бы мне выстрелили в голову // Или смешали с потоком грязи, // Чем спасли ценою одной капли крови черного человека’). Эта однозначная позиция симптоматична для большей части белого общества, конкретнее – для юга США. Нежелание отказаться от расовых предрассудков, традиционно глубоких на американском юге, предпочтение различных вариантов смерти спасению ценой одной капли крови черного человека звучит как развернутый ответ на каждое предложение негритянского героя. Обе строфы выступают обратным вариантом друг друга. Это не только вопрос и ответ. Реально совершенные геройские действия черного в первой противопоставляются гипотетическим смертям белого во второй строфе.

Жертвенное служение родине, с ее идеалами, пока что «одетыми в белое», разнообразно описанное в вопросе, противопоставляется отвергнутой мизерной жертве ради одного человека (одной капле крови). Естественно, негритянский герой отдает себе отчет в том, насколько пугают белого человека последствия ситуации, когда он, белый, станет обязанным своим спасением черному, тем не менее, он приходит к выводу о правильности выбора.

В заключительной строфе стихотворения, возвращаясь к мысли, озвученной в начальных строках, как бы вне поля боя, глядя на свой поступок спустя некоторое время, рассказчик дает итоговую оценку с учетом предположительно отрицательного мнения белого общества. *Naturally, the important thing is, I helped to save them, them and a part of their democracy. // Even if I had to kick their law into their teeth in order to do that for them. // And I am felling well and settled in myself because I believe it was a good job, // Despite this possible horror: that they might prefer the // Preservation of their law in all its sick dignity and their knives // To the continuation of their creed // And their lives* 'Конечно, важно то, что я помог спасти их, их и часть их демократии. // Даже если мне пришлось вбить их закон в их же зубы, чтобы сделать это для них. // И я чувствую себя хорошо, и я спокоен, поскольку я верю, что это была отличная работа, // Несмотря на этот возможный ужас: что они могут предпочесть // Сохранение их закона во всем его больном достоинстве и их ножи // Продолжению их идеалов // И их жизнью'. *Больное достоинство* – это как раз то емкое понятие, которым можно описать причину униженного положения негритянского героя даже тогда, когда становится очевидным, что он – настоящий герой. Это *больное достоинство* противопоставляется действительному *здоровому* достоинству, с каким один человек идет на защиту другого. Сохранение достоинства именно вопреки непреодолимым обстоятельствам и есть главная добродетель черного героя. Или, как свидетельствует Кент: «Конечная мотивация рассказчика, тем не менее, это его любовь к скрытой враждебной демократии, которая только улыбается и, запинаясь, произносит обещания. Оставшаяся часть стихотворения через драматические обстоятельства подводит к разрешению вопроса: стоило ли оно того? Ответ, рожденный в протесте, заключается в том, что стоило спасти даже часть демократии, даже если она пока еще не соответствует своим идеалам, и чтобы хорошо выполнить работу. И это несмотря на то, что нация может предпочесть законы Джима Кроу и расовую ненависть своим демократическим убеждениям» [12, р. 71]. И все-таки, это подтверждается последней строкой стихотворения, основной ценностью, за которую негритянский герой пошел на смертельный риск, являются человеческие жизни.

Характерной чертой стихотворения становится двойственность, которая акцентируется в стихотворении разными средствами: заданная роль героя фактическая; состояние героя, передаваемое открытым и внутренним монологом; образ демократии с ее идеалами и действительным положением дел; образ врага, бомбящего его корабль и угнетающего его на родине. Многие исследователи творчества Брукс отмечают эту двойственность.

Стихотворение «воссоздает в сознании Дори Миллера дурманящую, резкую неопределенность, что значит стать черным героем, спасая жизни твоих белых врагов» [13, р. 47]. «Брукс описывает героизм афроамериканских солдат Второй мировой войны, который больше связан с переоценкой унаследованных ценностей, чем с их военными действиями. И здесь она делает этот экзистенциализм явно и открыто героическим» [14, р. 135]. Для черного солдата вопрос выживания не ставится как вопрос выживания на войне; качество его существования, а равно и качество существования его нации выходит на первый план. Образ негритянского героя – идеальный образ, Дори Миллер вполне мог не мыслить именно так, как заявлено в стихотворении, однако то, что размышления реального прототипа лежали в этой плоскости, очевидно.

Но отличительные черты этого образа характерны не только для творчества афроамериканской поэтессы, посвященного войне. Генри Шоу, изучая персонажи мужчин в поэзии Брукс, резюмирует, что она «через образы черного мужчины как гражданина постоянно указывает на парадоксы, которые изобилуют из-за несоответствия американских идеалов и американской реальности. Даже как патриот черный человек переживает напряженное состояние разрыва между радостью свободы движения к американской мечте и болью необходимости бегства из американской реальности, которая противостоит достижению этой мечты. Напряженность между американской мечтой и американской реальностью выливается в негативную диалектику, которая приводит черного гражданина к замешательству и колебаниям между преданностью и неподчинением» [15, р. 137]. Одним из отличий «Негритянского героя» является то, что инициатива переходит в руки черного человека, и его действия определяются желанием или нежеланием воспользоваться этой инициативой.

Еще одной стороной, отражающей двойственность положения негритянского героя, являются взаимоотношения черного мужчины и *прекрасной леди*, если представить их в любовной плоскости. В стихотворении напрямую не говорится о том, что эта леди – белокожая женщина (говорится, что она лишь одета в белое), но при чтении создается устойчивая ассоциация, что цвет ее кожи также белый. Американская демократия, созданная белыми, естественно, не может представляться в образе чернокожей женщины. Вводя этот женский образ в стихотворение, Брукс заостряет мотив противостояния белого человека героизму черного. То, на *что* покушается негритянский герой, то, *кого* он защищает, становится в глазах белого более чем запретным плодом для цветного мужчины. Поэтому возможность посягательства черного на *прекрасную леди* столь ужасна для человека с юга, что он готов предпочесть смерть.

Гвендолин Брукс в 1988 году признается в одном из интервью, что собиралась, но не изменила в переизданиях названия стихотворения с “Negro Hero” ‘Негритянский герой’ на “Black Hero” ‘Черный герой’ [16, р. 136].

Предпочтение первого варианта обусловлено негативной семантической окраской, которую несет слово *negro* ‘негритянский’, что в свою очередь создает отчетливый контраст по отношению к слову *hero* ‘герой’. Так как слово *black* ‘черный’ становилось все более употребительным после войны, а слово *negro* приобретало все большее и большее оскорбительное звучание, можно с уверенностью сказать, что заголовок “Black Hero” утратил бы остроту противопоставления.

Согласно месту, отведенному белыми военнослужащими афроамериканскому солдату в борьбе за демократию, негр не может быть батальным героем, однако в действительности он им становится. И не только Дорис Миллер, прототип рассказчика, но, как показали итоги войны – и многие другие афроамериканские военные. Естественно, что, говоря о действительном героизме цветных солдат, никто не стал бы употреблять выражения *негритянский герой*, поскольку оно несло бы если не оскорбительный, то пренебрежительный характер. Возможно, стремление показать, что черные тоже были героями войны, стало основным мотивом изменить название, но тогда утрачивался смысл героизма в борьбе на втором фронте: ведь этот герой сражался и против своих белых соотечественников.

Таким образом, изменив заголовок, автор мог бы разрушить исторический оксюморон *негритянский герой*, обусловленный условиями сегрегации и дискриминации в армии. Поэтому, принимая во внимание перспективу изменяющегося положения афроамериканцев в обществе – изменяющегося в лучшую сторону, Гвендолин Брукс оставляет прежнее название «Негритянский герой». Заголовок является сильной позицией – тем более в стихотворении – и, видимо, впоследствии утрата аспекта борьбы за подлинную, а не лицемерную демократию в названии привела бы к изменению восприятия всего текста. Иными словами, заголовок говорит о том, что этот солдат – герой не потому, что он – черный, а вопреки тому, что он – негр.

Гвендолин Брукс в стихотворении «Негритянский герой» создает образ черного военнослужащего, чьи рассуждения передают умонастроение, как отдельных военных, так и всего афроамериканского населения США во время Второй мировой войны. Основной характеристикой самосознания выступает двойственность положения черного в условиях сегрегации, важность выбора и последствий поступка не столько для себя лично, но и для всех (включая белых) соотечественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brooks, G. A Street in Bronzeville* / G. Brooks. – N.Y. : Harper & Brothers, 1945. – 98 p.
2. *Survey of American Poetry World War II & Aftermath (1940–1945)* / Prep. by The Editorial Board, Roth Publishing, Inc. – N.Y. : Roth Publ., Inc., 1986. – Vol. 9. – 309 p.

3. American War Poetry / ed. Lorrie Goldensohn. – N.Y. : Columbia Univ. Press, 2006. – 413 p.
4. Poets of World War II / ed. Harvey Shapiro. – N.Y. : The Library of America, 2003. – 262 p.
5. *Bielakowski, A.M.* African American Troops in World War II / A.M. Bielakowski, R. Ruggeri. – Osprey Publ., 2007. – 64 p.
6. *Woodward, C.V.* The Strange Career of Jim Crow / C.V. Woodward. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 2002. – 272 p.
7. *Melhem, D.H.* Gwendolyn Brooks: Poetry and the Heroic Voice / D.H. Melhem. – Lexington : Univ. Press of Kentucky, 1988. – 280 p.
8. *Stanford, A.F.* Dialectics of Desire: War and the Resistive Voice in Gwendolyn Brooks's "Negro Hero" and "Gay Chaps at the Bar" / A.F. Stanford // African American Review. – 1992. – Vol. 26, No. 2, Poetry and Theatre Issue (Summer, 1992), – P. 197–211.
9. *Kent, G.E.* Aesthetic Values in the Poetry of Gwendolyn Brooks / G.E. Kent // Black American literature and humanism. – Lexington : Univ. Press of Kentucky, 1981. – P. 75–94.
10. *James, J.C.* A Freedom Bought with Blood: African American War Literature from the Civil War to World War II / J.C. James. – The University of North Carolina Press, 2009. – 340 p.
11. *Goldensohn, L.* Dismantling glory: twentieth-century soldier poetry / L. Goldensohn. – N.Y. : Columbia Univ. Press, 2003. – 372 p.
12. *Kent, G.E.* A Life of Gwendolyn Brooks / G.E. Kent. – Lexington : Univ. Press of Kentucky, 1994. – 287 p.
13. *Johnson, J.N.* On Gwendolyn Brooks: Reliant Contemplation / J.N. Johnson // ed. S.C. Wright. – University of Michigan Press, 2001. – P. 45–59.
14. *Leonard, K.D.* "Weaponed Woman": The Modernist Heroism of Gwendolyn Brooks's Early Verse / K.D. Leonard // Fettered genius: the African American bardic poet from slavery to civil rights. – University of Virginia Press, 2006. – P. 118–155.
15. *Show, H.B.* Perceptions of Men in the Early Works of Gwendolyn Brooks / H.B. Show // Black American Poets between Worlds, 1940–1960 / ed. R. Baxter Miller. – Knoxville : University of Tennessee Press, 1986. – P. 136–159.
16. Conversations with Gwendolyn Brooks / ed. G.W. Gayles. – Jackson : Univ. Press of Mississippi, 2003. – 167 p.

The poem "Negro Hero" by an African-American poet Gwendolyn Brooks from her first book of poetry "A Street in Bronzeville" (1945) is under examination. On the material of the artistic writing dualities of the enemy's image, peculiarities of soldier's self-estimation (from the exile to the hero), motives of his heroism, assessment of consequences are studied in the article.

Поступила в редакцию 01.11. 11

Т.Г. Сыраежка

РАННЯ П'ЕСЫ ПЕТЭРА ХАНДКЭ
ЯК АДЛЮСТРАВАННЕ ЭКСПЕРЫМЕНТАЛЬНАГА АБНАЎЛЕННЯ
ЕЎРАПЕЙСКАЙ ДРАМЫ 60–70-х гадоў XX ст.

Артыкул прысвечаны «размоўным» п'есам выбітнага прадстаўніка сучаснай аўстрыйскай літаратуры Петэра Хандкэ. Дэталёвы аналіз аўтэнтчных тэкстаў і аўтарскага падыходу, вывучэнне нямецкамоўных літаратуразнаўчых крыніц і параўнанне з творамі вядомых драматургаў XX стагоддзя, пераважна абсурдыстаў, дазваляюць прыйсці да той высновы, што так званыя п'есы-прадмовы ўяўляюць сабой першыя драматургічныя спробы П. Хандкэ ажыццявіць неабходнае абнаўленне тэатральнай тэорыі і практыкі шляхам выкарыстання своеасаблівай – сугестыўнай, экспрэсіўнай, таўталагічна-парадаксальнай – сцэнічнай мовы, стварэння новай камунікатыўнай сітуацыі «дэкламатыры/ публіка» і аднаўлення міметычнай імітацыі рэальнасці. Пры значным уплыве як класічных традыцый, так і прынцыпаў антытэатра аўтар захоўвае творчую самабытнасць, якая характарызуецца здольнасцю адлюстроўваць гістарычныя, сацыяльныя і культурныя змены ў жыцці грамадства.

Шматгранная творчасць аўстрыйскага драматурга, паэта, празаіка і публіцыста Петэра Хандкэ (Peter Handke) з'яўляецца адным з выдатных прыкладаў таго, як пошукі іншага бачання і якасна новага падыходу да тэатра ва ўсіх магчымых яго праявах прывялі аўтара шляхам эксперыменту да статусу класіка нацыянальнай літаратуры: «Ад “шокавай” паэтыкі – да культурнай традыцыі» [1, с.355]. Так, вядомы нямецкі крытык Вендэлін Шміт-Дэнглер лічыць, што імя П. Хандкэ нездарма заўсёды згадваецца тады, калі справа ідзе аб нечым глабальным у сучаснай аўстрыйскай літаратуры: «Здаецца, што менавіта ён пачынаў кожную «новую хвалю», ён зрабіў гэта ўласным прынцыпам – ужываць пры працы над кожным творам новы стыль ці займаць новую пазіцыю»¹ [2, S. 255].

Сапраўды, малады чалавек (н. 1942), які пачаў сваю кар'еру з таго, што зараз назвалі б добрым PR-крокам – у 1966 годзе на прынстанскім паседжанні «Группы 47» папракнуў (ці, хутчэй, абвінаваціў) сваіх знакамітых калег-літаратараў у «апісальнай імпатэнцыі» [3, S. 29] і кансерватызме – сам зрабіўся надзвычай рэфэрэнтнай асобай у літаратурным сусвеце, а таксама лаўрэатам шматлікіх узнагарод: прэміі імя Г. Бюхнера (1973); Вялікай аўстрыйскай дзяржаўнай прэміі (1987); прэміі імя Г. Гейнэ (2006) і інш.

У праграмным эсе 25-гадовага П. Хандкэ «Я жыхар вежы са слановай косткі» (1967) пастуліравана нежаданне карыстацца традыцыйнымі літаратурнымі магчымасцямі адлюстравання сусвету. «Літаратура робіцца

¹ Усе цытаты з рускамоўных і нямецкамоўных крыніц, у тым ліку прыклады з тэксту п'есы П. Хандкэ, якія ніколі не выдаваліся на беларускай мове, прыведзены ў нашым перакладзе. – Т.С.

праз мову, а не праз рэчы, якія гэтай мовай апісваюцца» [3, S. 30] – так каментываў драматург свае юнацкія «папрокі» мэтрам.

Малады аўтар кіруецца ў сваім успрыманні мовы поглядамі аўстрыйскага філосафа Людвіга Вітгенштэйна і канстатуе, што мова-сродак павінна ажыць, атрымаць магчымасць унутраных змен, і толькі ў гэтым выпадку яна будзе здольная адэкватна прадстаўляць падзеі на старонках кнігі ці на сцэне і больш таго – уплываць на іх. Традыцыйны тэатр для маладога П. Хандкэ з’яўляўся «мёртвым сусветам», у які глядача заманьваюць абяцанням перанесці яго на пэўны час у больш цікавыя «сканструяваныя» абставіны, паказаць яму псеўдадзейнасць, на якое той зможа глядзець, утульна адкінуўшыся ў крэсле. І гэтую сітуацыю Петэр Хандкэ вырашыў змяніць.

Свае раннія п’есы, створаныя ў перыяд з 1964 па 1970 гг., ён называў размоўнымі. Мова ў іх – адмысловы «канструктар», набор слоў і гукаў-кубікаў, а часам і стужка Мёбіуса, сімвал адвольнай трансфармацыі быцця, што дапамагае аўтару даказаць адноснасць любой парадыгмы, створанай чалавекам.

Пры гэтым у заўвазе да сваіх п’ес П. Хандкэ адзначаў: «Яны імкнуцца не зрабіць рэвалюцыю, а звярнуць увагу» [3, S. 96]. Такім чынам, аўтар адмаўляецца ад рэпутацыі «enfant terrible» і падкрэслівае непарушныя сувязі паміж тэатрам мінулага і яго сучаснай інтэрпрэтацыяй. Знішчыць старое разуменне слова *тэатр* не з’яўляецца для драматурга самамэтай, ён марыць толькі яго ўдасканаліць. Так, па словах вядомай беларускай літаратуразнаўцы Е.А. Лявонавай, п’еса «Абразы публікі» «нясе на сабе адбітак не толькі брэхтаўскага эпічнага тэатра ... – пры адначасовым яго развенчванні, але і экспрэсіянісцкай драмы-крыку, дадаізму і іншых мастацкіх з’яў» [1, с. 312].

Асабліва выразна гэта бачна па наступных асноўных характарыстыках «размоўных» п’ес, вылучаных на прыкладзе самай вядомай з іх, эпатажнай «Абразы публікі» («Publikumsbeschimpfung», 1965), аўстрыйскім тэатральным крытыкам Герхардам Фуксам: «тэкст чытаюць ананімныя дэкламаты без уласнай гісторыі, псіхалагічнага дэкора і матывацыі ...; з пункту гледжання часу падзеі сканцэнтраваныя выключна на сучасным моманце непасрэднай рэалізацыі ..., шляхам чаго можна пазбегнуць сцвярджэння фікцыянальна-нарратыўнага гарызонту дзеяння; сцэна і акцёры ў сваіх візуальных праявах не адсылаюць да рэальнасці па-за межамі тэатра, такім чынам, рэцыпіента не ўводзяць у міметычна сканструяваны фіктыўны Сусвет; адрасатам рэпрэзентуемага паслання з’яўляецца публіка» [4, S. 99].

Перад тэкстам п’есы П. Хандкэ прыводзіць дэталёвыя «Правілы для акцёраў» і ўказанні па афармленні сцэны. На першы погляд, гэта нагадвае доўгія апісальныя рэмаркі Бернарда Шоў, але яны былі прызначаныя, хутчэй, для чытача і не з’яўляліся абавязковымі для выканання рэжысёрам, а для Хандкэ яго ўласныя патрабаванні – частка дзеяння, важны элемент, без якога як ігра, так і уражанне ад яе не будуць дасканалымі. Падрыхтоўка ўспрыняцця глядача перад п’есай таксама мае для драматурга вялікае значэнне: гульня аўтара з публікай пачынаецца заўчасна, мяжа паміж залай

і сцэнай спачатку гіпертрафіравана падкрэсліваецца, а тыя глядачы, што сядзяць наперадзе, маюць магчымасць пачуць, як за заслонай нібыта ідуць апошнія падрыхтаванні (аўтар нават раіць выкарыстаць магнітафонны запіс такіх гукаў з іншых спектакляў, дзе яны сапраўды маюць месца). Неразборлівая гаворка за заслонай будзе чутная потым у творы Сэмюэля Бекета «Не я» (1973), а прыём з «фальшывай» падрыхтоўкай да нейкай традыцыйнай п'есы вельмі нагадвае ідэю з парадаксальнага твора італьянскага празаіка і драматурга Луіджы Пірандэла «Шэсць персанажаў у пошуках аўтара» (1921).

Калі заслона падымаецца, містыфікацыя драматургам глядачоў робіцца відавочнай: перад вачыма людзей апынаецца пустая сцэна, на якую павольна выходзяць чатыры чалавекі, апранутыя самым звычайным чынам. Дэкламатары абвешчаюць, што рады глядачам, і пачынаюць сваю поўную таўталагічных супярэчанняў і «самаадмаўлення» [1, с. 311] прамову: *Вы не пабачыце тут нічога, чаго вы ўжо не бачылі. Вы не ўбачыце тут нічога з таго, што вы бачылі тут заўсёды. ... Тут ніхто не будзе іграць. Вы пабачыце спектакль без малюнкаў* [5, S. 15]. Прычым самаадмаўленне ўвесь час нарастае: спачатку акцёры супярэчаць адзінааднаму, а потым, калі п'еса даходзіць да свайго «абражальнага» апагея – адмаўляюць уласныя сцвярджэнні на працягу аднога выказвання, што вельмі нагадвае дыялогі Смітаў/Марцінаў у Іанэска. Наогул, вялікі ўплыў абсурдысцкай традыцыі на раннюю творчасць Хандкэ не падлягае сумненню. Але аўтар спрабуе і тут пайсці ўласным шляхам і ў пэўным сэнсе «дыстыляваць» творчыя метады абсурдыстаў, пераняць толькі тое, што яму падаецца неабходным. Іх смеласць у адмаўленні канонаў і высмейванні класічнага тэатра натхняе Хандкэ на стварэнне нейкага метатэатра, кривога люстэрка, у якім глядач упершыню ўбачыць сябе, а не чужую ідэю.

Бунт Хандкэ супраць футляра абумоўленасці, у які змешчаны тэатральны працэс, закранае ўсе магчымыя ўзроўні, аўтар не цураецца і адкрытай палемікі з арыстоцэлеўскім канонам: *Мы не іграем для вас дзеянне. Мы нічога не паказваем. Мы не прыкідваемся. Мы толькі размаўляем. Мы іграем, калі размаўляем з вамі* [5, S. 17]. Класічнае трыадзінства таксама будзе закранута неаднаразова, асабліва неадназначным аўтару падаецца вымярэнне часу: *Тут не паўтараецца дзеянне, якое ўжо адбылося. Тут ёсць толькі зараз, зараз і зараз ... Мы не іграем дзеянне, таму мы не іграем і час. ... Тут час бяжыць у словах* [5, S. 25]. Такім чынам Петэр Хандкэ спрабуе прыцягнуць увагу публікі да аспекту, які шмат стагоддзяў заставаўся нібы «за кадрам» падзей на сцэне – да моўнага вымярэння тэатральнасці. Прычым у адрозненне ад Іанэска і Бекета, якія таксама падкрэслівалі ў сваіх п'есах здольнасць слоў уздзейнічаць на ўспрыняцце чалавекам рэальнасці – ці нават перакручваць гэтую рэальнасць адвольным чынам – аўстрыйскі драматург увогуле не лічыць патрэбным звяртацца да якіх-небудзь сцэнічных малюнкаў: *Вам не трэба ведаць, што гэта – сцэна. ... Гэта ігра слоў* [5, S. 18].

Стварыўшы спачатку ў глядзельнай зале атмасферу «буржуазнага» тэатра, Хандкэ раптам прымушае глядачоў адчуць, што ніякай таямніцы за заслонай не існуе, як няма яе і ў паводзінах дэкламатараў: *Тут на сцэне час такі ж, як і ў вас. ... Рампа – гэта не мяжа* [5, S. 19]. Апошнiе сцвярджэнне пераклікаецца з намерам iншых драматургаў-наватараў «абудзіць», скалануць глядача, прымусяць яго адчуць уласную прысутнасць і ўласную ролю – ролю дэшыфроўшчыка тых моўных знакаў, якія з’яўляюцца аднолькавымі і для яго, і для акцёраў: *Вы больш не выпадковыя назіральнікі. ... Вы – у цэнтры ўвагі. Вы – у фокусе нашых слоў* [5, S. 18].

Драматург пастуліруе: *Гэта не сусветны тэатр* [5, S. 20], уступаючы ў палеміку з Гуга фон Гофмансталем, Францам Тэадорам Чокарам і з шэрагам iншых аўтараў, якія надавалі паняццю *Welttheater* вялікае значэнне: Хандкэ пратэстуе супраць разумення гэтага слова як ‘*Theatrum mundi*’ – як адлюстравання хаатычнага імкнення людзей дасягнуць сваіх дробязных мэтай, якое вонкаваму назіральніку падчас здаецца проста мітуслівай гульнёй, супраць успрымання акцёраў як жывых марыянетак. Яго бачанне набліжаецца да гуманістычнай iнтэрпрэтацыі паняцця *Сусветны тэатр* аўстрыйскімі драматургамі сярэдзіны ХХ ст. Харальдам Цузанекам і Куртам Бечы, што бачна па адным са шматлікіх парадаксальных самасупярэчанняў п’есы: *Гэтая п’еса – прадмова. ... Гэта прадмова да вашых дзеянняў. Гэта прадмова да вашай бяздзеінасці ... Гэта прадмова да гульні і да сур’ёзнага ў вашым жыцці. Гэта прадмова таксама да вашых будучых наведванняў тэатра. Гэта прадмова таксама да ўсіх iншых прадмоў. Гэтая п’еса – сусветны тэатр* [5, S. 42].

Гульня антонімаў падкрэслівае дыялектычнасць падыходу драматурга, ён свядома выводзіць яе на першы план, а потым вяртаецца да ўжо згаданага мімезісу і робіць бліскучы лагічны ход, які ўяўляе сабой сапраўдны «мост» паміж тэатральнымі класікай і авангардам, нібы «ўраўноўваючы ў правах» арыстоцэлеўскія адзінствы і эксперыментальны светапогляд самога Хандкэ: *Замест Вы мы пры пэўных умовах можам сказаць Мы. Гэта азначае адзінства дзеяння. Сцэна тут наверху і глядзельная зала ствараюць адзінства ... Гэта азначае адзінства месца. ... Тут існуе толькі адзін час. Гэта азначае адзінства часу. Усе згаданыя абставіны разам азначаюць адзінства часу, месца і дзеяння. І таму гэтая п’еса – класічная* [5, S. 32].

Далей, усяго ў некалькіх сказах мы бачым рэтраспектыву тэатра – ад антычнасці (з яе пафасам) і «бюргерскага тэатра» Лесінга (з яго павучальнай мэтай) да абсурдызму, які праз Нішто намагаўся сказаць хоць Нешта: *Паколькі іграўся час, ігралася рэальнасць. Тэатр іграў трыбунал. Тэатр іграў арэну. Тэатр іграў маральны інстытут. Тэатр іграў мары. Тэатр іграў культавыя дзеянні. Тэатр іграў люстэрка для вас. П’еса выходзіла за межы п’есы* [5, с. 38] Па прыведзеных цытатах бачна, што Хандкэ пастаянна прыбывае да так званага *метаду законапісьменніцтва* – распрацаванай ім мадэрнісцкай літаратурнай «тактыкі», што патрабуе бясконцага ўдакладнення пачатковага сцвярджэння і нагадвае стылістыку крымінальнага кодэкса.

Здабыткам мінулага аўтар супрацьпастаўляе сваю пазіцыю і сваё разуменне тэатральнай канцэпцыі: *Але час сыграць нельга. Час рэальны. ... Мы нічога не падрабляем* [5, S. 40]. Такім чынам драматург падводзіць гледача да высновы: самае нечаканае, незразумелае, нават абсурднае відовішча не можа пераўзысці магчымасцяў звычайных слоў: *Мы не можам гэта паказаць. Мы толькі гаворым аб гэтым* [Тамсама, S. 41]. Так, словы маюць надзвычайную моц – прыкладам можна лічыць сугестыўная пабудова рэплік, але драматург лічыць неабходным паказаць розніцу паміж уздзеяннем на свядомасць гледачоў «звычайнай» п'есы і «размоўнай». Хандкэ неаднаразова падкрэслівае: *нам няма патрэбы гіпнатызаваць вас* [Тамсама, S. 41]. Акцёры ў п'есах Хандкэ адмаўляюцца ад усіх «гіпнатычных сродкаў» класічнага тэатра, адзінае, што яны ўжываюць – пэўны набор моўных прыёмаў, і гэты «аскетызм» робіць толькі больш яркім уражанне ад слоў, што далі сваю назву твору – ад абразлівых, шматаспектных і шматгранных у сваёй зневажальнасці выказаў.

Але перад гэтым вас яшчэ абразыць [5, S. 43] – рэпліка стаіць асобна, гэта папярэджанне-пагроза, свайго кшталту ўступ да кульмінацыйнага моманту п'есы. Аўтар адразу тлумачыць свой намер (і рэмінісцэнцыя яго аргументаў бачная праз шмат гадоў у творчасці маладога аўстрыйскага драматурга-авангардыста Вернэра Шваба, майстра зняважыць публіку вульгарызмамі і абсцэннай лексікай у сваіх «фекальных» драмах): *Вас будуць абражаць, таму што абраза таксама з'яўляецца спосабам размаўляць з вамі. ... Мы можам зламаць сцяну. Мы можам вас заўважыць* [5, S. 44].

У калейдаскапічных трынаццаці рэпліках кульмінацыйні дэкламатыры чаргуюць абразу з пахваляй, а сярод эпітэтаў, якімі драматург «узнагароджвае» гледачоў, ёсць і словы *вы чума, якая зморвае* [Тамсама, S. 47], а таксама выразная апеляцыя да навейшай гісторыі краіны: *вы бандыты з канцэнтрацыйнага лагера ('KZ-Banditen')* [Тамсама, S. 46] (як вядома, многія грамадзяне ў свой час радасна віталі аншлюс Аўстрыі нацыстамі і выкарыстоўвалі потым рабскую працу ваеннапалонных). «Шокавая тэрапія», «кантрастны душ» – менавіта такія паралелі можна правесці да аўтарскай лексікі і манеры яе кампануюкі: *Вы – выдатныя выканаўцы, вы ратазеі, вы псеўдарэвалюцыянеры, вы адсталыя... ... Вы шэдэўры. Вы акцёры на характарныя ролі. Вы выканаўцы роляў людзей. Вы прыхільнікі сусветнага тэатра. ... Вы налелкі. Вы вехі ў гісторыі тэатра* [5, S. 47]. Петэр Хандкэ ўсімі магчымымі сродкамі падкрэслівае асаблівую ролю гледачоў у існаванні інстытута тэатральнасці, ён намагаецца прымусіць іх саміх зразумець гэта, адчуць сваю адказнасць. Таму нават заслона пасля раптоўных слоў *Вам тут былі рады. Мы дзякуем вам. Спакойнай ночы* [Тамсама, S. 48] падае не да канца – спачатку для гледачоў гучаць праз дынамікі агаломшваючыя апладысменты.

П'еса «Абразы публікі» заканчваецца гэтак жа нечакана і непрадказальна, як пачынаецца. Петэр Хандкэ стварыў своеасаблівую рэтраспектыву тэатральнага дзеяння – аўстрыйскі крытык Герхард Фукс называе

гэтую п'есу «драматызаваным тэарэтычным эсэ аб тэатры» [4, S. 100] – драматург нібы «прэпарыраваў» класічныя «спажывецкія» ўяўленні публікі пра тэатральны працэс і свядома адмовіўся яго звыклага каларыту. Уласным творам Хандкэ дае наступнае вызначэнне: «Размоўныя п'есы – гэта спектаклі без малюнкаў, паколькі яны не даюць малюнка свету. Яны паказваюць свет не ў форме малюнкаў, а ў форме слоў» [5, S. 95]. Ідэю «ўсеабдымнасці» слова аўтар удала распрацоўвае і ў астатніх размоўных п'есах – «Прадказанне» («Weissagung», 1964), «Самаабвінавачванне» («Selbstbeziehung», 1965), «Крыкі аб дапамозе» («Hilferufe», 1967) і «Каспар» («Kaspar», 1968).

Даволі кароткі (13 старонак) твор «Прадказанне», што складаецца з банальных таўталагічных сентэнцый, прадэкламаных паасобку і ва ўнісон чатырма чытальнікамі, Хандкэ пазней назаве фармальным вопытам, без якога ў яго творчасці было б больш свабоды. Але ж гэты вопыт утрымлівае важную думку: метафара, асабліва калі гэта агульнавядомае ўстойлівае словазлучэнне, падчас замянае разуменню сапраўднай сутнасці з'явы ці прадмета, адцягвае ўвагу на сябе, патрабуе апрыёрнай веры і нават паслухмянасці. Падобным чынам звяртаецца да «народных мудрасцей» і чэшскі драматург-абсурдыст Вацлаў Гавел у сваёй п'есе «Свята ў садзе» (1963), дзе ён абыгрывае метафару як сродак уздзеяння на ўспрыняцце слухачом інфармацыі: пасля агульнавядомага выразу (ці перад ім) ідуць, нібыта ў якасці тлумачэння, прыдуманая самім аўтарам абсурдныя «прымаўкі»-пароды.

Чытальнікі ў «Прадказанні» пазначаныя як «a, b, c, d», што выклікае асацыяцыі з п'есай «Эмігранты» (1973) прадстаўніка польскага тэатра абсурду Славаміра Мрожака, дзе галоўныя героі – гэта «AA» ды «XX». Дадзены прыём, безумоўна, дапамагае ў пэўнай ступені нівеліраваць персанажаў і падкрэсліць іх «штучнасць», што даволі характэрна для анты-тэатральнай эстэтыкі. Але калі Мрожак, перад усім, «універсалізуе» вобразы, набліжаючы іх адначасова і да горкаўскіх «герояў дна», і да бекетаўскіх Уладзіміра і Эстрагона, то Хандкэ ставіць сабе яшчэ некалькі мэт: па-першае, ён, як і ў «Абразе публікі», увогуле пазбаўляе дэкламатараў персанальнасці, каб перанесці акцэнт на іх словы, па-другое – атрымлівае магчымасць для своеасаблівай «разбіўкі» тэкста на сола, дуэт, трыя і хор.

Варта адзначыць таксама стварэнне Петэрам Хандкэ дадатковага візуальнага тэкставага аспекту: на апошніх дзвюх старонках сказы ідуць «лесвіцай». Гэты авангардысцкі элемент – праява аўтарскай зацікаўленасці стылем *канкрэтнай паэзіі*, якому аддалі даніну і іншыя драматургі, і пісьменнікі-эксперыментатары сярэдзіны і другой паловы XX ст., асабліва гэта тычыцца прадстаўнікоў так званай Венскай групы. Нам падаецца значнай распрацоўка яе ўдзельнікамі радыкальнай тэндэнцыі разглядаць мову як аптычны і акустычны матэрыял. Менавіта так яе і ўспрымае Петэр Хандкэ ў сваіх творах. Аднак, трэба заўважыць, што «механічная» фармальная гульня з радкамі не задавальняе аўтара, ён выкарыстоўвае гэты сродак, каб падкрэсліць ідэю і прымусяць рэцыпіента ярчэй успрыняць сэнс слоў.

Перад «Самаабвінавачваннем», у адрозненне ад «Прадкавання», Хандкэ зноў змяшчае канкрэтныя інструкцыі, але на гэты раз справа ідзе аб поўнай «антытэатралізацыі» атмасферы: заслона не выкарыстоўваецца наогул, зала і сцэна ўвесь час аднолькава асветленыя. Аўтар падкрэслівае: *Роляў не існуе. Дэкламатарка і дэкламатар ... гавораць разам, ціха і гучна, з вельмі рэзкімі пераходамі, так, каб узнікаў акустычны лад* [5, S. 70] – яшчэ адно сведчанне ўплыву на драматурга крытычнай моўнай філасофіі Венскай групы. Тэкст п'есы ўяўляе сабой глыбока іранічную, нават у нечым гратэскую, споведзь з некалькімі сэнсавымі падузроўнямі, дзе пералічваецца ўчынкі чалавека з нараджэння і да скону, якія з цягам часу ўсё больш не адпавядаюць напісаным і ненапісаным, значным і дробязным сацыяльным нормам і законам: *Я пляваў на зямлю ў тых месцах, дзе на зямлю пляваць нельга. ... Я пляваў у твар людзям, пляваць на якіх было персанальнай абразай Бога* [5, S. 78]. Драматург падкрэслівае – менавіта вывучэнне мовы, набывае моўнай кампетэнцыі робіць чалавека «чалавекам сацыяльным»: *Я вывучыў словы. ... Я вывучыў розніцу паміж гэтым і тым. Я вывучыў прыметнікі. Я вывучыў розніцу паміж добром і злом* [5, S. 72], а ў выніку адбываецца тое закабаленне асобы Словам, якое потым Хандкэ выразна адлюструе ў знакамітай п'есе «Каспар»: *Я стаў прадметам сказаў. Я стаў дапаўненнем сказаў. ... Я стаў шэрагам літар* [Тамсама].

У тэксце аўтар пастаянна выкарыстоўвае складаныя «кніжныя» граматычныя формы мінулага часу з мадальнымі дзеясловамі, дзе словы падобныя на дэталі канструктара: *Ich habe etwas wollen können. Ich habe etwas nicht wollen können* 'Я мог нечага хацець. Я мог нечага не хацець' [5, S. 74] – такая «неаўтэнтычнасць» надае п'есе сатырычнае адценне, высмейвае штучнасць мовы розных цыркуляраў, загадаў і прадпісанняў. Усе сказы п'есы апавядальныя, за выключэннем адной рэплікі, у якой пералічваецца ўсе магчымыя крыніцы забарон, парушэнне якіх нібыта і робіць чалавека вінаватым перад самім сабой і грамадствам: *Ці парушыў я правілы, планы, ідэі, пастулаты, асновы, цырыманіялы, статуты, агульныя меркаванні і формулы ўсяго свету?* [Тамсама, с. 77]. Формулы прыходзяць да нас праз словы, словы становяцца больш рэальныя за астатні свет, таму не дзіўна, што чалавек робіць выснову: *Я блытаў жыццё з клішэ* [5, с. 89].

Мэтай драматурга было стварыць сітуацыю новага кантакта глядзельнай залы і акцёраў, але ў «Самаабвінавачванні» Хандкэ дасягнуў сапраўднага тэатральнага сінкрэтызму – яднання глядача, акцёра і аўтара: *Я прышоў у тэатр. Я паслухаў гэтую п'есу. Я зачытаў гэтую п'есу. Я напісаў гэтую п'есу* [5, с. 93], і базай для такога яднання выступае мова. Так, у Хандкэ яна часта стылістычна і граматычна «няроўная», нязвыкая, але, як падкрэслівае Е.А. Лявонава, «моўны авангардызм быў для Хандкэ сродкам звярнуць увагу на ... камунікатыўны крызіс у сучасным грамадстве, паказаць свой погляд на стан драматургіі і тэатра і на магчымыя шляхі іх рэфарміравання» [1, с. 313].

Гэтая тэма закранаецца і ў творы «Крыкі аб дапамозе», які Герхард Фукс называе «акумуляцыйнай моўнага матэрыяла» [4, S. 101], а Е.А. Ляво-нава – скетчам, дзе «мова даведзеная да параксізму» [1, с. 313]: аўтар працягвае ствараць мазаіку з рэкамендацый, парад, павучанняў і забарон, якія толькі можна сустрэць у народнай творчасці, афіцыйных зваротах, анатацыях, у паліцэйскіх паведамленнях і нават на этыкетках. Літаратурная тэхніка Хандкэ нагадвае постмадэрнісцкі пасціш, пры дапамозе якога ўзнікае новы драматургічны мета-тэкст – парадыйны і адначасова ультыматыўны, ён паказвае, што людзі падпарадкоўваюцца словам, што не людзі ствараюць мову, а мова – людзей, і тэатральная сцэна – найлепшая гэтаму ілюстрацыя.

Калі разглядаць раннія п'есы Хандкэ як працэс паступальнага раз-віцця гэтай ідэі, то яе безумоўнай кульмінацыйнай можна лічыць апошнюю размоўную п'есу «Каспар», прысвечаную гісторыі знакамітага ў XIX ста-годдзі таямнічага знайдзіша-«дзікуна» Каспара Хаўзера (аб ім пісалі Поль Верлен і Якаб Васэрман, па матывах яго «прыгод» знята некалькі фільмаў і пастаўлены балет). Творчасць Петэра Хандкэ адметная тым, што яго творы заўсёды з'яўляліся ў належны час, і менавіта п'есу «Каспар» шматлікія нямецкамоўныя даследчыкі лічаць своеасаблівым апагеам яго сцэнічнага эксперыменту, падчас якога «імітуюцца сродкі, пры дапамозе якіх Тэатр імітуе Сусвет» [4, S. 120].

У гэтым творы «звычайныя тэатральныя атрыбуты, такія, як заслона ці суфлёры, набываюць драматычную функцыю» [Тамсама, S. 120], аўтар зноў вяртаецца да сатырычна перабольшанай «*тэатралізацыі*» *рэальнасці*, а пратаганіст пры першым з'яўленні носіць маску – даніна традыцыям сусветнага тэатра і спосаб зрабіць адзінай крыніцай ведаў аб героі яго словы. Цікава, што суфлёры-інструктары, чый абавязак – прымусова «адукаваць» Каспара праз паўтарэнне моўных клішэ, не з'яўляюцца на сцэне ўвогуле, іх галасы запісаныя на плёнку – прыём, які Е.А. Леонава асацыіруе з бекетаўскай «Апошняй стужкай Крэпа» (1958), спрыяе таму, што «тэма адзіноты не толькі не адсоўваецца ўбок, але нават акцэнтуюцца» [1, с. 315].

У выніку такой «адукацыі» Каспар, гэты «Маўглі з падвала», што імкнецца стаць «сваім» у незнаёмым вялізным свеце, вымушаны зразу-мець: чалавечае існаванне ўяўляе сабой, па сутнасці, такое ж бясконцае падпарадкаванне чужым пажаданням, якое было навязана герою п'есы з маленства. І ў апошняй сцэне герой у распачы вяртаецца да публікі, але не за падтрымкай – ён тры разы раз'юшана крычыць у глядзельную залу: «kozy і авечкі» [1, с. 314]. «Каспар» прымушае ўзгадаць творы Франца Кафкі і Альбера Камю – толькі тыя паказвалі чалавека як безабаронную істоту пад прыгнётам лёсу, абставін, уласных заган і фобій, а Хандкэ выводзіць на сцэну персанаж, які не вытрымлівае экзістэнцыяльнага цяжару апасродкаванай мовай сацыялізацыі.

Замыкаючы кола, можна прывесці сцвярджэнне В. Шмідт-Дэнглера аб тым, што менавіта ў п'есах «Абразы публікі» і «Каспар» Хандкэ «знішчыў тую базавую дыялагічную сітуацыю, якая прымушае персанажаў драмы размаўляць адзін з адным» [2, S. 226] – драматург здолеў «павярнуць сваіх

персанажаў на 90 градусаў і прымусіць размаўляць з публікай» [2, с. 226]. З цягам часу памкненне драматурга, напачатку роднаснае мэце Арабаля і Арто – уразіць і захапіць глядача, напужаць яго і заахваціць перайсці мяжу паміж сцэнай і партэрам – трансфармавалася ў глыбінную задачу сінхранізаваць макракосмы тэатра і чалавека пры дапамозе ўсемагутнага і падаўляючага сродку – чалавечай мовы. Безумоўна, у сваёй далейшай творчасці Петэр Хандкэ паступова пераходзіць ад крытычнага стаўлення да мовы і эксперыментаў з ёй да больш рэалістычных творчых метадаў, аднак яго раннія п’есы – як першыя крокі на доўгім шляху аўтара-шукальніка – з поўным правам лічацца бліскучым пачаткам літаратурнай кар’еры, што ўзбагацілі сучасную драматургію радыкальна новым поглядам на моўнае вымярэнне тэатральнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. История австрийской литературы XX века : в 2 т. – М. : ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2010. – Т. 2. 1945–2000. – 576 с.
2. *Schmidt-Dengler, W.* Bruchlinien. Vorlesungen zur österreichischen Literatur 1945 bis 1990 / W. Schmidt-Dengler. – Salzburg ; Wien : Residenz Verl., 1995. – 559 S.
3. *Handke, P.* Ich bin ein Bewohner des Elfenbeinturms / P. Handke. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verl., 1972. – 234 S.
4. *Zeitgenössisches Theater in Deutschland und Frankreich* / Hrsg. W. Floeck. – Tübingen : Francke, 1989. – 275 S.
5. *Handke, P.* Publikumsbeschimpfung und andere Sprechstücke / P. Handke. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verl., 1979. – 97 S.

The article analyzes the early «talking» plays of the well-known modern Austrian writer and playwright Peter Handke (1942). Handke’s creative approach and experimental manner of writing are characterized by an extreme «asceticism» in using the classical attributes of performance, by a new form of the player/reciter-audience contact and by a tendency to emphasize a special role of the language dimension of theatricality.

Поступила в редакцию 28.10.11

Т.М. Тарасава

ФІЛАСОФСКІЯ ЭКЗІСТЭНЦЫЯЛЬНЫЯ КАНЦЭПЦЫІ І ІХ МАСТАЦКАЯ ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ

Цэнтрам філасофскай мыслі на розных этапах яе развіцця была ідея ценнасці чалавеческай жыцці. Філасофскія экзистэнцыяльныя канцэпцыі XX века (проблемы жыцці і смерці, свабоды і рабства, адночэства і масавага нівеліравання лічыннасці, праблемы выбара і адветсвеннасці) аддалі прадпочтэнне ізучэнню внутрэнняга міра індывідуума. Іх ценнасць в том, што нравственныя катэгорыі в жыцці чалавека прызнаюцца важнымі фактарамі яго развіцця і самоусовершенствования. Всемирная

художественная мысль XX века (белорусская в том числе) актуализовала экзистенциальную проблематику, чтобы поднять личность на более высокий уровень самосознания, который поможет ему найти опору в кризисные часы. Тенденции развития белорусской литературы рассматриваются как один из вариантов общего европейского эстетико-философского феномена.

Цікавасць да праблемы чалавека надзвычай востра актуалізавалася ў канцы XX ст., у эпоху катастрафічнага руйнавання навакольнага асяроддзя, гонкі ядзерных узбраенняў, абвастрэння псіхалагічных праблем у тэхнагенным грамадстве. Філасофска-антрапалагічная тэматыка пад уплывам ідэй плюралізму навуковых ведаў, нелінейнага мыслення, працэсаў глабалізацыі атрымала новы імпульс у сваім развіцці. І тым не менш ідэя каштоўнасці чалавека заставалася цэнтрам філасофскай думкі на розных этапах яе развіцця. Прайшоўшы праз шматлікія мадыфікацыі, яна (ідэя) не страціла пафасу выключнасці чалавека як жывой істоты. Такая канцэпцыя настойліва гучала ў працах М. Хайдэгера («Бытие и время»), Э. Касірэра («Опыт о человеке»), М. Шэлера («Сущность человека, новый опыт философской антропологии»), Ж.-П. Сартра («Бытие и ничто»), Э. Фрома («Душа человека») і іншых філосафаў-антраполагаў.

Паняцце *экзістэнцыя* (існаванне, лат. *existentia*, ад дзеяслова *ex-sisto*, *ex-sistere* ‘выступать, выходзіць, выяўляць сябе, існаваць, узнікаць, паяўляцца, станавіцца, рабіцца’) шырока выкарыстоўваецца філасофіяй для абазначэння канкрэтнага быцця. Змест гэтага паняцця прыцягвае істотныя трансфармацыі ў гісторыі філасофскай думкі. *Э к з і с т э н ц ы ю* трактуюць як нераздзельную цэласнасць суб’екта і аб’екта, як “быццё-у-свеце” сітуацыйнага характару, як карань істоты чалавека. *Экзістэнцыю* вызначаюць яшчэ як трансцэндэнцыю (выхад за свае межы) і як свабоду – цяжар, што ўскладзены на плечы чалавека, калі ён хоча быць асобай.

Сучасныя філасофскія канцэпцыі ў вызначэнні *экзістэнцыі* апіраюцца на феноменалогію Ф. Гусерля (свядомасць – асноўны аб’ект вывучэння) і кіркегараўскае тлумачэнне. Сапраўды, філасофская думка канца XIX ст. перажывала бурны працэс *экзістэнцыялізацыі*. Дацкі філосаф С. Кіркегар (1813–1855) выступаў з крытыкай асноўных прынцыпаў гегелеўскай філасофіі аб тоеснасці мыслення і быцця і сфармуляваў мадэль існавання (*existenz*), у аснове якой ляжаў бунт супраць Бога, Розуму, этыкі, традыцый. С. Кіркегар супрацьпастаўляў гегелеўскай дыялектыцы сваю *экзістэнцыяльную* дыялектыку, сутнасць якой у тым, што пераход у новую якасць невытлумачальны (працуе прынцып апрычыннасці і алагічнасці), супярэчнасці непрымірныя. Асабліва ўвага ў філасофіі С. Кіркегара («Понятие страха», «Страх и трепет») надавалася страху перад тварам смерці (“Смерть есть метаморфоза. В мгновение смерти человек находится на крайней точке синтеза; дух как бы не может присутствовать здесь; он, конечно, не может умереть, но ему приходится ждать, поскольку телу нужно умереть...” [1, с. 187]; “Страх есть посторонняя, чуждая власть, овладевающая

индивидуумом; вырваться из ее власти он не может, потому что боится: чего мы боимся, того мы желаем вместе с тем" [2]. С. Кіркегар выступаў супраць успрыняцця чалавека толькі як статычнага суб'екта ці аб'екта, а заклікаў імкнуцца спасцігнуць чалавека ў працэсе яго існавання, у дынаміцы, у быцці (ад дзеяслова *быць*). Усведамленне С. Кіркегарам значнасці самасвядомасці прыводзіць яго да фундаментальнага вываду – разумення праўды як адносін (адноснай праўды). Гэты вывад філосафа не прыніжае ролю аб'ектыўнай праўды, для С. Кіркегара куды больш важным з'яўляецца суб'ектыўны свет. Такім чынам С. Кіркегар сфармуляваў фундаментальныя канцэпты экзістэнцыяльнай філасофіі (пераадоленне дыхатаміі суб'ект – аб'ект, каштоўнасць самасвядомасці), якія знойдуць увасабленне і ў мастацкай думцы.

Нямецкі філосаф А. Шапэнгаўэр у рабоце «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа» ўпершыню закрануў праблему *свабоды* (смерці), *межаў*, якая стане надзвычай канцэптuallyнай для ХХ ст.: "Есть что-то неестественное в характере нашей жизни: в гармонии вещей не может лежать она, – этот суровый рок, эта неискоренимая зараза греха, этот безграничный Предел..." [3, с. 67]. Узнятая А. Шапэнгаўэрам праблема межаў актуалізуецца ХХ ст., калі выразна пачне фарміравацца экзістэнцыяльны погляд на чалавека і свет.

Пачатак ХХ ст. праблему *духоўнай свабоды* фармулюе як фундаментальную. Экзістэнцыяльная філасофія ўключае катэгорыю *с в а б о д ы* ў кола праблем жыцця і смерці. Смерць, на думку філосафаў, становіцца найважнейшай мяжой, пачаткам сапраўднай свабоды. "Человек экзистенциального сознания оказался побежденным непосильным поиском пределов. Отсюда его одиночество, рефлексия, восприятие мира как враждебного, раздвоение и озлобление, обостренная реакция на мир, бегство в трансцендентное Ничто, ощущение абсурдности бытия. Все это составило в ХХ веке круг проблем экзистенциального сознания", – канстатуе расійскі даследчык В.Заманская [4, с. 34–35].

Філасофская думка ХХ ст. апынулася ў складаных умовах пры вывучэнні феномена чалавека. Нямецкі філосаф Макс Шэлер у прадмове да працы "Сущность человека, новый опыт философской антропологии" (1928) пісаў: "Вопросы: "Что есть человек и каково его место в бытии?" – занимали меня с момента пробуждения моего философского сознания и казались более существенными и центральными, чем любой другой философский вопрос" [5, с. 520]. М. Шэлера ўслед за А. Шапэнгаўэрам асабліва цікавіла праблематыка смерці: "Человек – это *вечный "Фауст"*, *bestia cupidissima* *regum* *potatum* (зверь, алчущий нового (лат.), никогда не успокаивающийся на окружающей действительности, всегда стремящийся *прорвать пределы* своего здесь-и-теперь-так-бытия и "окружающего мира", в том числе и наличную действительность собственного Я" [5, с. 65]; М. Шэлер пера-

кананы, што чалавеказнаўчыя навукі "скорее скрываюць сутнасць чалавека, чым раскрываюць яе. ... Еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время" [5, с. 32].

Антрапалагічная праблематыка не засталася па-за ўвагай французскага філосафа-экзістэнцыяліста Ж.-П. Сартра («Первичное отношение к другому: любовь, язык, мозаизм») [6, с. 189], які засяродзіў увагу на ўнікальнасці перажыванняў чалавека і як гэтыя перажыванні зафіксаваны яго свядомасцю. Філосаф-пісьменнік распрацоўвае ідэю індывідуальнай свабоды ў якасці канструктыўнага элемента быцця. Гэта дае яму магчымасць трактаваць індывіда як "аўтара сваіх паводзін" і "адказнага за свет і за сябе ў ім". Чалавек у Ж.-П. Сартра цалкам свабодны ў выбары самога сябе і свету, таму ён нясе поўную адказнасць за свой выбар. Філасофская думка Ж.-П. Сартра пры ўсіх яе абмежаванасцях спрыяла замацаванню ідэі свабоды чалавека як найвышэйшай каштоўнасці ў прасторы духоўнага клімату Еўропы.

Погляды французскага мысліцеля Жака Марытэна («Краткий очерк о существовании и существующем») [7] не супадаюць з думкамі Ж.-П. Сартра. Шчасце чалавека, на думку філосафа, звязана не толькі з матэрыяльным, але і з духоўным узроўнем жыцця, з боскімі каштоўнасцямі – ісцінай, дабром, прыгажосцю, міласэрнасцю, узаемадапамогай. Таму існаванне чалавека ў свеце нельга лічыць абсурдным, яно мае глыбінны сэнс. Чалавек, які засяроджаны толькі на сваім «я», не здольны гарманічна развівацца. Індывідуалізм – гэта шлях да эгаізму, лічыць філосаф.

Пошук ісціны ва ўнутраным свеце чалавека заўсёды характэрны для пераломных эпох, калі мяняліся сацыяльна-эканамічныя сістэмы, рэлігійныя канцэпцыі. Філасофія экзістэнцыялізму ўзнікла ў час крызісных з'яў у грамадстве, але сацыяльныя праблемы аказаліся ёю мала запатрабаванымі. Пры відавочных праліках каштоўнасць філасофіі экзістэнцыялізму сёння не выклікае сумненняў: яна (каштоўнасць) перш за ўсё ў тым, што "существование человека по своей сути является конкретным и субъективным. Экзистенциалисты, – пісаў В. Франкл, – способствовали тому, что нравственная ответственность вновь стала предметом обсуждения. Неслучайно философия экзистенциализма получила название философии "призыва". Ведь представляя жизнь человека как нечто своеобразное и неповторимое, она имплицитно призывает людей в своей собственной жизни реализовать эти неповторимые и уникальные возможности" [8, с. 184]. Чалавек, такім чынам, павінен сам вызначаць сваю ўласную мэту і зразумець непаўторнасць і своеасаблівасць уласнага жыцця.

Важным сацыяльна-філасофскім вучэннем ХХ ст. ў заходнееўрапейскіх краінах становіцца псіхааналіз, які ў 60-я гг., сінтэзаваўшыся з экзістэнцыялізмам, атрымаў назву *экзістэнцыяльны псіхааналіз*, ля вытокаў якога стаяў З. Фрэйд і яго тэорыя пра тое, што сама па сабе чалавечая прырода – выключны дар Божы, а ўсё дурное ідзе ад неразумных сацыяльных норм, якія перашкаджаюць самарэалізацыі чалавека.

Спалучэнне біялагічных і сацыяльных фактараў надалі новы штуршок псіхааналізу. Э. Фром, вывучаючы прыроду чалавека, не супрацьпастаўляў біялагічныя фактары і культурныя. Чалавека ён лічыў перш за ўсё

сацыяльнай асобай. Адносіны індывіда да свету, да навакольнага асяроддзя, да людзей і да самога сябе павінны стаць вызначальнымі пры вывучэнні асобы чалавека. Філасофская антрапалогія Э. Фрома спрыяе вывучэнню чалавека як феномена. Вучоны не ідэалізуе чалавека, ён паслядоўна даследуе яго разбуральныя імпульсы («*Душа чалавека*», «*З палону ілюзій*»), але здольны бачыць і нераскрыты патэнцыял.

Руская экзістэнцыяльная філасофія пачатку ХХ ст. таксама спрабавала асэнсаваць катастрофічную сітуацыю татальнай неабароненасці чалавека, крызісу духоўнасці. М. Бярдзьева, Л. Шастова, Г. Фядотава і іншых. філосафаў хвалявала праблема аўтаматызацыі быцця, што прывяло да адрыву масавага чалавека ад быццёвых сэнсавых каранёў, выклікала маральны рэлятывізм і песімізм, пачуццё адчужанасці і адзіноты. У рускай філасофіі асаблівую ўвагу надавалі праблеме свабоды асобы (Г. Фядотаў. «*Рождение свободы*», «*Россия и свобода*»; М. Бярдзьеў. «*Философия свободы*», «*Творчество и свобода. Индивидуализм и универсализм*»; Л. Шастоў. «*Апофеоз беспочвенности*», «*Киркегард и экзистенциальная философия*» і інш.). Найвышэйшую каштоўнасць для Г. Фядотава мае свабода асобы – "... абсолютная ценность личности (души), которой нельзя пожертвовать ни для какого коллектива – народа, государства или даже церкви" [9, с. 225], але не менш важным з'яўляецца прызнанне права на чужую свабоду: "Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе" [10, с. 204].

Праблема *ўзаемаадносін грамадскага і індывідуальнага* займала і М. Бярдзьева: "Социологизм и индивидуализм глубоко между собой связаны, это две стороны одной и той же разобщенности мира, два выражения того же некосмического состояния мира. ... Ложно противопоставлять индивидуализму общественность. Общественность и индивидуализм прекрасно соединимы" [11, с. 479].

У канцы ХХ ст. стала відавочным, наколькі жыццё чалавецтва залежыць ад фактара яго ўласнай свядомасці. Тэхналагічная забяспечанасць і сыты страўнік не аберагаюць ад духоўнага крызісу, які цягне за сабой экалагічны, міжэтнічны, міжрэлігійны. Сутнасць сучаснага экзістэнцыяльнага падыходу да праблем чалавека ў тым, што ён ажыццяўляе аналіз яго прыроды і на матэрыялістычным, і на ідэалістычным узроўнях адначасова. "Экзистенциализм можно определить как стремление понять человека, не раскалывая его на субъекта и объекта" [12, с. 114].

Сёння найлепш гэтую задачу выконвае мастацтва, бо яно, як лічыць Р. Мэй, "выражается более символически, чем осознающая себя мысль, отчасти из-за того, что искусство всегда показывает с особой ясностью духовный и эмоциональный настрой данной культуры" [12, с. 118–119]. Зварот мастацтва ХХ ст. да экзістэнцыі абумоўлены жаданнем падняць чалавека на больш высокі ўзровень самасвядомасці, які дапаможа яму намацаць падмурак свайго існавання ў крызісны час. Менавіта крызіс прымушае чалавека дзейнічаць, разважаць, шукаць праўду пра самога сябе. Экзістэнцыяльны спосаб трактоўкі чалавека не можа быць рэалізаваны па-за сувязямі са знешнім светам і з той гістарычнай сітуацыяй, у якой ён сфарміраваўся.

Новыя погляды на чалавека запатрабавалі новых падыходаў да яго даследавання. Гуманістычная літаратура XIX ст. нават у самым "маленькім" чалавеку перш за ўсё бачыла чалавека вартага павагі і шанавання. Прыгожае пісьменства фарміравала і паглыбляла канцэпцыю *асобы* – адно з найважнейшых адкрыццяў класічнай літаратуры. Заходнееўрапейкая літаратура экзістэнцыяльнай арыентацыі амаль цалкам адмаўляецца ад гэтай канцэпцыі, у той час як руская і беларуская імкнуцца спалучыць экзістэнцыяльнае і асобаснае.

Апрычыннасць экзістэнцыяльнага мыслення XX ст. разбурае сацыяльную матывацыю асобы і адкрывае ў чалавеку яго непаўторны ўнутраны свет на ўзроўні прыродных рэакцый, свет самакаштоўны і самадастатковы. Такім чынам, чалавек адзінкавы, унікальны, феноменалагічны становіцца аб'ектам літаратуры экзістэнцыяльнай арыентацыі. Абсурднасць свету для пісьменніка гэтага накірунку – вынік чалавечага развіцця, таму мастак-экзістэнцыяліст адмаўляецца ад гістарычнай логікі і не прызнае ў чалавеку тую асобу, якую чытач прывык бачыць у класічнай літаратуры. Гэта звязана з прынцыпова іншымі мастацкімі задачамі.

Мастацкая думка, скіраваная на разгаданне таямніцы быцця, фарміруе ў экзістэнцыяльна арыентаванай літаратуры "достаточна устойлівую модель мира. Ее параметрами являются: *катастрофичность бытия, кризисность сознания, онтологическое одиночество человека*" [4, с. 32]. Гэтыя параметры вызначаюць сутнасць чалавека, закінутага, адзінокага, самотнага, замкнёнага. Такі тып чалавека вызначае яго стасункі са знешнім светам, і гэта – адчужэнне. "Оно реализуется на всех уровнях, – адзначае В.В. Заманская: отчуждение от природы, среды обитания и цивилизованной среды, отчуждение от собственного Я. Одиночество в экзистенциальном сознании характеризует положение и состояние человека в мире. ... Отсюда и эмоциональная доминанта произведений экзистенциальной традиции. Она рождается из страха, между ужасом смерти и ужасом жизни; из переживаний одиночества, чужести, незащищенности перед онтологической бесконечностью бытия и собственными душевными безднами" [4, с. 32–33]. Прынцыпова іншае, чым у класічнай літаратуры, адбываецца вырашэнне праблем: жыцця і смерці, сацыяльнага статусу чалавека, яго гістарычнай ролі.

Свядомая актуалізацыя экзістэнцыяльнай праблематыкі літаратурай дапамагае бачыць праблемы сучаснасці, якія выклікаюць смутак, незадаволенасць, адзіноту, духоўную атрафію, і шукаць канструктыўныя шляхі для самавыяўлення асобы. Праўда, свабода самавыяўлення не заўсёды забяспечвае гармонію чалавека і грамадства, індывідуальнага і калектыўнага.

Пачуццё самасцвярджэння ўласціва любому чалавеку, яно складае ядро «я»-асобы. Выбар самога сябе, уласных сэнсавых арыенціраў, шляхоў самарэалізацыі немагчымы без спасціжэння ўнутранага свету свайго «я». Літаратура экзістэнцыяльнай арыентацыі аддае перавагу ўнікальнасці ўнутранага свету чалавека, звяртаючы асабліва пільную ўвагу на пагрозу

страціць сэнс існавання, на боязь вакуумнай пустаты. Такая трывога ўвесь час жыве ў чалавеку, менавіта яна выпрацоўвае ў ім сілы супрацьстаяць, рэалізоўваць уласную свабоду. Даць чалавеку магчымасць зразумець яго ўнутраны свет – у гэтым і заключаецца псіхатэрапеўтычная функцыя літаратуры экзістэнцыяльнай арыентацыі.

Філасофская думка XX стагоддзя імкнецца вытлумачыць сябе перш за ўсё праз эстэтычныя катэгорыі літаратуры ("Хочаш быць філосафам – пішы раманы", – пісаў А. Камю), яны ж таксама трансфармуюцца пад уплывам філасофскага зместу. Бінарны (неразрыўнасць філасофскага і эстэтычнага пачаткаў) характар мыслення, адкрыты А. Шапэнгаўэрам, абумовіў усплёск самых разнастайных мастацкіх накірункаў і школ, якія (кожная на свой лад) імкнуліся ўвасобіць паўнату ўсіх сфер самавыяўлення асобы. Прыгожае пісьменства XX ст. (асабліва заходнееўрапейскае) цікавіў перш за ўсё пазасацыяльны чалавек, які свядома засяроджаны толькі на сваім унутраным жыцці, уласных комплексах, прыватных матэрыяльных інтарэсах.

М. Метэрлінк («Сокровища смиренных», 1896) сфармуляваў сваю думку так: усё трагічнае скандэнсавана ў штодзённым, "у самім факце жыцця", "у прысутнасці душы ў самім факце жыцця". Здольнасць М. Метэрлінка бачыць за знешнімі падзеямі вышэйшую духоўную сутнасць чалавека, якая, на яго думку, найглыбей выяўляе сябе ў маўчанні (самае патаемнае, не атрымаўшы свайго моўнага афармлення, застаецца нявыказаным), вымушала мастака шукаць новыя паэтычныя сродкі. Погляды М. Метэрлінка знайшлі ўвасабленне ў яго мастацкай канцэпцыі: прынцып *другога дыялога* ў "тэатры маўчання", метафара *слепаты* як сімвал самасвядомасці чалавецтва («Няпрошаная», «Сляпыя», «Там, унутры»), насычанасць твораў сімволікай (як рэлігійнай, так і містычнай), у якой выявілася цяга да духоўнасці дзеля выяўлення сутнасці быцця праз алегорыі, іншасказанні, метафары). Метэрлінкаўскі матыў маўчання паспяхова выкарыстоўваецца сёння літаратурай экзістэнцыяльнай скіраванасці. Крызісы пачатку XX ст. напоўнілі мастацтва пафасам татальнага адмаўлення і нават самаадмаўлення. Ідэі абсурднага свету знайшлі ўвасабленне ў мастацкай практыцы дадаістаў, сюррэалістаў, куба-футурыстаў і іншых мадэрнісцкіх групавак.

Стан свядомасці чалавека XX ст. ў заходнееўрапейскай прозе найглыбей увасобіў Рабер Музіль у рамане «Чалавек без якасцей» (надрукаваны ў 1943 г.), які даследчыкі лічаць анатоміяй чалавечай свядомасці. Прыём "взгляд изнутри" даваў магчымасць пісьменніку праз прызму свядомасці героя, і толькі яго, інтэрпрэтаваць рэчаіснасць. У свядомасці сучаснага чалавека, на думку пісьменніка, схаваны эпіцэнтр крызісу ўсяго свету. Мастак разбураў гарманічны ідэал *homo sapiens*, які склаўся стагоддзямі, і спрабаваў шукаць шляхі, каб спыніць распад асобы, які цягнуў за сабой дэградацыю грамадства. Пошукі заходнееўрапейскай літаратуры XX ст., калі пахіснулася вера ў бога, адкрыўся песімістычны бок прагрэсу і назіралася здрабненне чалавечай натуры, ідуць у накірунку выпраўлення ўласніцкіх

інстынктаў чалавека, паслаблення яго эгаізму. Рамантычная настальгія па прыродным як сапраўднай крыніцы энэргіі для чалавека была рэакцыяй літаратуры на працэсы ўрбанізацыі, што, як аказалася, вядуць да канчатковай ізаляцыі сучаснага чалавека.

Беларускую літаратуру XX ст. належыць разглядаць у трох прасторах – уласна беларускай, рускай і еўрапейскай. Яе экзістэнцыялізацыю трэба ўспрымаць як адзін з варыянтаў агульнага еўрапейскага эстэтыка-філасофскага феномена. У нацыянальнай літаратуры пачатку XX ст. дамінавала ідэя адраджэння, што, па-першае, у нейкай ступені прытармазіла працэсы ўпадніцтва, адчаю, шырока распаўсюджання ў заходнееўрапейскай філасофіі і прыгожым пісьменстве. Па-другое, беларуская літаратура не была выключэннем з агульнага еўрапейскага кантэкста. Пісьменнікі Ядвігін Ш., Янка Купала, Якуб Колас, М. Багдановіч, М. Гарэцкі, З. Бядуля і іншыя не абыходзілі ў сваёй творчасці праблемы быцця і свядомасці чалавека. Жанравая эвалюцыя лірыка-філасофскай, сацыяльна-філасофскай прозы стала яркім таму прыкладам («Антон», «Што яно?», «Дзве душы» М. Гарэцкага, «Палескія аповесці» Якуба Коласа, «Сястра», «Пошукі будучыні», «Млечны Шлях» Кузьмы Чорнага).

Інтэлектуальны пачатак, закладзены беларускай прозай пачатку XX ст., запатрабаваў пашырэння і паглыблення філасофскай праблематыкі, звязанай найперш з духоўнай дзейнасцю чалавека, яго самасвядомасцю, крыніцамі інтэлектуальнай энэргіі, нормамі маралі. Экзістэнцыяльная свядомасць пад уплывам асабліва рускай літаратуры (Ф. Дастаеўскага, Л. Талстога, Л. Андрэева, А. Белага і інш.) актыўна пранікае ў мастацкую структуру беларускай прозы. Л. Гаранін адзначае: “Пошукі мастацка-філасофскай думкі ідуць ... у накірунку самапаглыблення, самаразвіцця самой мастацка-філасофскай думкі, саміх пачуццяў, уяўленняў, вобразаў...”[13, с.120]. У дакастрычніцкі час быццёвая праблематыка, экзістэнцыяльная свядомасць увасаблялася ў беларускай літаратуры як у рэалістычных, так і авангардных формах. Іх дыялектычны мастацкі сінтэз мог быць надзвычай плённым для гарманічнага развіцця нацыянальнага пісьменства, маштабнага ўвасаблення разнастайных тыпаў свядомасці ў літаратуры.

Тэрмін *экзістэнцыя* не прыжыўся ў беларускім савецкім літаратурнаўстве па ідэалагічных прычынах, бо суадносіўся найперш з буржуазнай філасофіяй экзістэнцыялізму. Заходнееўрапейская трактоўка экзістэнцыі прыныпова разыходзілася з актыўнай жыццёвай пазіцыяй савецкага чалавека, якому належыла падаўляць у сабе ірацыянальнае, падсвядомае і самаажыццяўляцца ў калектыве, сацыяльным асяроддзі. Па гэтай прычыне экзістэнцыяльная праблематыка ў беларускай літаратуры паслякастрычніцкага часу рэалізуе сябе пераважна ў межах рэалістычнай псіхалагічнай прозы. Мадэрнісцкія мадэлі, нерэалістычныя формы, якія ў заходнееўрапейскай літаратуры найбольш эфектыўна ўвасаблялі экзістэнцыяльную свядомасць, не маглі развівацца ў палітызаваным савецкім грамадстве.

Канец XX ст., постперабудовачны час спалучыў у беларускай літаратуры розныя эстэтычныя сістэмы – рэалістычныя, авангардныя, постмадэрнісцкія, якія сёння ўвасабляюць экзистэнцыяльную свядомасць у адпаведнасці са сваімі задачамі. Такім чынам, зварот філасофіі, літаратуры да экзистэнцыяльных праблем чалавека быў абумоўлены сацыяльна-гістарычнымі умовамі развіцця грамадства канца XIX – пачатку XX ст., калі адбылася сутнасная пераацэнка маральна-этычных каштоўнасцей. Сёння анталагічныя канцэпцыі скіраваны да думкі, што актуалізацыя экзистэнцыяльнай праблематыкі ва ўмовах дэградацыі каштоўнасных арыенціраў сучаснага грамадства можа садзейнічаць пошуку новай парадыгмы быцця, улічыўшы, з аднаго боку, каштоўнасны патэнцыял суб’екта ў свеце і, з другога боку, яго ўнутраны крызіс, выкліканы нявер’ем як у ірацыянальнае, так і ў рацыянальны розум. Гісторыя развіцця філасофска-мастацкіх экзистэнцыяльных канцэпцый паказала ўсю складанасць чалавечага існавання, трываласць трагічнага ў жыцці, фундаментальны характар невядомага як рэальнасці людскога свету.

ЛІТАРАТУРА

1. *Кьеркегор, С.* Страх и трепет / С. Кьеркегор ; пер. с дат. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
2. *Кьеркегор, С.* Дневник / С. Кьеркегор [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : www.vehi.net/shestov/kirkegar/11.html. – Дата доступа : 15.09.2011.
3. *Шопенгауэр, А.* Избранные произведения / А. Шопенгауэр ; сост., вступ. ст. и примеч. И.С.Нарский. – М. : Просвещение, 1992. – 479 с.
4. *Заманская, В.В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий / В.В. Заманская. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 304 с.
5. Проблема человека в западной философии: Переводы ; сост. и послесл. П.С. Гуревича ; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 31–95.
6. *Сартр, Ж.-П.* Первичное отношение к другому: любовь, язык, мозахизм / Ж.-П. Сартр // Проблема человека в западной философии: Переводы ; сост. и послесл. П.С. Гуревича ; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 207–228.
7. *Маритен, Ж.* Краткий очерк о существовании и существующем / Ж. Маритен // Проблема человека в западной философии: Переводы ; сост. и послесл. П.С. Гуревича ; общ. ред. Ю.Н. Попова – М. : Прогресс, 1988. – С. 229–260.
8. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла : сб. / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

9. Федотов, Г.П. Рождение свободы / Г.П. Федотов // Новый мир. – 1989. – № 4. – С. 218–230.
10. Федотов, Г.П. Россия и свобода / Г.П. Федотов // Знамя. – 1989. – № 12. – С. 197–214.
11. Бердяев, Н. Философия свободы. Смысл творчества / Н. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 607с.
12. Экзистенциальная психология. Экзистенция / под ред. Р. Мэя ; пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. – М. : Апрель Пресс ; ЭСКИМО-Пресс, 2001. – 624с.
13. Гаранин, Л.Я. Философские искания в белорусской литературе / Л.Я. Гаранин. – Минск
14. : Наука и техника, 1984. – 222 с.

The value of human life was the central philosophical idea in the history of civilization. Philosophical existential concepts of the XX century (problems of life and death, freedom and slavery, loneliness and mass leveling of the personality, choice and responsibility) focused on the study of the internal world of an individual. Their value lies in the fact that moral categories in human life are considered as the important factors of man's development and self-perfection. By emphasizing existential problems the 20th century world literature (including the Belarusian one) raised human personality to a higher level of self-consciousness which may help to find moral support in the time of crisis. Trends in the development of Belarusian literature are examined as one of the variants of general European aesthetic and philosophical phenomenon.

Поступила в редакцию 28.10.11

НАШИ АВТОРЫ

- Г у т о в с к а я М а р и н а С т е п а н о в н а – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания БГУ. Тел. 227-50-10.
- Д в о р к и н а Е к а т е р и н а Ю р ь е в н а – аспирант кафедры лексикологии испанского языка МГЛУ. Тел. 284-81-16.
- Д и ч к о в с к а я Н а т а л ь я С т а н и с л а в о в н а – аспирант кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.
- З а б о г о н с к а я И р и н а Л е о н и д о в н а – аспирант кафедры мировой литературы и культурологи Полоцкого государственного университета. Тел. (8-0214) 46-04-68.
- И з м а й л о в А н т о н З е л и м х а н о в и ч – кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Московской государственной академии коммунального хозяйства и строительства. Тел. (8-10-7-495) 678-22-11.
- К а р н е в с к а я Е л е н а Б о р и с о в н а – кандидат филологических наук, зав. кафедрой фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- К р и в о н о с Е к а т е р и н а А л е к с а н д р о в н а – доцент кафедры теории и методики преподавания русского языка как иностранного БГУ. Тел. 200-71-13.
- К р ю ч к о в а А н н а Е в г е н ь е в н а – преподаватель кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- К у з и н А л е к с а н д р Н и к о л а е в и ч – кандидат филологических наук, доцент кафедры современных технологий перевода. Тел. 294-75-74.
- М а к а р ч е н к о Е к а т е р и н а А н а т о л ь е в н а – преподаватель кафедры фонетики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.
- М о г и л е в ц е в С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.
- Н е б о р с к а я Л а р и с а Н и к о л а е в н а – кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел.: 284-81-31.
- Н и к и ф о р о в А л е к с а н д р А л е к с а н д р о в и ч – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Полоцкого государственного университета. Тел. (8-0214) 53-50-03.
- П а н о в а И н н а И в а н о в н а – кандидат филологических наук, профессор кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- С к а л о з у б о в а О л ь г а С е р г е е в н а – аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ. Тел. 284-00-14.
- С ы р о е ж к о Т а т ь я н а Г е н н а д ь е в н а – аспирант кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ. Тел. 294-71-14.
- Т а р а с о в а Т а м а р а Н и к о л а е в н а – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской литературы и культуры БГПУ им. М. Танка. Тел. 227-78-14.
- Т а х а Ф а л а к – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.
- Ч а л о в а О к с а н а Н и к о л а е в н а – аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.
- Ш и т и к о в а И р и н а В а с и л ь е в н а – аспирант кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№6 (55), 2011

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редакторы: *Л.М. Малинина, А.И. Гуторова*
Ст. корректор *С.О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 21.12.11. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 10,53. Тираж 100 экз. Заказ 70.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172